

**РОЛЬ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ
ДИПЛОМАТИИ В
МИРОТВОРЧЕСКОМ
ПРОЦЕССЕ**

**Материалы грузино-абхазской
конференции
Март, 1999 г. Сочи**

Содержание

Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе
The Role of Unofficial Diplomacy in the Peace Process

Editor: Paula Garb

This publication was made possible by
The William and Flora Hewlett Foundation.

Copyright © 1999 University of California, Irvine

Social Science Plaza A 3151
Irvine, California 92697-5100
(949) 824-1227
(949) 824-1544 fax

Пола Гарб. Предисловие	5
Нателла Акаба. Конфликты нового времени	7
Георгий Анчабадзе. Попытки нейтрализации грузино-абхазского конфликта методами народной дипломатии (На основании личного опыта)	17
Марина Барцыц. Выход из конфликта в традиционном правосознании абхазов	38
Леван Герадзе. Роль гражданского общества в предотвращении и решении вооруженных конфликтов(На примере Грузии)	55
Аслан Гуажба. Обычное право абхазов как возможный источник методов народной дипломатии	59
Манана Гургулия. Народная дипломатия: реальность и иллюзии ...	110
Олег Дамения. Народная дипломатия как феномен кавказской культуры: истоки и смысл	131
Роман Дбар. Тема экологии в гражданской дипломатии на примере абхазо-грузинских поствоенных отношений	143
Шалва Джаошвили. Экологические проблемы восточной части Чёрного моря и их роль в народной дипломатии	153
Арда Инал-ипа. О причинах малой эффективности народно-дипломатического процесса в грузино-абхазском конфликте	168
Лиана Кварчелия. Неправительственные организации и народная дипломатия (на примере абхазо-грузинских взаимоотношений)	177
Батал Кобахия. Различные уровни дипломатии (официальной и неофициальной) по преодолению абхазо-грузинского конфликта	186
Абесалом Лепсая. Грузино-абхазский конфликт и деятельность неправительственных организаций: изучение накопленного опыта и возможные перспективы	201
Марина Никурадзе. Народная дипломатия в грузино-абхазском конфликте: пути развития глазами участников	220
Нодар Сарджвеладзе. Народная дипломатия глазами грузинского беженца из Абхазии	232
Марина Элбакидзе. Отношение к народной дипломатии (результаты социологического исследования)	247

Предисловие

Предлагаемый сборник является результатом первого года исследовательских работ и конференций, которые были организованы Калифорнийским Университетом, г. Ирвайн. Задачами двухгодичного проекта являются:

- (1) Содействие конструктивному диалогу и сотрудничеству между представителями обеих сторон грузино-абхазского конфликта.
- (2) Внесение вклада в теорию конфликтологии путём использования методологий, позволяющих проследить влияние неофициальной дипломатии на участников этого проекта.
- (3) Распространение результатов проекта как в регионе, так и среди международных организаций и специалистов, занимающихся разрешением конфликтов.

Мы провели шесть параллельных встреч в августе, сентябре, декабре 1998 года и в марте 1999 года. За год работы двадцать два грузина и абхаза по меньшей мере один раз приняли участие в совместной конференции. С 1997 года половина из них была вовлечена во все пять двусторонних встреч, которые были организованы Калифорнийским Университетом, г. Ирвайн.

Предлагаемые исследования раскрывают отношение к официальной и неофициальной дипломатии среди граждан с обеих сторон, а также потенциалы и препятствия в разрешении конфликта. Все авторы представили свои исследования на совместной конференции в марте 1999 года в г. Сочи. Анализ результатов этих первых исследований свидетельствуют о том, что неофициальная дипломатия оказала огромное влияние на всех участников, вызвав значительные личные трансформации, но не оказала ощутимого влияния на общественное мнение. Исследования показывают, что большинство опрошенных людей об этих инициативах с обеих сторон не знают и не уверены в их значимости. Среди основных причин этой ограниченной общественной осведомлённости является тот факт, что участники делятся своим опытом только в узком кругу близких родственников и друзей. Освещение событий в СМИ чрезвычайно редко и проходит обычно незамеченным.

Конфликты нового времени

Статьи касаются также таких сложных областей как различные интерпретации истории региона, а также международные и внутривнутриполитические отношения и события, которые привели к конфликту и которые мешают его разрешению. Некоторые авторы исследуют новые модели взаимоотношений между сторонами. Все они предлагают свои рекомендации для улучшения мирного процесса, особенно на уровне простых граждан.

Мы надеемся, что этот сборник будет широко распространён в регионе и послужит продвижению диалога. Чтобы быть доступной публике с обеих сторон, публикация производится на русском языке. Краткое изложение статей на английском языке доступно в Интернете (<http://hypatia.ss.uci.edu/gracs/peacemaking/#eval>) для всех занимающихся разрешением конфликтов на международном уровне. Мы приветствуем все ваши комментарии, мнения и предложения для будущего исследования и практических мер, способствующих конструктивной трансформации грузино-абхазского конфликта.

Мне хотелось бы выразить благодарность William and Flora Hewlett Foundation за поддержку данного проекта, а также поблагодарить спонсоров предыдущих проектов, на основе которых был разработан настоящий проект-Winston Foundation for World Peace, University of California's Institute on Global Conflict and Cooperation, Global Peace and Conflict Studies и факультеты Социальной экологии и Общественных наук Калифорнийского Университета, г. Ирвайн, а также частных доноров Южной Калифорнии. Этот проект не был бы возможен без безустанных усилий его координаторов Арды Инал-Ипа и Пааты Закарешили, а также других коллег, которые приняли участие во встречах и представили свои статьи. Я также благодарю Сюзен Аллен Нан и Джей Ротман, которые работали со мной по организации проекта, а также Карен Блустоун, Линн Виссон, Стивена Джоунза, Александру Краковски, Джона Пола Ледераха, Елену Озерову, Келли Роузек, Эми Стэффорд, Марджори Фаррар, Юлию Шалимову, которые внесли неоценимый вклад в дело продвижения этой работы.

Хотя окончание «холодной войны» и положило конец глобальному противостоянию супердержав, для многих людей на постсоветском пространстве, а также в Восточной и Центральной Европе, мир не стал безопасным. Локальные вооруженные конфликты, охватившие некоторые страны, только что освободившиеся от тоталитаризма, не только привели к огромным материальным и человеческим потерям, но и породили огромную отрицательную энергию. Демократические ценности, ради которых бывшие граждане коммунистической империи готовы были идти на баррикады, обесценились и стали казаться циничным обманом. А народы, еще недавно мирно жившие рядом, вдруг стали восприниматься как носители зла. Как справедливо указывает Мэри Андерсон, большинство сегодняшних войн ведутся людьми, которые еще недавно были соседями, работали вместе. Сражения разворачиваются в жилых районах, и невозможно провести границу между бойцами и гражданским населением.¹

Таким образом, создалась новая ситуация, породившая совершенно новые конфликты, и практика последних лет свидетельствует, что традиционная дипломатия, эффективно действовавшая в период «холодной войны» и формировавшая архитектуру послевоенной Европы, сегодня оказалась неподготовленной к урегулированию «конфликтов нового поколения» - термин, предложенный Б. Бутросом Гали. В этой сфере сегодня, на наш взгляд, ощущается острый дефицит свежих идей и новых подходов.

Попытки урегулировать грузино-абхазский конфликт, продолжающиеся под эгидой ООН уже более шести лет, не принесли Абхазии подлинного мира, а Грузия так и не получила столь необходимой ей политической стабильности, без которой вряд ли возможны серьезные западные инвестиции. Одним из важных упущений как самих конфликтующих сторон, так и посредников, по-видимому, можно считать то обстоятельство, что не было предпринято попыток проанализировать ход переговорного процесса и осмыслить причины отсутствия существен-

¹ Мэри Андерсон. Лекция, прочитанная в Summer Peacebuilding Institute (Eastern Mennonite University, USA), июнь 1997 г.

ного прогресса в деле политического урегулирования взаимоотношений между Абхазией и Грузией.

Одной из наиболее серьезных причин этих неудач является, по нашему мнению, отсутствие должного внимания к социально-психологическому аспекту данного конфликта, что, впрочем, довольно типично для официальной дипломатии. За годы переговоров не сделано почти ничего для укрепления взаимного доверия между обоими сообществами и разрушения образа врага.

Для автора данной статьи, как и для всякого, кто знаком с грузино-абхазским конфликтом изнутри, наблюдая его развитие на протяжении своей сознательной жизни, совершенно очевидна его многомерность и глубина пропасти, разделившей два сообщества. Глубокие историко-культурные, политико-правовые и психологические корни делают грузино-абхазский конфликт трудноразрешимым в рамках привычных подходов, выработанных еще со времен Черчилля, Рузвельта и Сталина. Только уйдя от привычных схем и понятий и сосредоточившись не на изобретении новых способов давления на абхазскую сторону (изоляция, экономические санкции), а на поиске внутренних ресурсов мира, можно найти выход из тупика, в котором, на наш взгляд, оказались сегодня абхазо-грузинские переговоры.

Дипломатия второго сорта?

Складывается впечатление, что в среде профессиональных дипломатов и высокопоставленных чиновников из международных организаций, участвующих в урегулировании конфликтов на Кавказе, и, в частности, грузино-абхазского, превалирует мнение, что народная дипломатия может сыграть лишь вспомогательную роль, да и то только после того, как принципиальные соглашения уже достигнуты на официальных переговорах. Скорее всего, это мнение является довольно распространенным и в глобальном масштабе. Это подтверждается практикой использования применительно к неофициальной дипломатии красноречивого термина - «*Second -Track Diplomacy*», что по смыслу можно перевести как «дипломатия второго плана». На наш взгляд, недооценка возможностей народной, или неофициальной, дипломатии является одной из причин отсутствия прогресса на переговорах, поскольку именно те, кого принято называть простыми людьми, обладают на самом деле ключом к миру.

Надо быть очень наивным человеком, чтобы полагать, что достаточно лидерам Абхазии и Грузии подписать некий документ, определяющий контуры политико-правовых взаимоотношений, как сам собой начнется

процесс примирения, вернуться в свои дома беженцы, и оба сообщества приступят к мирному строительству. На самом деле путь к подлинному миру гораздо более извилист и к его поискам должны быть подключены самые широкие общественные круги. Приходится сожалеть, что достижения конфликтологической науки, в частности, теория трансформации конфликта, еще не так часто находят практическое применение в рамках официального переговорного процесса, оставаясь, как правило, достоянием довольно узкого круга специалистов. Последние знают, что далеко не во всех случаях движение к миру происходит сверху, т.е. с высшей точки пирамиды власти, вниз, на уровень народных масс. Так, в некоторых африканских странах, где сохранились традиционные общественные институты урегулирования межклановых и межплеменных конфликтов, соглашение о прекращении огня вначале заключалось на локальном уровне, а уж затем в процесс включались лидеры более высокого ранга.²

Канал, который все еще не привел к миру.

Вспоминается один эпизод, иллюстрирующий, на наш взгляд, некоторые слабые стороны официальной дипломатии. В ходе занятий летнего семинара по трансформации конфликта в одном из американских университетов его участникам был продемонстрирован видеофильм о т.н. «*Норвежском канале*» - секретных палестинско - израильских переговорах, продолжавшихся девять месяцев при чрезвычайно тактичном посредничестве норвежского правительства, точнее говоря МИД Норвегии. Диалог начали лидеры среднего ранга - те, кто не занимал высоких постов, но имел доступ в высшие сферы власти Израиля и Организации Освобождения Палестины. На этом этапе конфиденциальность переговоров была абсолютной. И лишь потом к этим группам стали подключаться руководители высокого уровня, а информация о переговорах просочилась в прессу. На глазах у зрителей видеофильма происходил драматичный и конструктивный поиск общих позиций и рождалось доверие между израильтянами и палестинцами. К концу фильма зрителям казалось, что долгожданный мир вот-вот придет на древнюю землю Палестины и Израиля. Именно эти секретные переговоры подготовили почву для подписания в Вашингтоне в сентябре 1993г. премьер-министром Израиля И. Рабином и председателем ООП Я. Арафатом исторического соглашения.³

² Подробнее об этом в книге John Paul Lederach "Building Peace. Sustainable Reconciliation in Divided Societies", Washington, D.C., 1997, p.p. 52-53.

³ Jane Corbin, Gaza First. The secret Norway Channel to Peace between Israel and PLO. London, 1994.

Но когда просмотр видеофильма закончился, стало ясно, что наши коллеги - слушатели конфликтологического семинара из Палестины и Ливана - совершенно не разделяют нашего оптимизма. Они эмоционально заявили, что этот фильм носит явно пропагандистский характер, а палестинцы, участвовавшие в переговорах в Осло, никого не представляют и меньше всего озабочены нуждами и тревогами простых палестинцев, т. к. постоянно живут и делают свой бизнес за пределами Палестины...

Со времени подписания Вашингтонского соглашения прошло около шести лет, а мир на Ближнем Востоке так и не наступил. От рук израильского экстремиста погиб Ицхак Рабин - ветеран всех израильских войн, который на закате жизни стал истинным миротворцем. Время от времени происходят акты насилия, от которых страдают ни в чем не повинные арабы и евреи, что еще более отодвигает мирное решение этой наболевшей проблемы. Конечно, норвежские встречи явились значительной вехой на пути к миру на Ближнем Востоке. Это была первая встреча многолетних противников. Один из высокопоставленных израильских чиновников признался после своего участия в этом диалоге, что израильские официальные лица никогда ранее не имели никаких отношений с ООП и даже не знали, чего на самом деле хотят члены этой организации, т.к. вся имеющаяся у израильтян информация об ООП была на самом деле результатом пропаганды.

Последующие события показали, что как израильское, так и палестинское сообщества не были готовы принять мир на тех условиях, которые предлагают их лидеры. И это, возможно, свидетельствует о том, что возможности народной дипломатии в сфере укрепления взаимного доверия между конфликтующими сторонами не были задействованы. Общественное мнение не было в достаточной мере подготовлено к взаимному компромиссу, без которого невозможно мирное урегулирование. Это является слабой стороной многих переговоров на высшем уровне, поскольку политическое соглашение может создать механизмы урегулирования, но запустить эти механизмы и сделать их постоянно действующими можно только при наличии широкой общественной поддержки. Примирение будет достигнуто только при условии восстановления взаимного доверия у достаточно многочисленного круга людей в обоих сообществах. С другой стороны, возможно, что принцип формирования делегаций был не вполне верным, и в Осло оказались люди, хоть и близкие к правительственным кругам, но не пользующиеся авторитетом среди простых израильтян и палестинцев. Что же касается секретного характера переговоров, то трудно сказать, сослужил он хорошую службу

или плохую, т.к. отсутствие гласности иногда может подрывать доверие широкой общественности к участникам диалога и усиливать взаимное отчуждение.

Плюсы и минусы официальных переговоров.

Переговоры на официальном уровне имеют, как правило, довольно конкретные цели и в конечном итоге их смысл сводится к прекращению широкомасштабного насилия, а на следующем этапе - к распределению власти и ресурсов. Поскольку к официальному переговорному процессу подключены в первую очередь высокие должностные лица - лидеры конфликтующих сторон, а также и представители влиятельнейших международных институтов - они имеют большие возможности для реализации своих договоренностей на всех уровнях власти. К переговорам на высшем уровне приковано внимание Масс Медиа, а достигнутые в их ходе соглашения, как правило, пользуются поддержкой мирового сообщества. Выполнение таких соглашений может быть подкреплено гарантиями авторитетных международных институтов, что, несомненно, делает результаты переговоров на высшем уровне весьма весомыми в политическом плане.

Другим важным преимуществом официальных переговоров можно считать и то, что их главные действующие лица, как правило, обладают гораздо более полной и объективной информацией о ситуации в своих странах и регионе, о расстановке политических сил и т. д. Они могут видеть картину в целом, как бы сверху. Но это обстоятельство можно рассматривать и как минус, поскольку при этом они иногда не видят частности, т.е. не вполне адекватно представляют себе настроения и каждодневные проблемы простых людей, их тревоги и надежды. Это противоречие видный американский конфликтолог Дж.П. Ледерах называет ключевой дилеммой в процессе проектирования и имплементации мирного процесса.⁴

Есть у лидеров высшего ранга и другие слабые места: их способность маневрировать и проявлять гибкость существенно ограничена, т.к. они находятся под сильным давлением внутренних и внешних обстоятельств. Так, например, они не могут без ущерба для своей репутации понизить планку заявленных ранее требований. Им приходится действовать так, чтобы не потерять поддержку своих избирателей, но, в то же время, не лишиться международной поддержки из-за чрезмерной жесткости своей позиции. Практика многих послевоенных стран (будь то

⁴ J.P. Lederach, Ibid., p.43.

Босния, Чечня, Абхазия или Нагорный Карабах) демонстрирует, что одних только официальных переговоров совершенно недостаточно для построения долгосрочного мира. На смену вооруженным действиям в лучшем случае приходит «холодная война», а в худшем - возобновляется насилие. Оба эти сценария имели место в отношениях между Абхазией и Грузией на протяжении 1993-1999 гг.

Ни мира, ни войны.

Как известно, грузино-абхазские переговоры на высшем уровне начались почти сразу же после ввода грузинских войск на территорию Абхазии. Уже 3 сентября 1992 г. в Москве удалось усадить высшее руководство Абхазии и Грузии за стол переговоров. В тот же день был подписан Итоговый документ Московской встречи - абхазо-грузинское соглашение о прекращении огня и разъединении сторон, в качестве гаранта соблюдения которого выступала Россия. При подписании этого документа российская сторона оказала на абхазского лидера В. Ардзинба (в то время - председателя Верховного Совета Республики Абхазия) открытое давление, что было крайне негативно воспринято большинством абхазского населения, тем более, что подписанный документ по сути узаконивал пребывание грузинских войск на территории Абхазии, хотя именно ввод грузинских вооруженных подразделений и явился причиной начала широкомасштабных военных действий между Грузией и Абхазией. Совершенно очевидно, что Московский документ никак не мог устраивать абхазскую сторону, воспринимавшую грузинские войска как оккупационные. Нет ничего удивительного, что и после 3 сентября широкомасштабные военные действия продолжались еще тринадцать месяцев, несмотря на то, что к переговорному процессу подключились ООН и ОБСЕ, чьи посреднические усилия не прекращаются и по сей день.

4 апреля 1994 г., т.е. уже после окончания широкомасштабных боевых действий, сторонами был подписан принципиально важный документ - Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта. Это событие было воспринято многими как серьезный дипломатический прорыв в деле урегулирования грузино-абхазского конфликта, особенно в силу того, что переговоры проходили под эгидой ООН и ОБСЕ, а сам документ был подписан в присутствии тогдашнего Генсека ООН Бутроса Бутроса-Гали. Однако и это соглашение не было реализовано: вскоре грузинская сторона стала предпринимать попытки подвергнуть его ревизии (многие аналитики связывают ужесточение грузинской позиции на переговорах с началом официаль-

ной Москвой военных действий против Грозного). Некоторые грузинские политики стали высказывать мнение, что основные положения Заявления 4 апреля не отвечают интересам Грузии.

Переговоры продолжают по сей день. В Москве или Женеве периодически происходят абхазо-грузинские встречи и консультации на уровне министров иностранных дел и личных представителей обоих президентов. Обнадеживающей казалась возобновившаяся в ноябре 1997 г. встреча, на которой сторонами было подписано Заключительное Заявление по итогам Женевской Встречи под эгидой ООН и с участием представителей Российской Федерации в качестве содействующей стороны, ОБСЕ и государств, входящих в Группу друзей Генерального Секретаря ООН. В этом документе по сути дела впервые было четко сказано о важности укрепления «доверия, взаимопонимания и сотрудничества» между сторонами» (пункт 12 Заявления) и выражено намерение сторон «воздерживаться от враждебной пропаганды по отношению друг к другу и принять меры по содействию созданию атмосферы взаимного доверия и взаимопонимания» (пункт 14 Заявления). Однако прошло уже достаточно времени, чтобы констатировать, что данный документ так и не был реализован. Хотя встречи на официальном уровне проводятся регулярно, реальных подвижек в ходе переговорного процесса не наблюдается.

Так и не был подписан самый главный документ - тот, который сделал бы возобновление войны невозможным. Продолжающиеся акты насилия в Гальском районе, достигшие своего апогея в конце мая 1998 г, со всей очевидностью демонстрируют, что, несмотря на все усилия, конфликт не урегулирован, а лишь заморожен. По существу за шесть лет достигнуто лишь прекращение огня, которое в случае вывода Коллективных Сил СНГ по поддержанию мира, разделяющих противоборствующие стороны по реке Ингур, будет почти наверняка нарушено.

Необходимо соединить усилия.

В процессе общения с иностранными посредниками легко можно заметить отсутствие у представителей ООН и ОБСЕ, как и у дипломатов стран, вовлеченных в процесс урегулирования, особого интереса к тому, что принято называть народной дипломатией. Трудно сказать, является ли это проявлением столь распространенного скептического (или снисходительного?) отношения к неофициальной дипломатии или каких-то тайных политических хитросплетений. Вызывает некоторое удивление тот факт, что до сих пор дипломатами, посредничающими в деле грузи-

но-абхазского урегулирования, не были предприняты серьезные попытки достичь хоть какого-то взаимодействия между переговорами на высшем уровне и встречами лидеров среднего уровня, которые носят довольно регулярный характер, хотя и не привлекают такого общественного интереса, как официальные переговоры. Таким образом, пока можно только мечтать о «дипломатии нескольких уровней», когда усилия официальных политиков и лидеров среднего и низшего уровня - авторитетных старейшин, активистов НПО, представителей академических и университетских кругов, религиозных деятелей, локальных активистов - соединялись бы в единый миротворческий поток. Это и создало бы инфраструктуру мира, состоящую из людей различных социальных и возрастных групп, профессий, политических и религиозных убеждений, из государственных и общественных институтов, объединенных желанием участвовать в миростроительстве.

Абхазо-грузинские встречи в рамках народной дипломатии тоже имеют свою историю. Можно сказать, что начались они еще во времена Гамсахурдиа, когда т.н. «неформалы», т.е. представители абхазского и грузинского национально-освободительного движения, встречались по собственной инициативе и пытались наладить конструктивный диалог. Интересно, что и в те времена официальное руководство весьма прохладно реагировало на эти контакты. Как известно, войны избежать не удалось и народная дипломатия во время грузино-абхазской войны 1992-1993 гг. практически сошла на нет.

С окончанием военных действий и развитием НПО в Абхазии, неофициальные встречи возобновились. Как правило, они происходят благодаря помощи и при посредничестве различных европейских и американских организаций, чаще всего неправительственных, а также университетов, исследовательских центров, общественных и частных фондов. Можно констатировать, что за прошедшие годы сформировалось некое ядро, состоящее из участников ряда подобных встреч. Если говорить об абхазской стороне, то это в большинстве своем активисты НПО, представители академических кругов, молодежных организаций, журналисты, члены парламента, т.е. те, кого принято причислять к лидерам среднего уровня. Дж.П.Ледерах весьма подробно описывает возможности именно этой категории людей, высоко оценивая их миротворческий потенциал. Он рассматривает лидеров среднего (второго) уровня в качестве главного ресурса мира, считая, что сама природа длительно текущих конфликтов предопределяет особую теоретическую и практическую роль лидеров среднего ранга в переходе общества от войны к миру. По мнению Дж.П.Ледераха, лидеры среднего уровня пользуются опреде-

ленным доверием как на высшем уровне, т.е. в официальных кругах, так и на низшем, т.е. среди простых людей, ощущающих на себе все тяготы военного или послевоенного времени.⁵

Применительно к грузино-абхазскому конфликту народная дипломатия имеет целый ряд еще незадействованных механизмов. В первую очередь речь идет о т.н. «кавказском факторе», включающем местные культурные особенности, традиционные для Кавказа институты, а также возможности привлечь в качестве посредников авторитетных неформальных лидеров соседних народов, имеющих давние культурно-исторические связи с абхазами и грузинами. Есть и другие резервы для расширения мирного процесса, о которых будет сказано далее.

Неприятные темы

Атмосфера неофициальных встреч отличается от той, которая характерна для переговоров на высшем уровне, что вполне объяснимо: если на официальных переговорах их участники связаны определенным мандатом и правилами дипломатического протокола, то встречи в рамках народной дипломатии проходят в неформальной обстановке и в ходе их могут затрагиваться самые болезненные темы. На практике это может создавать проблемы, как для участников, так и для фасилитаторов, но, на наш взгляд, открытость и искренность в конечном итоге принесут больше пользы, чем уход от острых и неприятных тем, ради соблюдения показного спокойствия и миролюбия.

Среди самых дискуссионных тем - истоки и причины грузино-абхазского конфликта. Официальные посредники на переговорах, как правило, не считают полезным вновь и вновь возвращаться к истории, а утверждают, что надо устремиться в будущее. Подобная точка зрения противоречит теории трансформации конфликтов, да и просто логике войны и мира. Поскольку в основе каждого конфликта лежат неравенство и несправедливость, представляется чрезвычайно важным, чтобы каждая из сторон осознала, в чем, по мнению оппонентов, они заключаются. Нейтрализация наиболее болезненных моментов истории грузино-абхазских отношений явилась бы одним из первых шагов к построению долгосрочного мира. И сделать это под силу лидерам среднего уровня в рамках народной дипломатии. На следующем этапе можно было бы приступить к строительству новых мостов между двумя сообществами, причем делать это надо уже с привлечением лидеров третьего (локального) уровня.

⁵ Ibid.

Заключение

1. Современные конфликты, в которые непосредственно вовлечено, как правило, и гражданское население, трудно, а скорее невозможно, урегулировать в рамках традиционной дипломатии. Помимо руководителей высшего уровня, в мирный процесс должны быть вовлечены неформальные лидеры, т.е. лидеры среднего и низшего ранга.

2. Неофициальная или народная дипломатия должна рассматриваться не в качестве альтернативы официальному переговорному процессу, а в качестве импульса к расширению мирного процесса, поиску альтернативных, нетрадиционных решений. В ходе контактов лидеров среднего и низшего уровня противостоящих сообществ, происходит важная работа, конечной целью которой являются глубинные перемены в общественном сознании, более высокий уровень анализа причин конфликта и видение новых возможностей и форм сосуществования Грузии и Абхазии.

3. Потенциал народной дипломатии может быть реализован только при условии координации деятельности в рамках официальной и неофициальной дипломатии и придания некоего статуса наиболее продвинутым лидерам среднего и низшего уровней, которые затем смогли бы мобилизовать внутренние ресурсы мира.

4. Необходимо задействовать «кавказский фактор». Изучение и применение традиционных методов разрешения конфликтов и примирения, наряду с посредничеством авторитетнейших представителей интеллигенции других народов Кавказа смогло бы сыграть позитивную роль.

5. Народная дипломатия сможет оказывать большее воздействие на процесс мирного урегулирования по мере демократизации и формирования гражданского общества. Следовательно, поддержка демократических институтов, особенно независимых Масс Медиа, как и постоянное внимание к положению в области прав человека, будут в конечном итоге способствовать построению долгосрочного мира.

6. Грузино-абхазский конфликт принадлежит к числу конфликтов, имеющих длительную историю, обремененную несправедливостью и взаимным недоверием двух народов. Следует поощрять стремление интеллектуальной элиты обоих сообществ совместно анализировать причины конфликта и открыто обсуждать результаты такого анализа. Академические встречи в рамках народной дипломатии при умелом посредничестве смогли бы способствовать поиску общих подходов к оценке исторических событий. Это будет важным вкладом в комплекс мер по укреплению доверия между сторонами конфликта.

Попытки нейтрализации грузино-абхазского конфликта методами народной дипломатии (На основании личного опыта)

Урегулирование этнических конфликтов - прерогатива государственной власти, официальной дипломатии, однако народная (неформальная) дипломатия создает благоприятные условия для действия официальных структур. Она призвана способствовать ослаблению межэтнической напряженности, преодолению «образа врага» и, как следствие этого, нейтрализации конфликта, то есть отказу сторон от силовых действий и продолжению политической борьбы исключительно мирными средствами. При этом, не следует думать, что народная дипломатия является «младшей сестрой» официальной дипломатии и копирует ее методы работы. Поле деятельности «неформальных дипломатов» значительно шире, ибо их усилия должны быть направлены не только на оппонентов из противостоящего лагеря, но и, не в меньшей степени, на трансформацию общественного мнения своей стороны, всех слоев общества.

В этом отношении много могут сделать представители маргинальных групп населения (в самом широком понимании этого термина), тесно связанные с обеими противостоящими сторонами, хорошо знающие обстановку и, как правило, кровно заинтересованные в мирном урегулировании проблемы. В настоящей статье показаны некоторые средства воздействия на процесс разрядки, доступные частным лицам из этого круга. В частности, рассматривается 15-летний опыт автора, который самостоятельно или совместно с другими лицами, неоднократно пытался различными способами (методами народной дипломатии) повлиять на грузино-абхазский конфликт с целью его нейтрализации. Объем статьи, к сожалению, позволяет показать далеко не все события, относящиеся к сфере народной дипломатии, свидетелем и участником которых довелось быть автору. Тут собраны только основные факты, характеризующие направление его деятельности. Тем не менее, анализ этих факторов и обобщение его опыта, надо полагать, поможет участникам будущих неформальных грузино-абхазских контактов, а также представителям других «горячих точек», в выработке механизмов народной дипломатии.

I

Вначале расскажу немного о себе и своем происхождении, без чего нельзя понять мое отношение к грузино-абхазскому конфликту и мотивы, побуждающие меня столько лет искать доступными средствами пути выхода из него.

Мой отец, член-корреспондент АН Грузии, профессор Зураб Анчабадзе был по национальности абхазец. Наш род - один из древних княжеских родов Абхазии, вплоть до XX в. игравший важную роль в общественно-политической жизни края. До установления советской власти абхазские и грузинские дворянские роды часто роднились между собой. Особенно это относится к Южной Абхазии (откуда происходит наша семья) и прилегающей к ней грузинской провинции Мегрелии. В граничащей с Мегрелией области Абхазии - Самурзакано (совр. Гальский район) процессы этнического смешения среди всех слоев населения протекали настолько интенсивно, что к XIX в. здесь сложилась этнографическая группа - самурзаканцы, по многим признакам представлявшая собой переходное звено между абхазами и грузинами (мегрелами). Абхазские дворяне и крестьяне, проживавшие вдоль пограничной р. Ингури в основном перешли на мегрельский язык, хотя еще долго сохраняли абхазское самосознание.

Наша семья, как самурзаканская по происхождению, также носила некоторые характерные черты. У моих отца и деда матери были мегрельские дворянки. В доме часто звучала мегрельская речь. Бабушка отца - Мария Николаевна, урожденная княжна Дадиани, была истинной грузинской патриоткой, известным общественным деятелем. Ни одно общественное начинание в Абхазии конца XIX - первой четверти XX в. не проходило без ее участия. Достаточно сказать, что она являлась бессменным руководителем абхазского отделения "Общества распространения грамотности среди грузин", культурно-просветительной организации, сыгравшей огромную роль в национальном возрождении Грузии.

В недолгий период существования независимой Грузинской республики в 1918-1921 гг. грузино-абхазские взаимоотношения не были так обострены как это произошло позднее и, поэтому, часть абхазов сохраняла лояльность к Грузии. К ним относилась и наша семья. Мой дед, член высшего законодательного органа Абхазии - Народного Совета, принимал участие в работе над проектом конституции автономной Абхазии, которая должна была урегулировать ее взаимоотношения с Грузией. Во время оборонительной войны Грузинской республики против

Советской России в 1921 г. четыре сына моего прадеда - подполковника Тараса Анчабадзе - находились в рядах грузинской армии. Старший из них при этом погиб на р. Гумиста, там где в наши дни пролегал западный фронт грузино-абхазского вооруженного противостояния.

Мой отец в 22 года переехал на жительство из Сухуми в Тбилиси. Здесь он сформировался как ученый-историк; женился на грузинке, которая стала моей матерью. Меня, родившегося и выросшего в столице Грузии, воспитанного в грузинской социо-культурной среде, с родным грузинским языком, окружающие считали настоящим грузином. Фактически, так это и было, хотя, разумеется, я хорошо знал свое происхождение и гордился им. Полагал, что благодаря ему имею моральное право считать себя абхазом и грузином в одном лице. Еще в отроческом возрасте во мне сложились три иерархических уровня этнической самоидентификации: 1) я абхазец; 2) я грузин; 3) я кавказец. Под последним я подразумевал свою принадлежность к кавказской этно-лингвистической общности (семье народов), которую рассматривал как единый палеокавказский этнос.

II

XX век в грузино-абхазских взаимоотношениях - это период постепенного отчуждения и роста напряженности, приведшие эти два, некогда действительно братских народа к кровопролитной войне 1992-1993 гг. Еще когда советская власть была в силе, в 50-70-х гг., грузино-абхазские взаимоотношения порой принимали характер открытой конфронтации. Не буду останавливаться на причинах данного явления, отмечу только, что мой отец, обладавший большим авторитетом среди полиэтнического населения Абхазии, много делал, чтобы ситуация не обострялась до предела.

Я, проживая преимущественно в Тбилиси, долгое время не понимал всю серьезность накопившихся в Абхазии проблем, хотя и был достаточно информирован о них. Впервые непосредственно столкнулся с одним из аспектов назревающего кризиса мне пришлось в 1984 г. Речь идет об исторических проблемах, которые на Кавказе в зонах межэтнической напряженности являются основным способом идеологического противоборства на ранних стадиях конфликта. Полемика обычно ведется на темы: какой народ является аборигенным на данной территории, кто тут имеет больше исторических прав и т.д.

В случае с Абхазией политизированным научным спорам, фактически, начало положил грузинский литературовед П. Ингорюк, выд-

винувший в начале 1950-х годов антинаучную теорию, будто современные абхазы выходцы с Северного Кавказа, захватившие в XVII в. территорию Абхазии, где до этого проживало исключительно грузинское население.

Хотя теория Ингорквва была основательно раскритикована еще в 50-х годах грузинскими и абхазскими учеными (Н. Бердзенишвили, К. Ломтатидзе, З. Анчабадзе, Х. Бгажба и др.) и ныне никто из серьезных грузинских историков не выступает в защиту ее основных положений, среди грузинской интеллигенции, особенно неспециалистов, она имеет определенную популярность. В целом же, после публикации Ингорквва, историческая тема в грузино-абхазских отношениях стала предметом нагнетания страстей.

Мой отец скончался в 1984 г. Незадолго до смерти он закончил работу над рукописью первого учебного пособия по истории Абхазии, которую он писал в соавторстве с двумя другими видными учеными старшего поколения - Г. Дзидзария и А. Куправа. Однако, когда уже встал вопрос издания учебника, несколько грузинских историков обратились в соответствующие инстанции (тогда все решала номенклатура) с требованием ревизии его основных положений. Это дало повод и некоторым сравнительно молодым абхазским ученым выдвинуть подобные требования, хотя их претензии к книге диаметрально отличались от замечаний тбилисских коллег. Такая двойная атака в тех условиях вообще могла привести к запрету на публикацию книги, чего видимо и добивались определенные силы, если бы не желание тогдашнего министра образования Грузии Д. Чхиквишвили, ведомство которого курировало издание учебников, помочь выпутаться из создавшегося положения. Для уточнения спорных вопросов была создана специальная смешанная (грузино-абхазская) редакционная коллегия во главе с акад. А. Апакидзе. Ввиду того, что основные замечания с обеих сторон (причем взаимоисключающего характера) касались разделов, написанных З. Анчабадзе (древний период и средние века) было решено ввести в состав редколлегии также и меня, по тогдашним меркам еще молодого ученого (мне было 35), сотрудника Института истории АН Грузии.

Могу заявить, что основная работа по редактированию и защите позиций автора была проделана мною, хотя без поддержки со стороны остальных членов редколлегии и, в первую очередь, А. Апакидзе, а также доброжелательного отношения тогдашнего президента АН Грузии Е. Харадзе, книга, вероятно, так и не увидела бы свет. В течение двух лет я возил рукопись учебника из Тбилиси в Сухуми и обратно,

всюду отстаивая его авторский вариант. При этом получалось, что с грузинскими учеными я полемизирую как абхазец, а с абхазскими - как грузин. Я защищал позицию Зураба Анчабадзе не потому, что был его сыном, или она являлась вынужденным компромиссом, - своего рода "золотой серединой" между крайностями, - а потому, что как специалист верил в ее научную обоснованность.

После многочисленных совещаний и бурных обсуждений, проходивших под контролем партийных органов, опасавшихся, что историческая тема снова не стала катализатором массовых выступлений в Абхазии, как это было в 50-х, 60-х и 70-х годах, учебник наконец-то был издан (См.: З.В. Анчабадзе, Г.А. Дзидзария, А.Э. Куправа. История Абхазии. Изд. "Алашара", Сухуми, 1986). При этом почти полностью удалось сохранить его первоначальный вид, все основные положения. Остается добавить, что после публикации книга уже не вызывала никаких нареканий.

Я потому привел эпизод с учебником истории Абхазии, что это был, фактически, мой первый опыт в народной дипломатии, хотя тогда, разумеется, мне не приходила мысль так это квалифицировать. За эти два года я, к большому моему сожалению, убедился, что отчуждение между определенными кругами грузинской и абхазской интеллигенции зашло довольно далеко. Среди широких слоев населения этого еще не было, но импульсы, исходившие от интеллектуальной элиты, не могли не оказывать влияния на все общество в целом. Эта отчужденность рождала взаимное недоверие и подозрительность, вызывавшие порой неадекватные реакции. Общаясь и работая с обеими сторонами с обстановке, которую можно охарактеризовать как этнический конфликт в латентном состоянии, я приобретал опыт поиска взаимоприемлемых решений по согласованию спорных, конфликтогенных вопросов.

Несомненно успеху моей миссии в значительной мере способствовали мои двусторонние связи. Хотя я в большей мере был тбилисским грузином, меня хорошо знали и принимали в Абхазии, как сына Зураба Анчабадзе. Это помогало мне легче находить решения по спорным вопросам как с грузинскими, так и с абхазскими историками. В маленькой Абхазии многие внимательно следили за перипетиями нашего учебника и моя позиция в глазах большинства заслужила одобрение. В то время я уже работал по совместительству в Абхазском гос. университете; раз в год приезжал в Сухуми на целый месяц и читал лекции по военной истории и исторической географии. Я стремился таким путем сохранить живую связь с Абхазией, которая после кончины моего отца

могла оборваться. Многонациональный коллектив университета хорошо принял меня. Мои связи с общественностью Абхазии ширились и крепли.

III

С 1985 г. новое руководство СССР взяло курс на перестройку, которая привела к развалу государства. В Грузии перемены начались с 1987-1988 гг., когда деятельность полуправовых и немногочисленных националистско-правозащитных групп переросла в широкое национально-освободительное движение. Я был среди тех, кто в этот период присоединился к нему.

В 1988 г. мы, группа историков среднего и молодого поколений создали общественно-политическую организацию - Общество Иванэ Джавахишвили. Имя И. Джавахишвили (1876-1940), этого выдающегося сына Грузии - гражданина, ученого и общественного деятеля, должно было символизировать нашу ориентацию. Общество Джавахишвили встало в ряд с другими политическими объединениями, составившими тогда первый эшелон национально-освободительного движения. Поначалу таких организаций было несколько. Массовость в этом отношении пришла позднее, после апрельских событий 1989 г., когда на фоне резкого ослабления коммунистического режима, в Грузии как грибы после дождя стали появляться различные партии, общества и союзы, число которых к середине 1990 г. перевалило далеко за сотню.

Я в целом разделял стремление грузинского национального движения к восстановлению независимости страны. Единственное, что вызывало мою озабоченность, это неизбежное в таком случае ослабление связей с народами Северного Кавказа, которых я мечтал видеть объединенными вместе с грузинами а абхазами в союзном кавказском государстве. Кроме того, я понимал, что грузинское национальное движение обязательно должно протянуть руку абхазскому народу, чтобы общими усилиями преодолеть негативное наследие уходящей эпохи. Свою основную роль в национальном движении я видел в том, чтобы в меру своих сил и возможностей способствовать грузино-абхазскому сближению. Я знал, что этот процесс мог быть только обоюдосторонним, и для его начала необходимо провести большую подготовительную и разъяснительную работу. Бывая в Сухуми и встречаясь с представителями абхазской интеллигенции и молодежи я рассказывал о целях и задачах грузинского движения, которое поначалу действительно не имело антиабхазской направленности. В Тбилиси же я выступал на собраниях уча-

стников национального движения и рассказывал кто такие абхазы, на каком языке они говорят, какую роль сыграли в истории Грузии; подробно говорил о махаджирстве (массовом выселении абхазов с Османскую империю в XIX в.) и его последствиях, сообщал о фактах национальной дискриминации абхазов в 40-х - начале 50-х гг. XX в.

Для большинства слушателей все это было внове и они внимательно слушали меня, задавали вопросы. Многие потом подходили ко мне и просили выступить также в их ВУЗе или трудовом коллективе. Конечно среди присутствующих попадались и те, кому не нравилось то, что я говорил, однако не обладая знаниями не могли диспутировать со мной и ограничивались репликами и брюзжанием. Обычно их заставляли умолкнуть другие присутствующие. Небольшая стычка вышла у меня только со Звиадом Гамсахурдиа, бывшим диссидентом, претендовавшим на лидерство в национальном движении. В то время Звиад быстро набирал очки и для этого не гнушался прибегать к демагогии. Так, ссылаясь на Ингороква, он объявил абхазов адыгейцами и заявил, что если они желают самоопределиваться, пусть сделают это на Северном Кавказе. Вскоре после нашего столкновения, Гамсахурдиа на митинге призвал слушателей не верить мне.

Это произошло в марте 1989 г., спустя несколько дней после того, как в абхазском селе Лыхны многотысячный сход, организованный активистами созданного в конце 1988 г. абхазского народного движения "Айдгылар", выставил требование о повышении статуса Абхазии до уровня союзной республики. Эта декларативная акция, показавшая, что абхазы хотят выйти из состава Грузии, вызвала в грузинском обществе взрыв негодования. Высказывались опасения, что он инспирирован Кремлем и готовится отторжение Абхазии от Грузии. В грузинском национальном движении, отношении к абхазами, бывшее до того, в целом, индифферентным, стало резко меняться в худшую сторону. Начались митинги и собрания, на которых возмущенные ораторы требовали упразднить абхазскую автономию. Широко стала пропагандироваться теория Ингороква, делались заявления оскорбляющие национальное достоинство абхазского народа.

Власти Грузии на все это смотрели благосклонно и, со своей стороны, через подчиненные им СМИ подливали масла в огонь. Между тем интересы Грузии требовали совершенно противоположных действий: надо было успокоить грузинское население, наладить широкий диалог с абхазами, показать им свое благорасположение, готовность совместно решать насущные проблемы. Эти свои взгляды я изложил первому сек-

ретарю ЦК КП Грузии Дж. Патиашвили, который спустя примерно шесть дней после лыхненского схода, собрал по этому поводу элитарную грузинскую интеллигенцию, пригласив также нескольких членов Общества Джавахишвили. Там я предложил следующую программу действий:

- 1) устроить телемост Тбилиси-Сухуми;
- 2) организовать обмен делегациями между колхозами Абхазии и собственно Грузии;
- 3) срочно решить вопрос восстановления исторических абхазских топонимов, замененных в конце XIX - сер. XX вв. русскими и грузинскими названиями (эта проблема крайне волновала абхазов);
- 4) пропагандировать взгляды крупнейших грузинских историков - И. Джавахишвили, С. Джанашиа, Н. Бердзенишвили, доказывающих проживание абхазского этноса на данной территории с глубокой древности, и отмечавших ту значительную роль, которую абхазы сыграли в истории средневековой Грузии;
- 5) издать в переводе на русский и абхазский языки произведения классиков грузинской литературы - А. Церетели, Н. Лордкипанидзе, К. Гамсахурдиа, Л. Киачели, показывающие абхазов в героическо-идеализированном виде, в каком они воспринимались в массовом грузинском сознании начала XX в.

Меня выслушали но ничего подобного не было сделано. Видимо, власти опасались непопулярных шагов или сами тоже были заражены общим настроением.

Последующие месяцы, это период крайней радикализации общественного мнения, в отдельных случаях выливавшийся в настоящий психоз. В обыденном сознании абхазов и грузин быстро формировался "образ врага". В такой обстановке в Тбилиси и Сухуми я открыто распространял свои мысли и взгляды на абхазо-грузинские взаимоотношения, устанавливал связи с абхазским национальным движением. Я был единственным представителем грузинских политических организаций, кто открыто присутствовал на митингах абхазов и был вхож в штаб-квартиру Народного форума Абхазии - "Айдгылара". Во-первых, как историка и участника определенного процесса меня интересовало все приходящее, а во-вторых, я полагал, что должен быть хотя бы один человек, имеющий нормальные связи с лидерами обеих сторон, чтобы способствовать завязке диалога, о необходимости которого я говорил с самого начала. С этого периода окружающие стали воспринимать меня

как человека занимающего "промежуточную" позицию. Но если в глазах абхазов, считавших меня раньше полностью огрузинившимся я, полагаю, этим что-то выиграл, то многие грузины, по этой же причине были несколько разочарованы... Мне жаль, что в моей позиции кое-кто не увидел ничего, кроме моего абхазского происхождения. Между тем, эта позиция отвечала, в первую очередь, интересам Грузии, ее стабильности и целостности. Если бы прислушались к моим советам, можно было избежать многих тяжелых последствий.

IV

В результате ряда решительных акций, предпринятых национал-радикалами как с грузинской, так и с абхазской стороны, при полном игнорировании возможной реакции противостоящих сил, 15-16 июля 1989 г. в Абхазии произошли первые межэтнические столкновения с человеческими жертвами. При этом имело место вторжение на территорию Абхазии больших групп полувооруженных людей из соседних районов Западной Грузии, что побудило малочисленных абхазов активнее искать союзников среди этнически и культурно родственных народов Северного Кавказа.

Силовое противостояние удалось скоро остановить и пролитая кровь как будто отрезвила противодействующие стороны, однако призраком войны уже стал витать над Абхазией, побуждая многих запастись оружием. Процесс создания военизированных формирований шел полным ходом по всей Грузии. Грузинское национальное движение к этому времени распалось на два противостоящих лагеря: часть политических организаций объединилась в блок "Круглый стол" во главе со З. Гамсахурдиа, его противники же создали "Координационный центр национально-освободительного движения", куда вошло и немногочисленное общество Джавахишвили. Раскол коснулся и этнически грузинских политформирований Абхазии. Большая часть их примкнула к "Круглому столу", остальные образовали "Цхумо-Абхазский национальный комитет" выступавший на стороне Координационного центра.

В марте 1990 г. Гамсахурдиа пригласил в Тбилиси для консультаций представителей абхазского народного движения. Переговоры шли за закрытыми дверями. Гамсахурдиа предостерегал абхазов от контактов с другими политическими группировками Грузии, однако, состоявшая из трех человек абхазская делегация хотела иметь представление о всем политическом спектре грузинской столицы. Один из абхазов, юрист Зураб Ачба, связался со мной и попросил познакомить их с другими

политическими силами. За неполных два дня, бывших в нашем распоряжении я устроил несколько таких встреч. Они прошли в спокойной, нормальной обстановке, но, к сожалению, не дали особых результатов, как и консультации с Гамсахурдиа.

В начале июля 1990 г. ко мне обратился лидер Цхумо-Абхазского комитета Б. Какубава и сообщил, что в годовщину июльских событий 1989 г. в Абхазии ожидается повторение этнических столкновений и на помощь абхазам уже тайно прибыли бойцы с Северного Кавказа. Какубава просил содействия в деле разрядки ситуации. Я не верил, чтобы в Абхазии кто-нибудь специально готовил кровопролитие, но ввиду недоверия, которое противники испытывали друг к другу, вполне можно было ожидать, что ими будут приняты усиленные меры безопасности. У меня была информация, что вооруженные люди на всякий случай собираются отправиться в те дни в Абхазию из Тбилиси. В такой ситуации даже случайный выстрел мог привести к непоправимым результатам. Мы решили послать в Сухуми делегацию Координационного центра, чтобы на месте разобраться в обстановке. Я по телефону связался с З. Ачба, в то время заместителем председателя Народного форума Абхазии, и условился с ним о нашем приезде. В Сухуми нас выехало несколько человек, представителей разных организаций; кроме меня в делегацию входили Г. Беришвили, Г. Гогбаидзе, Д. Квижинадзе, А. Иоселиани и др. В течение двух дней мы по несколько раз побывали во всех трех политических центрах Абхазии: в Народном форуме, Цхумо-Абхазском комитете и отделении Круглого стола. Всюду к нашей миссии отнеслись с пониманием. Выяснилось, что все они независимо друг от друга планировали проведение в Сухуми различных мероприятий в память жертв прошлогоднего конфликта. В такой обстановке отсутствие связи между ними (меня поразило, что ни один из этих противостоящих друг другу политических блоков не имел даже телефонных номеров остальных) грозило развитием непредсказуемых последствий.

По нашему предложению было решено воздержаться от проведения уличных акций. Кроме того условились, что в критические дни 15-16 июля специально выделенные группы от всех трех объединений будут наготове и в случае стихийного возникновения в городе очага напряженности, совместными усилиями нейтрализуют его.

Таким образом, годовщина июльских событий прошла в Абхазии без эксцессов. Я считаю этот факт в определенной степени результатом успешного использования методов народной дипломатии. Кроме того он показывает возросшее чувство ответственности политических орга-

низаций Абхазии, которые несмотря на острую идеологическую конфронтацию и политическую борьбу, стремились не доводить дело до силового противостояния.

Помнится, как во время посещения нами сухумского отделения Круглого стола, один из членов этой организации (к сожалению, не знаю его имени) подошел ко мне и спросил, как я лично думаю, смогут ли грузины и абхазы достичь согласия. Я ответил утвердительно, так как полагал, что коль скоро подавляющее большинство жителей Абхазии, включая политиков, хотят сохранить мир в своем доме, взаимоприемлемая модель сосуществования будет найдена. В 1990 году я не мог предположить, что нелегкий процесс внутреннего развития будет так резко прерван силовым вмешательством.

V

Я всегда стремился содействовать любым абхазо-грузинским контактам, ибо личное общение в большинстве случаев приводит к сближению позиций, а в нашем случае, между политическими силами Тбилиси и Сухуми катастрофически не хватало именно этих контактов. Поэтому, когда двое моих друзей Зураб Цинцадзе (бывший политзаключенный, член Общества И. Чавчавадзе) и Давид Пайчадзе (Либерально-Демократическая Национальная партия Грузии) попросили меня устроить их присутствие на намечавшемся в столице Абхазии III съезде горских народов Кавказа (1-2 ноября 1991 г.), я позвонил в Сухуми и без труда получил приглашение.

На съезде горцев, где была создана Конфедерация горских народов Кавказа, из Тбилиси присутствовали только мы трое. Мы находились там в качестве гостей, как сугубо частные лица. Грузинские газеты сдержанно сообщили о нашем визите, а в политических кругах Тбилиси не все одобрили эту поездку. Однако, я не видел и не вижу в этом ничего предосудительного. На абхазов и представителей Северного Кавказа приезд грузин произвел благоприятное впечатление.

VI

Тем временем в столице Грузии противостояние между З. Гамсахурдиа, избранным за год до того президентом страны, и его политическими противниками дошло до предела. В декабре 1991 г. в Тбилиси между президентской охраной и вооруженными отрядами оппозиции вспыхнули бои. В центре города велась артиллерийская стрельба. Я, как и многие другие, целые дни проводил на проспекте Руставели, следя за происходящим.

Должен признаться, что только позднее я осознал в полной мере насколько тяжелые последствия может иметь для страны и ее государственной организации вооруженное свержение законноизбранной власти, какой бы этой властью ни была.

С первых чисел января 1992 г. соотношение сил стало складываться не в пользу Гамсахурдиа, который был вынужден бежать из Грузии вместе с приближенными. Но еще до этого, организации поддерживающие переворот, усилили политическую активность. В числе прочих была создана специальная межпартийная комиссия, которая должна была выработать основные принципы взаимоотношений с Абхазией после прихода к власти оппозиции.

Первоначальное ядро этой т.н. Абхазской комиссии, в которое входил и я, составляли люди, в целом, лояльно относившиеся к абхазам и считавшиеся более или менее информированными в абхазском вопросе. Тем не менее, в первый наш рабочий день мне пришлось знакомить товарищей с ситуацией, сложившейся в Абхазии, опять рассказывать о старых проблемах края, объяснять “чего хотят абхазы”, что можно им предложить, и что будет для них абсолютно неприемлемо. Затем, в последующие дни, комиссия выработала определенную концепцию и облаченная полномочиями новых грузинских властей, выделила четырех человек для поездки в Сухуми. Делегированы были И. Хаиндрава, Д. Бердзенишвили, И. Мачавариани и я. Мы выехали на автомашине. Благополучно проскочив через Мегрелию, где действовали вооруженные отряды сторонников Гамсахурдиа, утром 2 февраля были уже в Сухуми. Встречи с руководством Абхазии, в том числе с председателем Верховного Совета В. Ардзинба, носили конструктивный характер. Состоялся также ряд неформальных, но очень важных и интересных встреч и бесед. Политическая конъюнктура благоприятствовала успеху переговоров. Незадолго до этого распался Советский Союз и уже не было всесоюзного центра, к которому Абхазия могла апеллировать в случае осложнения отношения с Грузией. Кроме того, мы представляли силы, свергнувшие Гамсахурдиа, с которым абхазы имели натянутые отношения. Можно было надеяться, что новое руководство Грузии в определенной степени пересмотрит политику официального Тбилиси в отношении автономных образований.

Абхазская сторона, стремившаяся изменить характер государственно-правовых отношений с Грузией, предложила остаться в ее составе на федеральных началах, с разграничением полномочий между Тбилиси и Сухуми. При этом намекалось, что вопросы внешней политики,

обороны и финансов могут быть оставлены в ведении грузинского центра. Однако, как предварительное условие абхазы потребовали изменить название страны на “Республика Абхазия” (с удалением слова “автономная”) и утвердить новый флаг и герб с национальной символикой, взамен атрибутов советской эпохи.

Я находил, что условия вполне приемлемы, но когда мы вынесли их на обсуждение Консультативного совета (временный политический орган, созданный после январского переворота и переименованный позднее, после приезда в Грузию Э. Шеварднадзе, в Госсовет), там мнения разделились и большинством голосов абхазские предложения были отвергнуты. Среди грузинских политиков идея федерализации страны была непопулярна.

То заседание Консультативного совета оставило на меня тяжелое впечатление. Была упущена реальная возможность найти ключ политического решения проблемы. После этого мне пришлось оставить Абхазскую комиссию, дальнейшая деятельность которой ничем не была примечательна. В политике, однако, я еще оставался, был избран членом главного комитета Республиканской партии Грузии, с которой слилось Общество Джавахишвили. Мы готовились к парламентским выборам, которые должны были окончательно легитимировать новую власть. В партийном списке я занимал место, гарантирующее (учитывая влияние Республиканской партии и особенности действующего тогда избирательного закона) мое избрание в высший законодательный орган страны. До парламентских выборов же мою кандидатуру выдвинули на кооптирование в члены Госсовета.

VII

Один из важнейших способов нейтрализации этнического конфликта - это широкая пропагандистско-разъяснительная работа с населением. Необходимо разрушать “образ врага”, который формируется в течение определенного времени через митинги, газеты, книги, радио и телевидение. Тенденциозной пропаганде нужно противопоставлять правду. Надо говорить о вещах, которые заставят задуматься, посмотреть на вопрос с другой точки зрения. Информационная перепалка, вызывающая у обеих сторон негативные эмоции, способствует лишь углублению кризиса. Даже справедливая критика в адрес представителей другого этноса воспринимается как очередной выпад и никак не помогает решению проблемы. Пропагандировать нужно то, что сближает народы, а не разъединяет их. А если и одергивать кого-то, то лучше своих же “ястребов”.

В течение 1988-1992 гг. я старался вести свою пропагандистскую и профессионально-консультационную работу в этом направлении. Действовал сначала в основном один, а в последние предвоенные месяцы, также, в союзе с другими лицами, не связанными с политическими группировками. Однако не имея достаточной организованности, а главное поддержки со стороны ведущих общественно-политических сил, мы не могли остановить приближившуюся кровавую развязку.

Помимо публичных выступлений или бесед в узком кругу, о которых я писал выше и которые, практически, продолжаю все эти годы, я публиковал научно-популярные статьи, давал интервью, изредка выступал по телевидению. При этом я далеко не всегда говорил или писал только о конфликте и связанных с ним вопросах. Зачастую давал просто правдивую информацию об истории и культуре соперничающих народов, сообщая сведения, считавшиеся в науке общепринятыми до конца 1980-х годов, но неизвестные для большей части общественности. Я заметил, что такая информация, подкрепленная фактами и аргументами оказывает позитивное влияние на настроенность большинства слушателей.

В июле 1992 г. у меня наметилась возможность широко использовать телеэкран для претворения в жизнь своих идей. Дело в том, что мне предложила сотрудничество в подготовке серии передач про Абхазию, режиссер грузинского телевидения Тина Шония. Я согласился, так как ее отношение к абхазскому вопросу было близким моему. Мы задумали создать телевизионный клуб, который должен был помочь грузинскому телезрителю более или менее правильно разобраться в прошлом и настоящем Абхазии. В передачах клуба мы собирались познакомить его с историей и культурой края, его природными достопримечательностями. Планировались встречи и беседы с представителями научной и творческой интеллигенции, лидерами политических группировок (как этнически-абхазских, так и грузинских), наконец, просто с сухумскими горожанами и крестьянами окрестных селений. Мы надеялись также, что доброжелательный дух передач окажет позитивное влияние и на настроенность абхазов, привыкших за последние три года получать о себе из Тбилиси только отрицательную информацию. Свой клуб мы назвали женским именем “Гурандухт”. Так звали абхазскую царевну, ставшую матерью первого царя объединенной Грузии Баграта III (X в.).

Съемки первой передачи клуба происходили в Тбилиси и Сухуми. Был отснят большой материал. Целая неделя ушла на монтаж, который был закончен к вечеру 13 августа и открытие клуба “Гурандухт” уже

было внесено в предварительную программу передач грузинского телевидения на следующую неделю, но 14 августа 1992 г. разразилось событие, которого я страшился более всего, и о недопустимости которого я многих и много раз предупреждал в Тбилиси. В этот день пехотные и танковые войска Госсвета вступили на территорию Абхазии и, как и следовало ожидать, встретили упорное противодействие. В первый же день появились убитые и раненые. В такой обстановке руководство телевидения сочло нецелесообразным показ нашей передачи и ее отменили. Телевизионный клуб “Гурандухт” так и не появился на телеэкранах.

VIII

Начало войны сорвало и другое важное общественное начинание, которое в других условиях могло сыграть позитивную роль в грузино-абхазских взаимоотношениях. Речь идет о землячестве выходцев из Абхазии, проживающих в Тбилиси, с идеей создания которого поделился со мной доктор философских наук, профессор Важа Кешелава, грузин, уроженец г. Гагра. Мы приступили к делу и вскоре собралась группа примерно в сто человек. Среди них были абхазы, грузины, русские, армяне, греки, евреи. Этим людям, в большинстве своем далеким от политики и имевшим не всегда одинаковые взгляды на те или иные стороны нашей действительности, объединяла любовь к Абхазии, откуда вышли они сами или их ближайшие предки и где у них оставались родственники и друзья.

На учредительном собрании землячества “Абхазия” - организации независимой от правительственных структур - состоявшемся 29 июля 1992 г., выбрали двух его сопредседателей и правление из 15 человек. Сопредседателями стали В. Кешелава и я. В состав правления вошли ученые, врачи, юристы, инженеры, бывшие ответработники. Среди них можно назвать руководителя ангиологического центра, ныне покойного проф. Н. Бохуа, прославленного спортсмена В. Баркая, главного врача Института терапии проф. Н. Гогохия, юриста-международника проф. Л. Матарадзе, в прошлом крупного партийного работника С. Ригвава, врача-невролога Т. Маргания, инженера-строителя В. Ачба, историка М. Папашвили и др.

Мы видели главную цель деятельности землячества в том, чтобы используя наши двусторонние связи, активно включиться в поиск путей разрядки грузино-абхазского конфликта, приближавшегося уже к критической черте. Имелась определенная надежда, что землячество смо-

жет найти свой подход к проблеме, а его миротворческие усилия встретят сочувствие и поддержку со стороны общественности. Кроме того, в программе нашего общества стояли также благотворительные и культурно-просветительные задачи.

В землячестве состояли некоторые известные в Грузии врачи. По предложению Темура Маргания было решено воспользоваться этим обстоятельством для улучшения медицинской помощи населению Абхазии, разумеется, по согласованию с руководством края. Дело в том, что в самой Абхазии не хватало современной медицинской аппаратуры, а также специалистов по некоторым болезням; поездки уже в лечебные центры Москвы и Ленинграда, куда в прежние годы часто обращались жители Абхазии, после развала СССР стало очень затруднительным.

Т. Маргания связался с заместителем министра здравоохранения Абхазии О. Осия и ознакомил его с намерениями нашего землячества. Абхазская сторона поддержала это начинание. Незамедлительно началась реализация плана (подбор специалистов, уточнение даты приезда больных и т.д.), но вскоре все было нарушено вводом грузинских войск в Абхазию и началом боевых действий.

Цели, которые ставило землячество “Абхазия”, в условиях войны были невыполнимы и, поэтому, Общество не сумело реализовать свои возможности. Единственное, что у нас оставалось, это выразить свое отношение к происходящему. В газете “Сакартвелос Республика” от 17 августа было опубликовано воззвание, подписанное правлением землячества и обращенное к Госсовету Грузии и Верховному Совету Абхазии. Мы предлагали незамедлительно прекратить огонь, организовать встречу на высшем уровне руководителей Грузии и Абхазии и на паритетных началах создать общественную комиссию для выработки предложений к нормализации положения в Абхазии. Это воззвание, по духу разительно отличающееся от настроения, царившего в те дни на страницах грузинской прессы, разумеется, осталось без ответа.

Кроме того, я, со своей стороны, решил порвать с политическими структурами, ибо в данной ситуации уже не видел смысла своего пребывания в них. Довольно эмоционально выступив на собрании актива Республиканской партии, имевшей самую крупную депутацию в Госсовете, я в резкой форме раскритиковал решение о вводе войск в Абхазию и отказался баллотироваться в парламент, выборы которого были назначены на осень того же года. Вскоре я вообще оставил партию, хотя с бывшими товарищами по политике у меня сохранились нормальные личные отношения.

IX

День 14 августа 1992 г. разделил мою жизнь, как и жизнь сотен тысяч жителей Абхазии на периоды: “до войны” и “после”. Эта кровавая бойня явилась самым трагическим событием в многовековой истории грузино-абхазских взаимоотношений. Уже в начале войны, когда стало очевидным, что маховик насилия раскручивается на полную мощность, мне открылись две истины: 1) этот конфликт не имеет чисто военного решения и чем больше людей станут его жертвами, тем труднее потом будет протекать миротворческий процесс; 2) послевоенная Абхазия не будет такой, какой она была прежде. Всякая война независимо от ее исхода, приносит новые реалии политического, социально-экономического, психологического и иных характеров. И чем скорее общество примет их, тем быстрее можно ожидать заживления военных ран.

Теоретически свои мысли о невозможности в наше время решать военным путем этнические конфликты я частично изложил позднее, в статьях, посвященных последней русско-чеченской войне (см. “Ахали Таоба”, декабрь 1994 г. и февраль 1995 г.), а в 1992 г. просто продолжил свои устные выступления на абхазскую тему. В период войны первое мое публичное выступление по этому вопросу состоялось в сентябре 1992 г. в Тбилисском университете, на конференции, организованной “Кавказским домом” и фондом Генриха Белля. Я рассказал о зарождении и истории грузино-абхазского конфликта на фоне общей истории Абхазии конца XIX-XX вв. Из-за актуальности проблемы было много вопросов, споров. В результате мое выступление затянулось допоздна и остальные доклады пришлось перенести на другой день. Подобные выступления и беседы как перед широкой аудиторией, так и в узком кругу я продолжаю по сей день. Опубликовал также ряд статей по истории Абхазии (в том числе две в грузинской энциклопедии 1997 г.), еще несколько статей находятся в печати. Я занимаюсь этим потому, что считаю: правильное информирование общественности позитивно влияет на трансформацию конфликта; медленно но верно продвигает вперед процесс разрядки.

Разумеется, стараниями только отдельных лиц нельзя достичь желаемых результатов, тем более, что сегодняшняя публицистика и выходящая научная литература, вольно или невольно, в значительной своей части все еще служит интересам информационной борьбы и, таким образом, отнюдь не способствует нейтрализации конфликта. Однако есть отдельные моменты, показывающие, что в обществе в целом растет ориентированность на мирное решение проблемы. В частности, значи-

тельным фактом в послевоенных грузино-абхазских взаимоотношениях стало развитие неформальных контактов (пока в основном на уровне направительственных организаций), осуществляемых при содействии международных кругов. В условиях, когда прямые грузино-абхазские связи низведены до минимума, эти контакты являются, практически, единственным средством ведения народной дипломатии. Я участвую в них с 1997 г. и вижу как положительно эти встречи влияют на настроенность молодежи, составляющей основной контингент их участников. От таких контактов, разумеется, нельзя ждать сиюминутных результатов, но если встречи проводить достаточно регулярно, с постепенным расширением состава участников и сохраняя их активное ядро, а главное, если в промежутках между встречами участники народно-дипломатического процесса энергично будут доносить до возможно большего числа людей тот положительный заряд, с каким они обычно возвращаются домой, то результатом будет постепенное распространение в обществе мнения о неприемлемости войны, как единственного средства решения конфликтов. Определенная трансформация общественного мнения поможет официальной дипломатии смелее идти на компромиссные решения, без которых немислимо окончательное урегулирование проблемы.

Примером целенаправленных действий в интересах нейтрализации конфликта, после одной из неформальных грузино-абхазских встреч, в частности, семинара в Штаттшлайнинге (Австрия) в 1997 г. является деятельность грузинской группы, которая по возвращении в Тбилиси имела несколько специальных встреч с журналистами и представителями общественности, где обсуждались результаты поездки и причины, мешающие миротворческому процессу.

На встрече в “Кавказском доме” родилась идея выступить с письмом на страницах прессы, где было бы показано наше видение грузино-абхазского конфликта и путей выхода из него. Над составлением первоначального варианта письма под названием “Найти выход!” работали писательница Наира Гелашвили, президент фонда Солидарности народов Кавказа Анна Абрамишвили, журналистка Манана Даржания и я. Затем окончательно отредактировав документ при участии остальных наших единомышленников (известная художница по металлу М. Магомедова, психолог проф. Н. Сарджвеладзе, конфликтолог проф. Г. Хуцишвили, филолог Ю. Чиковани, социолог проф. Г. Цуладзе и др.) мы опубликовали его в грузинских газетах “Ахали Таоба”, “Дилис Газети”, “7 Дге” (12-13 августа 1997 г.), а позднее в журнале “Апра” (1997 г., N 1). Письмо подписали 37 представителей грузинской интеллигенции -

ученые, художники, педагоги, журналисты и др., среди которых несколько человек - беженцы из Абхазии. Подавляющее большинство подписавшихся не были участниками штаттшлайнингского семинара.

Авторы письма решительно отвергают войну, как способ решения абхазской проблемы. Они впервые в Грузии открыто поставили в один ряд грузинскую и абхазскую национальные идеи - территориальное единство Грузии и независимость Абхазии - как имеющих одинаковые права на существование. Выход из создавшейся ситуации авторы письма видят в установлении договорных взаимоотношений между Грузией и Абхазией, если эти взаимоотношения обеспечат окончательное примирение сторон и правовую и реальную защищенность всех граждан Абхазии, независимо от их национальности. Проект официального Тбилиси - сначала полное и безусловное возвращение беженцев, а затем определение политического статуса Абхазии - характеризуется в письме как нереальный. В условиях “холодной войны” массовый возврат населения неосуществим. А если бы даже и появилась такая возможность, то допустима ли отправка людей в зону возможных боевых действий? Ведь неопределенность политического статуса потенциально содержит опасность возобновления войны. Проблема возвращения перемещенных лиц, по мнению авторов письма, должна решаться в контексте определения политического статуса.

Авторы письма призывают стороны к прямому диалогу на предмет образования общего политического, экономического и информационного пространства, с учетом сложившихся реалий. Они призывают также официальный Тбилиси, в подтверждение своей доброй воли, снять экономическую блокаду Абхазии, осуществляемую силами СНГ (фактически: России). Эта блокада, малоэффективная с политической точки зрения и сомнительная в моральном отношении, лишь вредит миротворческому процессу, упрочняя образ врага в изолированном обществе.

Наконец, в письме указывается на необходимость нравственной оценки трагических событий в Абхазии и выражена уверенность, что реализация вышеизложенного варианта решения проблемы, не только создаст основу для мирного урегулирования грузино-абхазского конфликта, но и станет важным шагом на пути общекавказской интеграции.

“Письмо 37-ми” не вызвало у грузинского читателя отрицательной реакции, если не считать высказываний отдельных политиков. Это показывает, что грузинское общество сегодня терпимее относится к отличающемуся от общепринятого мнению, чем это было в конце 80-х годов. Что касается Абхазии, там, как мне известно, наше письмо вос-

приняли положительно. Оно было опубликовано на русском языке в Сухумской газете “Республика Абхазия” от 23.VIII. 97 г.

Остается с сожалением отметить, что руководство Грузии, фактически, проигнорировало письмо 37-ми, выражающее мнение определенной части грузинской общественности. Минуло почти два года после его публикации, а способы, которыми правительство пытается решить абхазский вопрос, можно сказать, остаются неизменными. Соответственно, нет и движения вперед в деле урегулирования конфликта.

Таким образом, методы, которые народная дипломатия может использовать в целях нейтрализации этнического конфликта - весьма разнообразны, но все они сходятся в том, чтобы воздействием на общественное мнение способствовать его дерадикализации. Это создает условия для перевода конфликта в политически более приемлемую форму. Что же касается окончательного урегулирования проблемы, то это, как отмечалось, прерогатива официальных властей. При этом, изменение общественных приоритетов в сторону мирного решения конфликта, заставит их действовать в этом направлении более решительно.

Степень успеха народной дипломатии зависит от интенсивности применения его методов, способности вовлечь в этот процесс как можно больше людей, а также от позиции государственно-политических структур.

В нашем случае не удалось предотвратить развитие силового конфликта и он достиг своей крайней формы - войны. Слишком могущественные силы были в этом заинтересованы прямо или косвенно. По сравнению с их возможностями только морально-нравственного превосходства активных сторонников мира было недостаточно. Нам не хватало организованности. Не располагая действенными механизмами формирования общественного мнения, мы не могли широко пропагандировать свои идеи, а следовательно, не смогли (или не успели) создать себе опору среди широкой общественности. Государственная политика фактически больше способствовала разрастанию конфликта, чем его разрядке. Но и после того, как худшее уже произошло, а миротворческие усилия официальной дипломатии не приносят плоды, процесс народной дипломатии следует продолжать и наращивать. Резервы в этом отношении далеко не исчерпаны.

Аннотация

В статье рассматривается 15-летний опыт автора, который (самостоятельно или совместно с другими лицами) неоднократно пытался различными способами неформальной дипломатии повлиять на грузино-абхазский конфликт с целью его нейтрализации, т.е. перевода в политически более приемлемую форму. Тесно связанный с обеими конфликтующими сторонами, автор настоящей статьи был связывающим звеном между грузинскими и абхазскими политобъединениями. В 1990-1992 гг. он был единственным представителем грузинских политических организаций, который был вхож в штаб-квартиру Абхазского народного движения. В 1992 г. в знак протеста против ввода войск в Абхазию и начала там боевых действий, Г. Анчабадзе ушел из политики, но продолжает активно участвовать в процессе народной дипломатии. Среди рассматриваемых в статье эпизодов можно отметить: борьбу автора (историка по профессии) за объективное изложение истории - одной из самых “взрывоопасных” проблем грузино-абхазских взаимоотношений в сер. 80-х гг.; его публичные выступления в Тбилиси и Сухуми с целью воспрепятствовать разрастанию конфликта; организацию встреч грузинских и абхазских политиков в 1990-1992гг.; историю создания в Тбилиси накануне грузино-абхазской войны землячества выходцев из Абхазии; составление с группой грузинских интеллигентов в 1997 г. письма-обращения представляющего новое видение механизма урегулирования грузино-абхазского конфликта, которое существенно отличается от официальной политики Грузии в данном вопросе и др. В статье приведены также некоторые малоизвестные факты, предшествующие войне 1992-1993 гг.

Марина Барцц

Абхазский институт
гуманитарных исследований

Выход из конфликта в традиционном правосознании абхазов

При обсуждении вопросов, связанных с процессом урегулирования конфликта (в данном случае грузино-абхазского), никто не оспаривает необходимости учитывать менталитет народа и в частности его коллективное правосознание. Поэтому в данном контексте представляется интересным исследовать правовые и этические нормы абхазского народа (как одной из сторон конфликта), его систему ценностей, поведенческие стереотипы.

На сегодняшний день известно не много исследований по обычному праву абхазов, нет ни одной монографии. Самыми значительными работами в XIX веке являются статья Ф. Завадского, Краевича “Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству в Абхазии”, К. Чернышева “Об Абхазии” 1854г. Сведения по данной теме содержатся в “воспоминаниях русского офицера” Ф. Торнау, а так же у Дж. Белля, Дубровина. В XX веке эти проблемы, освещаются в статьях К. Мачавариани, С. Басария, трудах Г. Дзидзария, Ш. Инал-ипа. Сегодня этой темой занимаются Пола Гарб и Руслан Гожба.

В обычном праве абхазов находят свое проявление особенности национального характера народа, его представление о добре и зле, наказании, справедливости, системе ценностей и запретов. Традиционные правовые нормы народа имеют также религиозное и нравственное содержание. И в современных условиях именно эти составляющие обычного права абхазов обуславливают мотивацию их поступков.

Нормативной культуре абхазов по духу близки: родственная ей генетически, Северокавказская, а также Балканская (в горных ее районах).

Абхазское общество, отличающееся своей традиционностью, в своем общественном и семейном быту и сегодня продолжает придерживаться норм обычного права. Неудовлетворенность официальным законодательством в сообществе создают условия жизнестойкости института посредничества (“Примирительные комиссии”, “Совет старейшин”), которые уже более ста лет выполняют функцию буфера между народом и законом.

Корни народной дипломатии, уходят во времена официального функционирования обычного права. Особого внимания заслуживают культурологический, социально-психологический аспекты традиционной юридической техники (более наглядно выраженные в уголовном праве), обычаи и правила, связанные с кровной мезьтью, формы выхода из конфликта в традиционном правосознании абхазов.

В статье используются литературные источники, полевые материалы, незначительные, архивные материалы, уцелевшие от войны.

Обычное право функционировало в Абхазии до 1864 года. По словам полковника Ф. Завадского (1866г.), с 1810 г., когда Абхазия подпадает под покровительство России, “влияние на Абхазию было исключительно политическое и частью военное, но не касалось гражданского быта” (10). В 1864 году, с удалением из Абхазии последнего владельца, страна подпала под непосредственное русское управление. “1865 год прошел в ознакомлении административных органов с страной и в собрании данных для составления положения об управлении ею”. (13). Положение об управлении Абхазией было утверждено в августе 1866г., потом было Лыхненское восстание (1866г.) - за которым последовало массовое выселение абхазов в Турцию.

Мы можем говорить о введении русского управления с 1868-69гг., в связи с поземельной реформой и созданием Окружных судов, которые, как жалуется Краевич, в первые годы “продолжают действовать под влиянием народных обычаев” (13).

Дальнейшие волны массового насильственного выселения коренного населения, продолжавшиеся до 1879г., привели к опустошению основной части территории Абхазии, и видимо, уже не было надобности учитывать обычное право местного населения.

Народные законы теряли свою силу, а к новым, не учитывающим норм правовой культуры местного населения, относились с недоверием. В 1912 году абхаз Симон Ашхацава писал: “Закон, созданный требованиями чужой жизни не мог примениться к абхазской жизни и в следствии чего возникли новые осложнения. Народ отнесся к нововведениям с недоверием, и долго даже о происходивших преступлениях не заявляли поставленным русским властям, старались своими прежними мерами обходиться, но так как прежний закон не имел официальную силу закона, в народной массе не имел успеха. С течением времени потерпевшие начали подавать жалобы в русские учреждения. Но незнание русского языка и самого судопроизводства, новые меры пресечения приво-

дили в ужас не только преступника и его родственников, но целое общество. И потому народ от следственной власти оборонялся, нисколько не шел к ее целям - раскрыть преступления” (2).

В противоречие с правовыми и этическими нормами абхазов вступали такие меры наказания, как смертная казнь, физическое наказание, лишение свободы. Полностью запуталось право наследования. Потеряла свою силу присяга, растет число лжесвидетельств. Краевич отмечает, что обряд присяги стал “ничего незначащим в глазах абхазцев: они не только относятся к нему равнодушно, как к делу, обиденному, но даже с презрением, как к акту, некогда для них столь страшному и теперь потерявшему всякое значение”(13). По сообщению Чернышева (1854) “воровство, считающееся у других народов Кавказа удальством, здесь порок, который наказывается весьма строго, а именно: с вора взыскивается в пользу хозяина тройная стоимость украденного им, и, кроме того, за воровство сто рублей штраф - в пользу владельца. Эта строгая мера была причиной, что воровство в Абхазии случалось редко. Но в настоящее время порок этот усилился именно потому, что коренные абхазские законы вообще начали терять свою силу” (22).

Институты примирения, функционирующие в Абхазии, берут свое начало с традиционной судебной практики. Раньше “для разбора всех вообще дел, как уголовных, так и гражданских, в Абхазии были постоянные суды, называемые аныхва-зхваз, что в переводе значит, давшие присягу. Судьи избирались на общем собрании народа под председательством владельца. Срок службы судей и время выборов не были определены. Они избирались на целую жизнь, и выборы производились по мере их убыли. После выборов каждый из выборных приносил перед народным собранием, присягу в том, что добросовестно будет исполнять свои обязанности” (13). Выбранные судьи обязаны были явиться для разбора дел по приглашению каждого и за это не получали никакого вознаграждения”.

До советской власти в состав медиаторов обязательно включали представителя высшего сословия, в чьи непосредственные обязанности, наряду с другими, входило “содействие к окончанию кровомщения, примирение кровников” (17); а еще раньше главной фигурой, “являвшейся миротворцем между фамилиями” (16) и верховным судьей, был сам владелец.

На время разбирательства “враждующие стороны давали владельцу поручителей в том, что они вражду прекращают до разбора дела” (10). Роль поручителей была значительной. Избрание и утверждение состава медиаторов для представления им на рассмотрение своего дела

считались самым сложным и значительным. “Тяжущиеся стороны избирали по несколько человек судей. После такого выбора заинтересованные стороны извещали друг друга об избранных ими медиаторах. Каждая из тяжущихся сторон имела право устранить медиаторов противной стороны, если к этому были основательные причины” (13). К. Чернышев, в 1854 году пишет: “затруднение посредников состоит в том, чтобы убедить враждующие стороны в выборе медиаторов и согласовать их в этом выборе, но когда это препятствие устранено и судьи избраны. Тогда самое производство суда идет весьма быстро” (22).

В первую очередь “обе стороны принимали присягу в том, что беспрекословно выполнят решение суда, и давали в этом поручителей” (22). Суды были публичные и происходили на открытом месте.

По обычному праву “никто из жителей Абхазии не изъят от обвинения и каждому предоставляется право потребовать другого в суд” (13). Для традиционной судебной практики характерно, что свидетелей для выступления приглашают в редких случаях, ими чаще всего оказываются родственники истца, готовые к присяге. Согласно народным обычаям судьи не требуют для оглашения имя осведомителя, доказчика. Отрицательно относясь к тайным доносам, тем не менее, обычай гарантирует неприкосновенность осведомителя. В народе презрительно относятся к “ацугъахуаца” - доносчикам, людям, пересказывающим увиденное и услышанное адресно, они порицаются, не пользуются уважением в народе (“пату дук рыкуздам”). Без крайней нужды, без очень большой, кровной заинтересованности, люди старались не переходить ту тонкую черту, которая отделяет свидетеля от осведомителя. Более того, и “тот, кто откроет фамилию лица, сообщившего ему о преступлении, считается болтливым и не пользуется ни малейшим доверием; точно также никаким доверием не пользуется, высказавший желание разузнать, кто доказчик. Как тот, так и другой не допускаются к обсуждениям вопросов общественных и в их присутствии другие стараются быть осторожными в своих словах” (13).

В результате этого в суде старались обходиться даже без свидетелей, тем более что ими, скорее всего, оказывались родственники, готовые на поручительство, готовые принять присягу и уверенные в правоте защищаемого ими человека.

При отсутствии доказательств судьи прибегали к присяге. При этом самой высшей инстанцией был Божеский суд. Процедура принятия присяги перед святилищем (“аныха”) решала все сомнительные и спорные вопросы. Первым присягу принимал истец, а не ответчик.

"Клятвы, данные у Дидрипша (*святилище, священная гора, «аныха»*, МБ), считаются самыми священными и ненарушаемыми. Поэтому, при важных делах, как-то: убийства, поджоги, изнасилования и проч., виновные по решению почетных лиц и сельских судей могут принять обычную присягу о своей невиновности у подножия этой священной горы и после принятия там присяги считаются совершенно оправданными" (7).

Для того чтобы окончательно выиграть процесс, необходимы соприсягатели. В отличие от свидетелей ими не могут быть родственниками, что могло послужить поводом для противной стороны требовать их отвода. Соприсягатели, как правило, пользовались всеобщим доверием в селе, в число которых не допускались лица, пользовавшиеся общим имуществом с обвиняемым и те лица, которые жили с ним под одной крышей. Количество соприсягателей ("ахыкуаацу") варьировало от одного до пяти человек. Такая присяга была известна под названием "ахрыцкьага акура", то есть очистительная (оправдательная) присяга (см. 1).

Краевич пишет: "что же касается до отвода по лживости, то в продолжении всего времени моих занятий в окружных судах Абхазии, не было ни одного подобного примера" (13).

Интересно также отметить и веру абхазов в судьбу. Считалось, что даже в кровной мести присутствует провидение. На мой вопрос о том, чем объясняются случаи, когда десятилетиями преследовали виновника и так и не смогли ему отомстить, информаторы отвечали: "Он не был его, он не должен был умереть от его руки". Когда не удавалось примириться, и виновные оказывались перед началом кровной мести, они говорили: "ну что ж "иара хаихуызар хаигап" (если мы его доля - мы погибнем от него) и отдавали себя в руки судьбе".

Кровная мечь. Смерть требовала отмщения, в том числе и в случае непреднамеренного, случайного убийства ("человек не кончается на себе" Ф.Искандер). В круг лиц, обязанных мстить, входили в первую очередь родственники по отцовской линии. Первоочередными мстителями являлись - брат, сын, братья отца. Мстителями могли выступать представители материнского рода и племянники по линии сестры.

"В делах мщения принимали участие не только родственники убитого, но и воспитанники, если убитый был из дома воспитателя, и обратно - воспитатели мстили за своих воспитанников" (13). И хотя на женщин закон мести не распространялся, известны случаи, когда мстила сестра и даже супруга.

Кровная мечь осуществлялась, как правило, исключительно с использованием огнестрельного и холодного оружия.

Сложно говорить о предельном сроке мести. У абхазов широко распространено выражение "ашьа жура дзра акум" "это означало, что мечь не знала срока давности, ее нельзя было предать забвению, она передавалась из рода в род, переходя от отца к сыну, если даже при совершении убийства последний находился еще в утробе матери" (11). Обязанный мстить (ашьаура здыу) - не позволял себе оплакивать убитого до отмщения, он клялся перед трупом, что "не даст пропасть его крови" и пусть он, погибший, будет спокоен (ушьа тасырхом угу ртынч).

И все-таки срок отмщения имел значение. По традиционным представлениям душа убитого не могла быть спокойна до отмщения, и чем раньше этого добивались, тем, это считалось, лучше. Идеальный срок отмщения - добиться ее до заката (считали, что душа закатывается вместе с солнцем), поскольку в таком случае, по народным представлениям, душа убийцы опередит убитого и окажется на том свете раньше. В целом надо отметить, что в традиционном абхазском обществе была глубоко разработанная культура смерти. И даже сегодня создается впечатление, что оставшиеся живут для упокоения душ умерших, выполнения всех, положенных для них обрядов ("рыку рцас акацаразы").

С одной стороны, в милитаризованном обществе, где каждый был вооружен, сама угроза кровной мести была сдерживающим фактором для агрессии; в некотором роде, этим объясняется церемониальность, дипломатичность этикетной речевой культуры абхазов. Кровная мечь, являясь своего рода системой наказания, могла стать в некотором роде, поводом для развязывания небольшой, иногда длительной войны между двумя фамилиями. В конце XIXв. Рыбинский писал, что обычай кровной мести среди абхазов имеет распространение "в грандиозных размерах" (18), поскольку "в случае обиды, нанесенной члену одной фамилии, все остальные вступались за него, как будто бы она нанесена каждому из них лично"(21).

Сила рода (абипара), фамилии обеспечивалась ее количеством, высокой солидарностью. Офицер Торнау пишет об абхазах: "...сила и значение какого-нибудь рода много зависят от числа кровомстителей, которых он может выставить" (20). Однако солидарности не могло быть без внутреннего мира. Старались избегать конфликтов в своей среде, ссоры тут же улаживались увещеваниями старших, и просто шутками. В более серьезных случаях, в том числе и в непредумышленном убийстве, ограничивались отселением или изгнанием. Нельзя было проливать "свою"

кровь. Преднамеренное же убийство, считалось святотатством. У абхазов инцест и убийство брата, сородича, имело одно название “амахагя” - и то и другое было осквернением своей крови. “Амахагя” становился изгоем в обществе, подвергался остракизму, для него наступала социальная и политическая смерть. “Каждый стыдится даже отвечать ему на обиду обидой или мстью, избегает разговора и даже встречи с ним” (22). Во время русско-кавказской войны, Скарятин приводит случай, когда убыхи привели отцеубийцу в русское укрепление со словами: “Его следовало бы предать смерти, но у нас этого давно не было, старики не помнят... Просим вас, возьмите его и делайте с ним что хотите. У вас, мы слышали, тоже не казнят смертника; ссылают куда-нибудь убийц; ну сошлите и нашего, просим вас, а нам девать его некуда, казнить не хотим. Дурной обычай - смертная казнь” (19). Завадский в середине XIX века подтверждал: “В последнее время смертной казни не существовало в Абхазии. ...За отцеубийство, считавшееся важнейшим преступлением, виновный только отдавался в руки владельца и подвергался изгнанию из страны” (13).

Тем не менее, мы должны остановиться на случаях, когда отцу приходилось убивать своего сына, которые имеют место и сегодня. В случае если, например, тот неоднократно совершал умышленные убийства (другие формы насилия), приотягчающих обстоятельствах, и род нес за него ответственность, и материальную (платили “цену крови” - ашьапса) и физическую. В таком случае отец был ответственен, имел право (или долг перед родом?) отнять жизнь у сына, который, как говорили “так и не стал человеком” - ауаюра илимцдзеит. Как объясняли нам информаторы и сам отец: “Если бы я его не убил, его бы все равно бы убили заслуженно, но тогда уже мы все были бы обязаны мстить за него”. Таким образом, и в данном случае думали о самосохранении и физической защите рода, избавляли себя от угрозы уничтожения. Были опасны постоянные нарушители мира. Боялись появления в роду антисоциальных, агрессивных молодых людей, нарушающих вековые нормы морали и права: “дымиааит, дымгылааит”- “пусть не родится, не достигнет зрелости”, говорили о таких людях. Этим объяснялось, что родители при воспитании, в процессе социализации личности, предъявляли высокие требования ребенку; поскольку в будущем могла быть также высока ответственность за него. Плохой сын мог перечеркнуть всю жизнь родителям, которые переставали появляться в обществе (“рыхуда пикейт”, “ауа изрыламгыло икаицеит “).

Поскольку солидарность и коллективная ответственность обеспечивала личную и групповую безопасность каждого, защита родича яв-

лялась долгом каждого члена рода и фамилии, и в этом состояла их сила. Большую роль в выполнении долга играли, коллективные установки, общественное мнение. На наш вопрос: “Почему мстили?” - информаторы в первую очередь отмечали: “Могли упрекнуть” (чпныхуа иргон, ишьа та-хит!), что привело бы к бесславию, бесчестию рода.

Регламентированность всех сторон жизни в традиционном абхазском обществе заставляла человека вести себя согласно предписаниям, ожиданиям общества, коллективным представлениям о долге, чести и достоинстве, справедливости, принятым нормам поведения. Кровью смывали бесчестье, наносимое тяжким оскорблением, насилием, увечьем и убийством сородича. Общеизвестна воинственность кавказских народов. На мотивацию поступка влиял воинственный, рыцарский этос абхазов. Считалось, что человек живет на этой земле для славы и чести (“ауаюу ахьдзи ахьымдзи рзы адунеи дыкуп”). Даже девочек с детства обучали стрельбе и верховой езде, а мальчиков с 12 лет брали с собой в походы и набеги, воспитывали с установкой на славу и успех. Они мечтали о доблестной смерти в бою, и быть воспетым в героической песне (в абхазском фольклоре почти нет лирических песен, а многочисленные героические песни близки похоронной поэзии). И сегодня, в послевоенные годы, матери, оплакивая своих сыновей погибших в мирное время, причитают: “как я завидую матерям, чьи сыновья погибли на войне”.

Кровная месть должна была, по народным представлениям, восстановить попорченную честь и авторитет, того, кто обязан был мстить. На время, пока не восторжествует справедливость (до отмщения), мститель, а также виновник могли уйти из общества. Например, пока мститель не восстановит своего достоинства и чести, которое было возможно только после выполнения своего долга (и перед убитым и всеми родичами, которые были заинтересованы в этом), он становился абреком. С абхазского, этимология слова обозначает “уход в лес” (дыбналеит) - то есть это был уход из социума, из культурного, освоенного мира. Он оставлял свое хозяйство, отныне у него не было никакой личной и общественной жизни (его и не допустили бы к общественной жизни). Менялся и его облик, он переставал бриться и стричься (до отмщения). Человек, вступивший на путь мести, на время оказывался вне закона и права, мог нарушить многие нормы.

Итак, провинившийся, независимо от того, преднамеренное или неумышленное убийство, оказывался перед началом родовой мести. Были определены нормы поведения конфликтующих, игнорирование которых считалось вызовом, и могло привести к еще большей эскалации напря-

женности. Конфликтующие не здороваются. Они ни в коем случае не могут оказаться за одним столом, т.е. вражда исключает совместную трапезу.

Наиболее действенным средством предотвращения эскалации было, в первую очередь избегание. Виновный обязан уступать дорогу; не должен был появляться там, где может быть потерпевший (например, при стечении большого количества людей: на похоронах, свадьбе, собраниях), а в случае появления кого-нибудь из потерпевшей стороны, он тут же должен был уйти. То есть кровники максимально дистанцировались, по абхазскому выражению – “не колоть глаза”.

Самым действенным способом оказывался переезд. Хотя и это не уберегало от преследования мстителя. Но переезд сам по себе был серьезным наказанием.

Роль женщины в конфликте была неоднозначна. Женщина могла остановить любую схватку своим появлением (согласно общекавказской культуре, любой бой прекращался, если женщина снимала косынку с головы), но женщина могла и разжигать конфликт, требуя, выполнения долга, требуя кровной мести. Ссылаясь на слова известного сказителя М. Сакания, нам рассказали о том, как его мать Хангуашь не пускала его с братом домой, пока они не сумели отомстить за деда. Когда же им, в конце концов, это удалось, она зарезала им быка и пригласила соседей по случаю успешного завершения этой акции (“хшьа аауит хуа ацу лшьит”).

Нормативная культура абхазов не допускала раньше женщину к присяге, “не только в качестве свидетеля, за кого-нибудь другого, но даже и в свое оправдание, присяга назначаемая судом женщине, ложится на ближайших ее родственников” (13). (По представлениям абхазов, предстать перед святилищем считалось опасным даже в случае правоты и невиновности). Однако женщина могла защищать себя в суде. Майор, князь Баратов, в 1866 году говорит об особом положении абхазской женщины по сравнению с другими закавказскими народами. Переодевшись в мужскую одежду, она участвует в набегах. Он описывает “с каким почетом относятся абхазские судьи к женщине и с каким умением, с какою самоуверенностью отстаивает последняя правоту своего дела. Если мужа нет дома, а в суде назначен разбор дела, жена садится на лошадь, берет провожатых и отправляется в суд” (5). Известны имена женщин миротворцев, в основном преклонного возраста, к которым обращались за советами. Как правило, они обычно принимали участие при разборе семейных, фамильных конфликтов.

Примирение. Кровная месть является формой наказания преступника. Но есть второй путь развития конфликта — примирение, которое, однако, также не исключает наказания, но уже в другой форме. Первоочередной задачей было - остановить дальнейшее кровопролитие. Общеизвестно, что народы с высокоразвитой воинской культурой имели в наличии большой арсенал разработанных механизмов миротворчества (к примеру, греческое общество в эпоху демократии). Утеря же таких механизмов, как правило, приводило к деградации, а порой к исчезновению различных цивилизаций и народов.

Однако вернемся ко времени, когда в Абхазии функционировало обычное право.

“Родовая месть развита в Абхазии, как и между другими племенами, но в этой стране она имеет свои оттенки. Так, тотчас после убийства, родовая месть может быть остановлена вмешательством других фамилий, если они предложат в деле примирения свое посредничество. Тогда дело уже переходит на обсуждение народного суда.

Народный суд, составляется из избранных обеими сторонами судей, известных по своему *красноречию, уму, беспристрастию и пользующихся добрым мнением народа*. Эти народные судьи называются медиаторами, и самый суд медиаторским”. (22).

По обычному праву абхазов, многие проступки наказывались только кровной мезтью (умышленное убийство, изнасилование и т.п.). В таком случае, если потерпевшая сторона способна была мстить, она не отдавала свое дело на рассмотрение медиаторского суда (да и посредники, как они говорят, “берутся не за все дела”). Но безвыходных ситуаций не бывает. Мы знаем главное правило кровной мести — она не возможна внутри рода. Если враждующие стороны были даже дальними родственниками, они старались идти на примирение (ашьаура рыкунагад-замыт).

Учитывая это, самым эффективным способом выхода из конфликта была - попасть виновной стороне круг лиц, на которых не распространяется месть. А это, было, возможно став членом враждебного рода, породнившись с ним.

Известны *традиционные формы принуждения к миру*:

Во-первых, "Акыкацхара" (целование материнской груди) - установление молочного родства, которое считалось даже более сильным, чем кровное (инцест исключался).

Во-вторых, “Ашьапсахупхара” - (букв. “воспитанник цены крови”) - брали (очень часто похищали) на воспитание ребенка убитого или любимого младшего члена семьи Абхазская поговорка гласит: “воспитание человека стоит (жизни) человека”. Такое искусственное родство было настолько сильно, что, как и в предыдущем, случае воспитанник не имел права жениться на родственниках воспитателей - его бы обвинили в кровосмешении.

Обе эти формы искусственного родства считались самыми надежными для примирения, и провинившаяся сторона стремилась добиться ее любым способом. Таким образом, фамилия и род которые потеряли соплеменника, в какой то мере, таким образом, восстанавливали свою силу, ведь “так как бы замещали потерю одной человеческой жизни включением в свой коллектив вновь приобретенного родственника” (12). Поскольку гибель сородича ослабила род и фамилию, воспитанник или усыновленный (что впрочем, одно то же – “ахупха”) брал на себя все обязанности по отношению к родственникам и роду убитого в целом. Он как бы замещал убитого, выполняя его обязанности и долг. Тем самым, переходя из категории врага в сородича, обеспечивавшего в дальнейшем им защиту и мир.

Другая форма примирения – “Аньшуынтра асасра” - (букв. “стать гостем могилы” убитого). Гость неприкосновенен. По обычному праву кавказцев за убийство гостя должен мстить хозяин, он на время, в пределах определенного пространства, входит в круг близких. В данном случае убийца оказывался под защитой убитого им человека, став его гостем. Обычно виновного сопровождали родственники и опытные медиаторы. С предупреждением, а зачастую и без предупреждения приходили и становились на колени вокруг могилы, и не уходили, пока хозяин не поднимал их.

Акт примирения был максимально ритуализирован, с тщательно разработанными церемониями. Все обставлялось с максимальным почетом для потерпевшей стороны.

А виновного же, как правило, приводили с завязанными руками, непокрытой головой. Развязывал ему руки представитель потерпевшей стороны (например, отец убитого).

Любое примирение обязательно завершалось церемонией совместного приема пищи. Особую знаковую функцию в примирении играет хлеб-соль. Абхазы, согласно легенде, даже землю свою считают откупленной ею. Как бы ты ни был прогневан, нельзя проклясть человека,

отведавшего еды в твоём доме словами: “чтобы ты не унес мой хлеб-соль” (“счеиджика узымгааит”). Даже по поведению гостя, могли понять о его намерениях - если он пришел не с добром, то отказывался от угощения (ачеиджика уамкьашьыроуп). По словам информатора, если грабитель случайно испробовал хотя бы крошку чего-нибудь, давал приказ уходить (ачеиджика уаграгылар каладзом). В исторических преданиях преследователь отказывался даже от воды, смешанной с кислым молоком. Требовал чистой воды, со словами: “неизвестно, еще возможно придется с вами воевать”. Даже посредники отказываются от угощения в доме, куда пришли на переговоры, пока не добьются какого-нибудь результата (“рус алцаандза”). Как уже отмечалось выше, среди норм поведения враждующих сторон самым значительным считался запрет на совместную трапезу. Кульминацией и завершением вражды являлась ритуальная трапеза, обычно из общих продуктов (“рчеиджика еиларцон, нас еиуацуан”).

Таким образом, конфликт завершался пиром с клятвами о мире, одариванием подарками. Кстати, хотя официально абхазы отрицательно относились к “ашьапса” - плате за кровь, широко распространенной на Северном Кавказе (которая, по словам информаторов, достигала в дореволюционный период 500-300 рублей), цена подарков, с которыми возвращали воспитанника, приближалась к этой цифре.

Известны случаи массового примирения. Например - межплеменные: между абхазами и садзами в XIX в.; в нынешнем столетии - двух больших фамилий Ашуба и Амичба. Бывали случаи, когда целыми фамилиями давали присягу жить в мире и согласии.

Как говорилось выше, суды по народному обычаю прекращаются к середине XIX-го века.

Тем не менее, традиции института примиренчества не прерывалась с введением официального судопроизводства (“азакуан анааи”). На заре советской власти ее функции возросли. И в 20 годы отмечалось некоторое обращение к нормам обычного права, когда человека, находящегося под следствием, отпускали с тюрьмы для примирения через медиаторский суд. Более того, иногда использовали нормы обычного права, для вынесения приговора. В частности, в Абхазском государственном архиве обнаружено постановление наркома внутренних дел от 25.11.1925 года. В нем, по решению комиссариата внутренних дел ССРА Ж. Амичба, находящегося во вражде с Ашубовыми, в связи с постановлением Примирительной комиссии, решено было переселить на постоянное жительство в Гудаутский уезд, лишив его права появляться в Кодорском

уезде. Многие десятилетия Примирительные комиссии и Советы Старейшин действовали с правом рекомендательного голоса, и хотя они уже не рассматривали уголовные дела, но зачастую им приходилось дублировать по-своему действия официальных властей. Было много случаев, когда потерпевшая сторона, не чувствуя себя удовлетворенной такой формой наказания, как лишение свободы, пыталась отомстить - убить в тюрьме или после освобождения, если не успевали вмешаться посредники. Медиаторы в любом случае в конфликтных ситуациях проводили обряд примирения, без которого вражда продолжалась бы, например даже после возвращения из тюрьмы.

Примирение было возможно только с помощью посредников (“абжьаказауа”), которые с самого начала включились в дело и вели переговоры на всех стадиях конфликта.

Медиатор должен был обладать определенными личностными качествами:

- авторитетность - это был общественный деятель с широкими связями, лидер, умный, наблюдательный, дипломатичный;
- на нем не должно было быть крови сородича;
- обязательно было знание норм обычного права (прецедента);
- как правило, был известен своей добросовестностью, правдивостью, честностью (неподкупный), обладал высокими моральными и нравственными качествами; был благочестив;
- посредник, обязательно владеет ораторским искусством, умеет быть убедительным, нюансами речевого этикета;
- при выборе посредника особое значение придавалось возрастному цензу.

Чернышев писал: “Особенным влиянием пользуются лица, заслужившие уважение личными заслугами, достоинством, умом или по своим летам и опытности, - так что голос старика-крестьянина стоит выше голоса молодого, неопытного князя”(22).

Остановимся на возрасте человека, которому доверяли посредничество. Как правило, он относился к старшей возрастной группе (обычно не меньше 50-ти лет), повидавшего жизнь (зуаюрахъ инеихъаз), чаще более преклонного возраста (абыргцауа - старейшины). Любопытна в этом смысле следующая информация “о распределении работ и занятий меж-

ду членами семейства; так, например, в семействе, состоящем из отца и четырех взрослых сыновей, на обязанности отца лежало занятие делами политическими, делами, касающимися родового союза, а потому он бывал обыкновенно в разъездах” (13).

Медиаторами бывали старейшины (абыргцауа) - люди преклонного возраста (от 70 и более, учитывая долгожительство абхазов это было не удивительно). По воззрениям абхазов, благочестивый человек, достигший преклонного возраста, при ясном уме, здоровье (в том числе без физических недостатков изъянов) мог быть медиатором не только между людьми, но и между людьми и богами. Он становился жрецом в семейных, родовых и фамильных молениях. По народным представлениям право медиаторства, объяснялось и его возрастом, поскольку считалось, что он был ближе к истине, а истина, по мировоззрению абхазов, находится в потустороннем мире, к которому он близок. Во время выступления оратор говорил о себе, апеллируя к возрасту: “сара апсреи абзарей еимаркуа” - (“я, стоящий между жизнью и смертью”). Он был ближе к истине, выше суеты, и максимально беспристрастен.

Итак, лица, которым доверялось отправление правосудия, избирались с согласия обеих сторон.

По каждому отдельному случаю собиралась своя команда, состав ее объяснялся конкретным делом, в любом случае в нее входили: старшие представители обеих враждующих сторон, братья по материнской линии, авторитетные лица села и районов известные своими дипломатическими способностями,

В зависимости от сложности дела, количество посредников бывало от 5 до 50 человек (от внутрисемейного до межкланового, межродового). Как рассказывают старики, они, забросив все свои личные дела, занимались этим неделями и месяцами. Оговоримся еще раз, что брались они, при этом, не за все дела “аус шыкоу еипш”. Например, умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах и т.п., по их словам “такое дело требует отмщения”, наказания

Первой целью для медиаторов было остановить дальнейшую эскалацию конфликта. Главной задачей на первом этапе было суметь убедить, заставить обе стороны буквально “отдать им свое дело на рассмотрение” (“Шус хашут”). Это само по себе уже было шагом к миру, поскольку на время ведения дела конфликт как бы консервировался. И более того, в этом заключалась и другая победа, получить согласие на ведение дела означало, что обе стороны обязуются подчиниться их решению.

На первой стадии “Примирительная комиссия” занималась сбором информации интерпретацией события обеими сторонами, если возможно, переговоры со свидетелями и т.п. Медиаторы говорят, в переводе с абхазского: “мы должны, все, скрупулезно взвесив решать, чтобы никто не мог придраться. Чтобы дело раз и навсегда было решено, мы все досконально изучаем, проговариваем: “Твоя вина такая-то, такая” - и все перечисляем, “и ты, то-то сделал” - говорим потерпевшему. Примирение, происходит публично, при стечении большого количества народа, медиаторы часто на основании прецедента, заставляют обе стороны принять, и согласиться с решением, которое, как по их словам, принято народом, старейшинами, (“ажулар, анхабыра иакурцаз абри ауп”). “Если вы с народом, вы должны согласиться (“шуазыразхароуп”), если же не соглашаетесь, значит, вы не уважаете народ. Вы теперь враги не только этого (виновного), но и всего народа”. Таким образом, ораторы свои постановления озвучивают от имени народа, “тот же, кто оттолкнет, проигнорирует единогласное решение народа, получит всенародное порицание (ажулар рылахь иоуеит), останется один в народе. Его не допустят к себе, от него будут скрывать и радость и горе народа, такого человека не допустят к себе и на том свете, даже природа брезгует его тенью...”.

На протяжении всего времени ведения дела, и особенно в день проведения обряда примирения, медиаторы обращались с максимальным почтением к потерпевшей стороне и постоянно апеллировали к их мудрости и совести. При этом они превозносили их нравственные ценности: “Вы известные доселе своей мудростью, своим почтением к традиции, обычаю. Если бы вы были из тех, кто наступает на слово народа, не понимали бы веса народного слова, вы бы не пришли сюда, куда вас пригласил народ”.

Роль и авторитетность посредников вынуждали конфликтующих идти на примирение. Их решение нельзя было игнорировать, поскольку считалось, что они озвучивают волю народа. Если, например, неотмщение считалось отступлением от векового обычая и приводило к бесчестью, потере имени и репутации, то право мести прекращалось постановлением медиаторов. Народ в данном случае своим решением снимал с них необходимость кровной мести. Они считались отмщенными после соответствующих примирительных церемоний, после которых конфликтующие стороны могли сказать следующее: “Ажулар ражуа ашьа хабжнахт” (буквально, “Слово народа сняло между нами кровь”). Решение медиаторов было окончательным и безоговорочным. “Против медиаторов нет апелляции, судом их прекращается месть” (22).

Заключение.

Чтобы примирение и посредничество в грузино-абхазском конфликте было успешным, необходимо учитывать народное правосознание. Для соответствия своему статусу медиатора, они должны обладать определенными личностными качествами, иметь позитивный опыт трансформации конфликта на различных уровнях, облечены доверием народа, а их состав должен быть предварительно оговорен и согласован обеими конфликтующими сторонами. В посреднической миссии необходимо участие известных и уважаемых представителей соседних кавказских народов, лидеров, имеющих влияние в своем сообществе. Они должны в равной степени положительно восприниматься обеими сторонами.

Народы Кавказа жизненно заинтересованы в мире, так как тлеющие конфликты в их регионе могут в любую минуту разгореться. А опыт показывает, что в таких случаях никому не удастся остаться в стороне.

Единство культурного пространства, общность исторических судеб, системы ценностей, и более того, единство традиционной соционормативной культуры - позволило бы кавказским народам использовать собственный потенциал института посредничества, при всем своем своеобразии, имеющее значительное сходство с общемировыми стандартами в разрешении конфликта в контексте демократических принципов.

Территориальная и культурная близость, общая историческая сопричастность к истокам, приведшим к конфликтам на Кавказе, заинтересованность в мире, позволили бы Кавказским и Закавказским государствам быть поручителями и гарантами мира в нашем регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии. Сухуми. 1969г.
2. Симон Апсуа (Ашхацава Симон) газ. “Сухумский листок”. 1912г. № 196, 197.
3. Бакрадзе Д.З. Кавказ в древних памятниках христианства. 1875г.
4. Дж.Белл. Письма о пребывании в Черкессии в 1837, 1838 и 1839 гг. Лондон.
5. Баратов С. Абхазская женщина. “Тифлисский вестник”. 1879г. № 98.
6. Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994г., ч.1, 2.

7. Векуа А. Из жизни и обычаев абхазцев. Этнографический очерк, газ. "Закавказье" №136., 1912г.
8. Дубровин История воин и владычества на Кавказе. 1861г
9. Докладная записка начальника Черноморской береговой охраны. 1847г.
10. Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. газ. "Кавказ", 1867г. № 60
11. Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми, 1960г.
12. Иванова Ю.В. "Поведенческие стереотипы: обряд примирения кровников в горных зонах Балкан и на Кавказе", в кн. Этнографическое изучение знаковых седств". Л. 1989г.
13. Краевич. Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству в Абхазии. ССоКГ, Тифлис, 1871г., в. IV.
14. Кекелия М. Древнегрузинские законодательство, суд и судебный процесс. Тбилиси. 1986г.
15. Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухум и Сухумскому округу. Сухум. 1913г.
16. Очерки устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзака-нии. ССоКГ. Тифлис, 1870г., вып. III, отд. I.
17. Освобождение зависимых сословий в Сухумском Отделе (Абхазии и Самурза-кани). ССоКГ. Тифлис. 1871г., вып. V, отд. IV.
18. Рыбинский Г.А. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Тифлис, 1894г.
19. Скарятин В. Заметки о Кавказе. "Отечественные заметки", 1862г., т. 141, № 4.
20. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера, ж-л "Адыги", 1991г., 1, Нальчик.
21. Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей.
22. Чернышев К. Об Абхазии. Тифлис, газ. "Кавказ", 1854г., № 83.

Леван Герадзе

Ассоциация "Гражданское общество-Абхазия"

Роль гражданского общества в предотвращении и решении вооруженных конфликтов (На примере Грузии)

Крушение социалистической системы предупреждения социальных процессов высвободило накопленную десятилетиями энергию общества и позволило ему проявиться в разных формах социальной активности. Существующая система создала плодотворную почву для создания сети многообразных неформальных неправительственных организаций. Сама советская система, искусственно сдерживающая естественные процессы развития, стала жертвой своей неповоротливости, закостенелости и нежелания идти на уступки нововведениям. Тоталитарная система же в свою очередь накопила большое количество проблем, работа над решением которых не велась, так как о существовании подобных не могло быть и речи. В числе подобных был и национальный вопрос, считавшийся решенным, всячески отодвигаемый властями на задний план и законсервированный до определённой поры, до тех пор, пока её существование не могло принести определённым кругам возможность реализации своих интересов из-за взрывоопасности и болезненности данного вопроса. Крушение системы всколыхнуло и центробежные, в том числе и националистическо-сепаратистские или народно-освободительные движения. Названия им придавались в зависимости от того, к какой из сторон они принадлежали и одни и те же, часто, разными силами назывались диаметрально противоположно. На Кавказе подобные процессы вылились в кровавые вооруженные конфликты и стали главным припятствием на пути свободного развития общества. В подобное положение попала и Грузия, вследствие конфликтов потерявшая 1/3 своих территорий. Несмотря на это, или может быть благодаря этому, осознав губительность создавшегося в обществе положения, в Грузии процесс демократизации и создания гражданского общества стал наиболее скоростным и эффективным. Лучшим подтверждением тому стал первый этап, проявившийся созданием очень большого числа неправительственных организаций. Число зарегистрированных организаций общереспубликанского масштаба к 1997 году в Грузии насчитывало более 3 тысяч. Разумеется, эффективность их работы в сложнейших условиях была минимальна. Часто они создавались с целью прикрытия коммер-

ческой деятельности, но сама идея начала жить и движение набирало обороты. На волне демократизации неправительственные организации несли в себе бунтарский дух, характерный и очень популярный с началом перестройки и демократизации в советском обществе. Это поставило НПО под угрозу политизации, создало подобные претензии у неформальных движений и подготовила условия для перехода многих решающих факторов формирования общественного сознания в сферу НПО. Деструктивные процессы, последовавшие после распада СССР частью общества приписывались именно бунтарям-неформалам, что серьезно подорвало их имидж и многих нефомалов заставило изменить стратегию деятельности, сконцентрировав свою активность на неполитические проблемы, тем самым сохранив за собой возможность более свободного действия в создавшемся положении.

В течении последнего времени влияние общественного сектора возросло и в этом плане проявились довольно интересные явления. В условиях свободы слова и процесса всеобщей демократизации и прозрачности деятельности государственного аппарата т.н. третий сектор стал играть более серьезную, а в некоторых случаях и решающую роль в определении того или иного, насущного и болезненного для общества вопроса. Неоднократно реформаторски настроенные властные структуры опирались на возможности НПО для создания общественного базиса проведения коренных преобразований. Так например, в процессе судебной реформы НПО сыграли во многом определяющую роль и позволили реформаторам продолжать начатый путь, также произошло и при решении вопроса о внесении графы национальности в идентификационные карточки граждан. НПО встали на пути у столичных чиновников, решивших вернуть в столице систему прописки, ограничивающих свободу выбора места жительства и передвижения, гарантированных конституцией. Необходимость подобного решения аргументировалось перенаселением города и высокой степенью криминализации. Однако само общество отменило подобную возможность и закрепило за третьим сектором имидж защитника интересов общества.

Отношение к этому вопросу со стороны правительственных структур стало неоднородным. Некоторые чиновники в НПО стали видеть завуалированный механизм для реализации собственных интересов. Стали создаваться псевдо-неправительственные организации, контролируемые теми или иными государственными структурами и имеющие целью балансировать независимые организации и их деятельность. Подобное состояние дел определило создание многими чиновниками управляемых ими общественных организаций, формально независимых а

на самом деле реализующих интересы некоторых властных структур. Часто чиновники пытаются склонить на свои позиции разные НПО, имеющие определённое уважение и доверие в обществе, но подобные моменты не остаются незамеченными обществом и эти действия получают противоположный задуманному результат.

Главный вопрос, интересующий нас в данной статье, как может повлиять создание гражданского общества на стабилизацию ситуации и предотвращение конфликтов, а также мирное решение уже существующих. Для ответа на этот вопрос нужно уяснить для себя степень допущенности неправительственных организаций к решению данных вопросов. Анализируя создавшееся в Грузии положение, можно с уверенностью сказать, что власти Грузии однозначно выступают за политические средства решения конфликта в Абхазии. Это неоднократно было заявлено на разных уровнях переговорного процесса. Однако само общество относится к проблеме Абхазии весьма неоднородно и её отношение довольно переменчиво в зависимости от того, какого рода информации оно получает в течении последнего времени. А неправительственные организации, являющиеся продолжением своего общества, выражающим его идеи и настроения также могут являться очень непостоянными и управляемыми разными силами, так что процесс влияния не развивается в одном направлении, участвующие в нём стороны взаимозависимы.

Как мы уже упомянули, рычаги воздействия на политические процессы в нашем обществе в большей части всё ещё в руках государства. Государство контролирует основные средства массовой информации, распространяя те факты и ведя такую агитацию, которая подкрепляет её позиции и представляет недостаточно полную информацию, не позволяющую создать полную картину происходящего, без чего невозможно осознанная социальная и политическая активность общества в отношении того или иного вопроса. Со стороны властей Грузии наблюдается нежелание активизировать дискуссии на тему восстановления территориальной целостности, так как по их мнению слишком высокая степень несогласованности позиций по отношению к абхазской проблеме в обществе, что может привести к возникновению ещё одного, дополнительного фактора противостояния в обществе. А этого всячески стараются избежать власть имущие.

Характеризуя создавшееся положение вещей в сфере неправительственных организаций мы не должны упускать из виду главную цель: повышение их эффективности в деле способствования урегулирования конфликтов. Именно способствованию, так как только лишь средствами

неправительственных организаций невозможен ощутимый прорыв во взаимоотношениях между противоборствующими сторонами. Необходима известная доля доброй воли со стороны правительств, или хотя бы части властных структур, и полная свобода действий и посильная материально-техническая, иная организационная и агитационно-пропагандистская поддержка неправительственных организаций. Миротворческие инициативы неправительственного сектора должны быть поддержаны и популяризованы прессой и широкой общественностью, дабы в сознании общества искоренить образ врага

На основе моего небольшого опыта деятельности в неправительственных организациях в сфере разрешения абхазского и южноосетинского конфликтов у меня складывается мнение, что подобная активность безусловно полезна и приносит положительные результаты, но существование проблемы противоположности позиций обществ не позволяют неправительственным организациям прийти к общему эффективному соглашению, могущему на основе многостороннего сотрудничества приблизить разрешение конфликтов. Ведь отношение в противоборствующих обществах к самому конфликту радикально отличаются друг от друга и соответственно цели, с которыми они вовлекаются в подобную деятельность также различны. Наверное, сближение позиций произойдет только лишь после осознания подлинных интересов конфликтующих сторон, после чего на основе сотрудничества, поэтапно произойдет удовлетворение возникших потребностей этих обществ, что приведет к окончательному решению конфликта.

Обычное право абхазов как возможный источник методов народной дипломатии

История сложных отношений между Абхазией и Грузией уходит вглубь веков. Абхазов в этническом и языковом плане исследователи отмечают как «расу резко отличающуюся от своих восточных соседей». Имея в виду население Западного Кавказа от Таманского полуострова до р.Егры (Ингур), английский путешественник Э.Спенсер в 1831 г. отмечал: «[Кавказские народы] однако имели честь дать свое название (кавказская раса), за исключением финнов и лапландцев всему населению Европы – народа самого цивилизованного и могущественного, которого когда либо видел мир; и действительно, рассматривая жителей Кавказа, мы должны признать превосходство их внешнего облика над огромной массой европейцев, мы вынуждены прийти к убеждению, что мы их потомки, происшедшие от одного рода...» (Эдмонд Спенсер «Путешествие в Черкессию. Майкоп, 1994 г. стр.120). Рассказывают такой случай: в старину между абхазами и грузинами вспыхнула война. Войска с обеих сторон подошли к реке Егры (Ингур). Вот-вот начнется битва, но старшие решили не дать разразиться кровопролитию и решить весь спор поединком. Абхазы выставили молодого юношу, грузины – опытного воина, с проседью на исках. Вынув шашки из ножен, воины пошли навстречу друг другу. Абхаз, резко замахнувшись, вдруг неожиданно опустил шашку. Его противник остановился и недоуменно спросил, почему он опустил оружие. «Ты старше и поэтому я не могу раньше тебя поднять оружие», - ответил юноша. Они обнялись, как братья... Мир был заключен.

Приведем еще один пример. В XVI и XVII веках шла война абхазов с западно-грузинскими владетелями. Абхазы и черкесы часто вместе, сообща, выступали против общего врага. Вот свидетельство Марино Кавали – баила в Константинополе: «В 50-ые годы XVI века правитель Мегрелии Дадиан, много воюя со своими соседями – черкесами (абхазами – А.Г.) и потерпевший от них немало поражений, отправился сам лично в Константинополь просить помощи у султана и получил от него шесть галер; но эта помощь оказалась такого рода, что он, поняв свою зависимость от неприятеля, на следующий год заключил мир с черкесами (абхазами – А.Г.) и нашел, что с ними иметь дело лучше, чем с турка-

ми, потому что черкесам (также) нисколько не улыбалось вторжение в эти места турок, которые в скором времени обобрали бы его и подчинили бы себе и победителя и побежденного”. (История Адыгеи. М., 1957, с.154.

Поведение абхазов вошло в поговорку у грузин и зачастую человека достойного, воспитанного и умеющего вести себя в высшей степени справедливо (независимо от национальности) грузины называют «абхаз»; благословляя юношу и девушку пожилые грузины говорят: «будь, как абхаз (абхазка)», «он воспитан, как абхаз»; «будь смелым и отважным, как абхаз», «абхазеби раиндеби ариан» – «абхазы – рыцари» и т.д.

В старинной хевсурской охотничьей балладе, шедевре грузинского народного творчества – «Песне о юноше и барсе», где восхваляется мужество охотника, есть такие строки: «Даром не тратятся ведь стрелы наших абхазов!». (1) Смысл здесь таков: «Даром не тратятся ведь стрелы наших героев!» Акакий Церетели посвятил рыцарскому духу абхазов свою бессмертную поэму «Воспитатель». Академик С.Н.Джанашиа по этому поводу говорил: «Абхазскому этикету могли бы позавидовать выдавшие виды дипломаты из Лиги Наций!». (2)

История абхазов уходит вглубь тысячелетий. Абхазские старейшины говорят: «абхазы – ровесники сотворения мира». В этой простой на первый взгляд фразе скрыт очень глубокий смысл, ибо народ за свой долгий исторический путь накопил очень богатый опыт по всем аспектам жизни, в том числе и в области народной дипломатии. Ведь, как хорошо сказал об этом В.Стражев в поэме, посвященной абхамам: «Песнь о голубоглазом»:

«Гости хищные с Сидона,
Грек с «Арго» и воин Рима.
Дикий скиф и перс-воитель,
И ромей политик зоркий,
И лукавый генуэзец –
Много-много приходило,
Уходило будто волны...»

В данной работе мы постарались использовать тот богатый опыт народной дипломатии абхазов, многие элементы которого, на наш взгляд, можно применить не только в абхазо-грузинских отношениях, но и в мировой практике.

Обычное право стало привлекать особое внимание исследователей во второй половине XIX века, т.е. когда в Абхазии, как в Терской и

Дагестанской областях было введено военно-народное управление. В Абхазию были командированы чиновники с заданием изучить обычное право и сословные отношения народа. Многие описания все еще ожидают своих исследователей. Материалы, посвященные обычному праву абхазов содержатся в опубликованных в прошлом веке работах Ф.Торнау, И.Аверкиева, А.Н.Введенского, Ф.Завадского, П.Краевича, К.Д.Мачавариани, А.Векуа...; в неопубликованных работах специально прибывшего с Балкан и собиравшего в Абхазии материалы по обычному праву Б.Богишича; позднее в трудах С.Ашхацаа, С.П.Басариа (Махайд Апсуа), Д.И.Гулиа, И.А.Аджинджала (у него была подготовлена в рукописи работа по обычному праву у абхазов, но, к сожалению, эта ценная работа пропала), Г.А.Дзидзариа, Ш.Д.Инал-ипа, Куправа А.Э. ...

Автор прекрасных трудов по этнографии абхазов Джанашиа Н.С. писал в 1917 г.: «Пробел, получающийся за отсутствием описания юридического быта, хотелось бы восполнить особой работой об абхазских адатах, вообще о народном суде и праве». (3) К.Д.Мачавариани в 1925 году прислал из Батума в дар Н.А.Лакоба свою работу «Женщины ораторы Абхазии» (4), но о судьбе этого труда пока ничего не известно. Мы надеемся, что в дальнейшем данная тема привлечет к себе внимание целой плеяды молодых абхазских ученых, ибо абхазская культура, несмотря на целый ряд исследований, представляет собой «terra incognita». А ведь, как справедливо отмечал еще в начале XX столетия выдающийся ученный из Турции, профессор, шапсуг Мет Иззет-паша Чунатыкуа: «Следует признать, что черкесы несут свою долю ответственности за то, что не смогли продемонстрировать свое действительное значение как нации, так как ими не были окончательно собраны, изучены и распространены данные о своем языке, происхождении, национальных особенностях, традициях, мифах, национальной истории». (5)

В не столь отдаленные времена в Апсны все споры, кровомщения, недоразумения и раздоры, а зачастую и войны, разрешались третьей стороной или конфликтующие стороны приходили к святыне – Аныха, где давали клятву в невиновности и приносили очистительную жертву. Обычно обе стороны приходили в народный гласный суд (по-абхазски - «адоура» или «адзбара», буквально, «видеть скрытое, видеть истину»), где после беспристрастного опроса тяжущихся, их приводили к присяге у священной кузни «ахрыцкбага акура» - «оправдательная клятва». (6) Чаще всего клятвы приносили у священных мест: Лдзаа-ных, Лых-ных, Инал-куба, Аублаа-рныха, Аныпс-ныха Дыдрыпш, Иашыр-ныха, Киач-ныха, Айлыр-ныха, Лашкендар-ныха... У убыхов и джигетов клятву давали на священном холме «Архныщына-аху», «Холм надочажной

цепи», близ Сочи. В старину, как говорит предание, в Илорской церкви высоко посредине висели золотые весы правосудия. «Под этими весами тяжущиеся стороны становились и усердно молили илорскую икону, чтобы она склонила чашу весов над головой праведного. Помня об этом, абхазы не решались на плохие дела: на земле царили мир и согласие».(7)

«Выбор судей происходил на началах уважения к лицам, пользовавшимся доброю славою и знающим законы страны, - отмечает И. Аверкиев в 1866 году,- Народные собрания, как и народный суд, происходили на местах, считающихся священными; русские называют такие места присягой. У джигетов таким местом собрания был небольшой холм, называющийся Чугур-ха-наха, находящийся близ реки Чугур, верстах в 15 от Гагр... Народные собрания собирались прежде в оградах древних монастырей, которых развалины сохранились до настоящего времени. Подобные постройки у абхазцев, как и у других горцев, и места их считались священными».(8)

Э.Спенсер в 1830 г. продолжительное время находившийся у черкесов, куда он относил и абхазов, отмечал, что «ни возраст, ни ранг, ни богатство не имеют какого-либо значения в выборе старейшины; сила, добродетель и дар красноречия – единственное необходимое условие. Дебаты, нужно признать, изредка настолько шумные, так как я видел высокомерную сорвиголову, который, найдя, что дискуссия не принимает нужный оборот, благоприятный для его взглядов, поднимается со своего места, кипит от ярости, чтобы прервать оратора; несмотря на это, уважение оказываемое этим народом к судейской власти таково, что князю или одному из старейшин необходимо только поднять руку, чтобы молчание немедленно восстановилось».(9) Иногда, перед разбором дела, мусульмане-абхазы присягая, клали пулю на Коран, а христиане-абхазы «клали, после принесения клятвенного обещания перед священником, пули к евангелию и кресту»(с. Лыхны).(10)

Еще в XIX веке абхазы давали клятву у священных деревьев, где в дупле хранился образ Божьей Матери: «...в стволе дуба (на Холодной речке близ Бомбор). Народ до того чтит святость этого дуба, что даже владетель не имеет права взять силою безоружного, бежавшего под сень этого дуба и покровительство его святой иконы».(11) И, наверное, именно об этом священном дереве писал граф Алексей Толстой: «...у селения Лыхны стоит уже вторую тысячу лет кряжистый дуб... Проходя, оглянется путник и вспомнит предание: когда еще дуб шумел в небе зеленой листвою, увлекая корнями земляную силу, собирались под ним в лунные месяцы абхазские князья и просто наездники на молитву – потому что

верующий, прикасаясь к дереву, получал мыслям своим ясность, крепкость в кости и зоркость глазу. И многие еще помнят, как во время последней войны (1877- А.Г.) мудрейший из князей – старый Ачба, отправляя на битвы своих сыновей, отрезал часть своей бороды, смочил кровью и бросил к подножию дуба...».(12)

Французская путешественница К.Серена, дважды побывавшая в Абхазии (в 1876 и 1881 гг.), отмечала: «Здесь (в Агу-Бедии, Самырзакан – А.Г.) местом собрания всего населения служила поляна... На этой поляне местные жители собираются для обсуждения повседневных дел и мелких личных вопросов. Как интересно в таких случаях видеть эти пестрые группы, толпящиеся вокруг старшины, который со своей величественной головой, покрытой белым, причудливо закрученным башлыком, крупным плащом (опа) с длинными ворсинками, наброшенными на плечи и сверкая оружием на поясе, напоминает древнего вождя, окруженного своим народом».(13)

Особо важные дела обсуждал сам владетель Апсны, восседая на специальном возвышении, в тени священной липы, в присутствии наиболее опытных судей. Владетель, в свою очередь, обязан был подчиниться решению народного собрания (ажэлар реизара) – «... из владетельской фамилии абхазцы оставляли только одно лицо, возведенное в сан владетеля, всех же остальных отправляли насильственно в Турцию и вызывали оттуда поодиночке только прямых наследников владетеля, когда это место оставалось вакантным»(14), – подчеркивает Ф.Завадский.

Дж.Белл в течение нескольких дней присутствовавший на конгрессе абхазов, убыхов и западных адыгов, происходившем в 1839 г. в местности Геч (Малая Абхазия), отмечает: «Однако, из всего, что я мог понять – это то, что решения, принимаемые старейшинами – людьми, являющимися самыми разумными и справедливыми среди тех, кто связан с этой профессией, несомненно, продиктованы величественным духом беспристрастности».(15) Присутствовать на народных сходах было обязательным для всех мужчин. Абхазская пословица (афоризм) в связи с этим гласит: «Аизарахь изымнеуаз апсуа хаца, ихтырпеи илабашьей наишьтыр акуын» – «Если абхаз не мог присутствовать на собрании, он должен был послать туда свою алабашу (посох) и башлык». В Абхазии каждый обязан был предстать перед народным судом, «никакие сословные преимущества и никакие родственные отношения не могли служить препятствием в подобных случаях»(16), – отмечают очевидцы. Анхаю мог подать в суд на своего князя, ахашэала, агыруа (зависимые) - на своего владетеля.

С.Смоленский, неоднократно бывший свидетелем народных собраний и сходов, подчеркивал их демократичность: «Хотя в обыкновенных случаях личности, известные по богатству или родовым связям, всегда были уважаемы в народных собраниях, но в общественных делах и особенно в таких важных случаях всякий член его имел равное право голоса и каждый поселянин подавал свои мнения и нередко вступал в спор с своим князем, если их суждения не сходились. Только невольники и их потомство, составлявшие собственность княжеских, дворянских сословий и их крестьян не могли принять участия ни в каких народных делах. Значение каждого члена в обществе основывалось, впрочем, не на одном только сословном происхождении, а и на личном значении человека, причем уважалось не только богатство и знатное родство, но и личные достоинства.»(17) (подчеркнуто нами – А.Г.).

Даже владетель Абхазии считался с мнением народного суда. Знаменитый Келешбей Чачба был вызван в конце XVIII века на медиаторский суд. Посредники с обеих сторон решили дело не в его пользу, и он, «не нарушая обычаи страны» (18), согласился с мнением суда. Это подтверждает и К.Чернышев (1854 г.): «...все сословия имеют равные права на свободу мнений, действий и уважение в народе. Особенным вниманием пользуются лица, заслуживающие уважения личными заслугами, достоинством, умом или по своим летам и опытности, - так голос старика-крестьянина стоит выше голоса молодого и неопытного князя».(19) В связи с этим мы приведем один реальный случай из абхазского быта прошлого века: «В старину в Апсны жил один состоятельный анхаю (вольный житель). У него была единственная дочь. Она была необыкновенно красива и прелестна. Молва о ней ходила в народе из уст в уста. Но отец ее – анхаю, сеет и убирает урожай.

В этой общине проживал князь, который был там старшим. У него была семья и взрослые сыновья. Сыну князя очень понравилась девушка, и он захотел взять ее в жены. Но это было невозможно из-за сословных различий, ибо она была дочерью анхаю, а он сыном князя. Но он очень полюбил статную и красивую девушку и стал настаивать на своем. Дело стало принимать серьезный оборот.

К анхаю были направлены сваты от княжеского сына, но мудрый отец ответил им отказом. Отвергнутый жених дал перед людьми слово:

- Ты не выдал за меня свою дочь, но в день ее свадьбы я убью твоего зятя.

Прошло время, их вроде примирили, и девушка собиралась выйти замуж за достойного юношу из равного ей сословия.

В день свадьбы собралась вся община и сын князя, сдержав слово, убил жениха девушки.

Собрался народ, дело было сложное. Отдельно собрались старшины и решали, как поступить. Приняв решение, они обратились к князю:

- Свершилось то, что не должно было случиться. Поэтому ты со всей семьей должен покинуть нашу общину. В противном случае ты отдашь своего сына в руки анхаю, и он решит его судьбу, захочет- убьет...

Князь был видавший виды человек и сам очень сильно переживал и обдумывал случившееся. Он ведь знал, что его сын совершил неправедное дело и, конечно, был не на стороне своего чада.

Сказав старому князю о принятом решении, его спросили:

-Ты покинешь навсегда пределы нашей общины? Или же мы отдадим тебя в руки анхаю. Что ты выбираешь?

Трудно покинуть князю свою общину. И что он скажет на новом месте – что его изгнали? Сложное дело... Подумав, он ответил:

-Идите к анхаю и спросите его. Если он считает, что так надо – я отдаю ему в руки моего сына, свершившего то, чего нельзя было и пусть анхаю делает с ним все, что захочет...

Затем самый старший из посредников пришел к анхаю и подробно расспросил обо всем, что произошло: «Когда случилось такое, гости, прибывшие на свадьбу, не расходятся и ждут решения старейшин».

Анхаю ответил:

-У меня единственная дочь. Юноша, который должен был стать моим зятем – это мой сын. Убит мой единственный сын, а вместе с ним и моя дочь. Я отомщу убийце. Приведите его ко мне связанным по рукам, с повязкой на глазах и, заложив ему за пояс пистолет, которым он убил моего зятя. Я требую именно этого.

Старейшины направились к князю и передали ему Слово анхаю.

Князь, подумав, ответил:

- Я отдам своего сына в его руки, пусть делает с ним, что желает.

Убийцу связали по рукам и ногам, завязали темной повязкой глаза, заложили за пояс его пистолет (акяраху) и привели к анхаю.

Вся община стоит на ногах, вокруг обширного двора, ожидая, что произойдет дальше. Старейшины вошли во двор, ведя впереди себя убийцу, связанного по рукам и ногам. Все ждали, когда наступит минута мщения.

Во дворе стояло большое дерево. Под ним сидел анхаю.

- Мы сделали так, как ты того требовал, - обратились к нему старейшины и поставили убийцу перед ним.

- Анхаю медленно поднялся, подошел к юноше, взял его оружие, развязал его руки, открыл глаза и затем обратился к нему:

- У меня единственная дочь, на зятя я смотрел, как на единственного сына. Но ты его убил. Тебя привели ко мне, твоя судьба в моих руках. Мне трудно переносить мою боль, но после свершившегося ты мой сын, и дочь моя с этого дня – твоя жена, - после этого он обнял юношу.

Анхаю не променял живого на мертвого, и поэтому о нем рассказывают из уст в уста».(20)

Иногда в Абхазии прибегали к суду по шариату, особенно это практиковалось в тех случаях, когда дело касалось кровной мести. В Абхазии, по светскому суду «цена крови» князя, дворянина, анхаю, ахашала, аграу представляла весьма существенную разницу, а перед судом шариата все были равны.

В самых трудных и сложных случаях, когда светлейшие абхазские князя Ачба и Чачба не могли разрешить дело, обращались к Ауыбла (древнейший самый почетный род у абхазов). «Потомки Ауыбла не являлись царями и не относились к правящей династии, но считались по рангу выше всех царствующих родов. В Абхазской истории династические фамилии Ачба, идущие за ними Чачба, не уступающий им не в чем предводитель Инал в законе [протоколе] абхазского народа стоят ниже Ауыбла. Их великий предок Ауыбла, стоящий выше царей и императоров, говоря языком религии, являлся пророком»(21), – подчеркивает абхазский ученый из Турции Бейгуаа Омар. Как мы знаем, род Ауыбла у нас (абхазов – А.Г.) в древности считался выше владетельской фамилии. В старину на сходах, собраниях все вставали, когда являлись князья Ачба и его «внук Ачачба», но Ауыбла мог и не вставать, это не считалось бестактностью. У нас есть поговорка: «Он из рода Ауыбла, может и не вставать». Когда обсуждалось серьезное дело, Ауыбла не вызывали, но если не удавалось разрешить его, то отправлялись за решением к Ауыбла. В самых серьезных воп-

росах его слово было решающим»(22), – сообщает нам из Турции Ашамба Орхан.

«Посланник Всевышнего к абхазам, сам Ауыбла, был величайшим оратором и считался основоположателем школы красноречия у абхазов»(23), – пишет Омар Бейгуаа в специальном исследовании «Хазрет Ибрагим Аубла и Кавказцы».

По абхазским преданиям песенный рефрен «Уаридада» в глубокой древности принадлежал одному из виднейших медиаторов, блестящий ум и красноречие которого проявились еще в отрочестве. Дабы народ не забыл его, имя Уаридада по решению народного собрания стало исполняться в «Свадебной песне» – «Атацаагара ашэа» - Уаридада.

В Кабарде навсегда остался в памяти народа известный оратор, мудрец и медиатор Жабаги Казаноко, который ввел много новых обычаев взамен устаревших жестоких законов. «Сила мудреца, - отмечает Гошемида Шенкао, - заключается в том, что он выражает собственное мнение. Речь его афористична, в ритме белых стихов... Такой речью мастерски владел Казаноко. И вообще отличительной чертой всякого мудреца, является владение всем словарным запасом народа, знанием всех оттенков слов. Метод Казаноко был близок методу Сократа: истину знает каждый, но ее надо сформулировать, а это необходимо делать путем правильно заданных вопросов».(24)

Адыгский просветитель XIX века Хан-Гирей писал о таких мудрецах: «Я знал много старцев, которых обширные, глубокие и основательные суждения о предметах, выходящих из круга их ума, необразованного учением были поистине разительны».(25) Видимо не случайно, сообщают Византийские хроники: «Ойкумена разделена по числу звезд на семь поясов»... и «Абасгам назначен Меркурий».(26) А Меркурий в древности считался покровителем ораторского искусства. Как рассказывал Цахтыр-ипа Хусин: «Один абхаз в старину морем отправился в Грецию, где при дворе императора обучался его сын. Прибыв в Грецию, он нашел там сына и однажды увидел, как перед собравшимся народом произносил блестящую речь известный оратор и мудрец. Восхищенный его умом абхаз, вернувшись на Родину, назвал своего родившегося племянника Дамеем в честь знаменитого греческого философа, речь которого он слушал. Вот откуда у абхазов идет это имя».(27)

Опытные народные судьи, ораторы, у абхазов звались «аказа» - «мастер» или «ажзаказа» – «мастер слова». И, действительно, народные судьи умели разбирать дела и вникать во все многогранные и мель-

чайшие подробности порой очень запутанного дела, на разбор которого иногда уходило по несколько недель, и никто не расходился до тех пор, пока «мастера», подходя к делу со всех сторон и вникая во все нюансы, не находили истину, предотвращали кровопролитие и между кровными врагами устанавливался мир, который вчера еще казался невыносимым. «Научись судить себя и только потом иди на суд», - гласит абхазская пословица.

Вот о таких людях пишет прекрасный знаток народных обычаев и языка Бейгуаа Омар: « Недавно (конец 60-х годов XIX века Турция – А.Г.) в двух абхазских кланах разгорелась сильная вражда и дело вот-вот должно было дойти до кровопролития. По абхазским традициям собрался народ, провели собрание, но не смогли примирить враждующих; но затем пригласили двух отсутствовавших и находившихся далеко абхазов, перед авторитетом которых враждующие стороны не могли устоять. Один из них начал разбирать дело. Читать и писать он не мог, но прекрасно знал обычаи и в совершенстве владел приемами ораторского искусства; речь его, произнесенная перед непримиримыми врагами, была блестяща и изумительна, пишущий эти строки был свидетелем происшедшего и никогда в жизни не слышал ничего подобного. После его выступления представитель пострадавшей стороны произнес ответную речь, она так же была прекрасна. В своей речи он вставил: «Я говорю так, как подобает чести нашего рода. Поверьте мне, если бы к нам обратились великие князья и даже сам Ауыбла – ни старейшины рода, ни молодежь не согласились бы на примирение. Но что нам делать, сюда прибыли люди, которым невозможно не оказать достойный почет. Перед их авторитетом мы склоняем головы, честь нашего рода – это ваша честь, и мы поручаем ее вам. Я знаю, что вы решите все по достоинству».(28)

Часто старейшины применяли очень тонкие психологические приемы, хорошо зная при этом душу своего народа. Расскажем об одном из них.

В начале XX века произошла ссора между зятем и шурином, в результате чего сестра последнего, оставив своих двоих малолетних детей, ушла к брату. Братьев было трое, и они отличались очень гордым и независимым характером, очень ценили и соблюдали все абхазские обычаи. Собрались старики и начали решать дело, стараясь помирить стороны. Зять уже шел на мировую, но братья твердо стояли на своем. Неделю не расходились старейшины, но ничего не вышло, они вынуждены были уехать ни с чем. Однажды вечером к дому братьев подъехал Цахтыр-ипа Хусин.

- Добро пожаловать, Хусин! - приветствовал его старший брат.

- Если ты пойдешь мне навстречу, то я войду в твой дом. Но если не примешь мою просьбу – это твое дело. Я насчет примирения.

- Об этом не говори, - ответил хозяин, - Хусин не говори об этом. По этому поводу здесь целую неделю не расходился народ. Они приложили много труда, чтобы разрешить этот вопрос, но я стою на своем.

Хусин, ничего больше не сказав, не спеша, как он обычно все делал, расседлал коня и положил седло неподалеку. Затем снял бурку, растелил ее на земле, положил седло в изголовье, затем, взяв коня за узду, повел в сад, стреножил и отпустил пастись. Вернувшись обратно, он развел костер, закутался в бурку, лег и уснул. Хозяевам нечего делать, Хусин спит. Уже стемнело, они приготовили ужин; хозяин подошел к Хусину и осторожно разбудил его.

- Что случилось, вы согласны выполнить то, зачем я приехал? – спросил он.

- Об этом Хусин не говори, но мы приготовили ужин, сварили мамалыгу, еще кое-что, приглашаем тебя к столу.

- Я ни есть суда прибыл, а по делу. Если вы согласны со мной, то я встану и сяду с вами за стол. Если нет, то я не встану с этого места, - сказав это, он повернулся на другой бок и укрылся буркой.

Как его не упрасивали, он больше не произнес ни слова, кроме фразы: «Вы согласны со мной или нет». Здесь ужин готов, но как хозяева сядут за стол, если у них во дворе лежит гость. В те времена у людей была совесть, и сесть без гостя за стол хозяева посчитали величайшим позором. Еду собрали и положили в корзину, где хранился сыр и, не притронувшись к пище, хозяева легли спать. Но их состояние ... и врагу не пожелаешь.

Утром вновь приготовили пищу, пришли соседи, стали уговаривать Хусина, но он стоял на своем. Вновь и гость, и хозяева не притроннулись к пище. Хусин был исполинского роста, очень статный, лежит и не встает...

Прошло три дня и три ночи, и все это время Хусин лежал на бурке во дворе. Не то что принять пищу, но и воду он не выпил за это время. Хозяева тоже не прикасались к еде. Трое суток не есть и ни пить, когда в доме все есть все-таки трудно. На четвертые сутки, хозяева не выдержали голода, как рассказывают очевидцы, подошли и обратились к Хусину:

- Хусин, мы согласны с твоим предложением. Поднимись, разреши нам вместе с тобой сесть за стол. Хусин мгновенно поднялся: «Вот это человечность, вот это человечность!» – и с этими словами он крепко обнял хозяина.

Три дня в доме братья шло веселье. За эти дни их сестра вернулась к мужу, и все другие вопросы были решены».(29)

В Абхазии известны случаи массового примирения: «Вот что произошло в древности. Между убыхами и абхазами разгорелась вражда. Взаимным набегам не было видно конца. Как только не пытались их помирить, ничего не выходило. Но в те времена были очень мудрые люди, «умевшие примирить огонь и воду», и они решили положить конец вражде. Собрались с обеих сторон и со всех сторон западного Кавказа самые уважаемые и почитаемые старцы, и вот, что они решили: со стороны правого устья реки Псоу лежит обширная равнина. Туда было доставлено с их согласия 500 молодых абхазок с грудными детьми и 500 убыхских матерей, также с грудными детьми. Их поставили в ряд напротив друг друга с младенцами в руках, завязали глаза и обменяли младенцев. Потом женщин с детьми сразу развезли в родные аулы. Сделано это было для того, чтобы в дальнейшем абхазы и убыхи зная, что с той и с другой стороны родная кровь, перестали мстить и совершать набеги, а, когда дети вырастут, чтобы этот дружеский союз еще более укрепился. По случаю примирения был устроен пир, джигитовка, скачки, стрельба по мишеням и другие игры, и решили эту равнину назвать в честь торжеств, происходивших по поводу примирения абхазов и убыхов «Агуазхара ашта» - «Площадь веселья, радости». Сейчас на этом месте поселок Веселое».(30)

Тот, кто осмеливался преступить священные традиции, подвергался всеобщему презрению – остракизму, он навсегда изгонялся из страны и получал позорное имя «амахагя». Вот так поется в одной старинной абхазской песне:

«Говяжья лопатка, что пред ним положили, оказалась свинячьей!

Материнская грудь, к которой он прикоснулся, оказалась сучьим выменем!

Бурка, которую расстелили перед ним, оказалась черной грязью!

Род ваш позорный, да будет отныне носить имя - амахагя!»

Песня о Кайтмас-ипа Халыбее

По понятиям абхазов, абазин, адыгов считалось, что «бесчестье благородного распространяется на весь его род».(31) Честь считалась

превыше всего, «аламыс превыше смерти», - говорили абхазы. Самым тяжелым наказанием, как мы говорили выше, была не смертная казнь, а изгнание преступника из страны и отчуждение его от рода. Приведем в связи с этим одно свидетельство: «Мне рассказывали по этому поводу характеристический случай, происшедший между враждебным нам племенем убыхов. Они привели отцеубийцу из своих в одно из наших укреплений и сказали начальнику: «Этот человек убил своего отца. Его следовало бы предать смерти, но у нас этого давно не было, старики не помнят, да и не хотим мы опозорить нашу землю казнью свободного человека. Просим вас, возьмите его и сделайте с ним, что хотите, у вас, мы слышали, тоже не казнят смертника; ссылают куда-нибудь убийц; ну, сошлите и нашего, просим вас, а нам девать его некуда, казнить не хотим. Дурной обычай – смертная казнь».(32)

Когда дело касалось общих интересов, то собирались представители всего Западного Кавказа, чтобы сообща решить вопрос войны или мира. Вот как описывает очевидец в 1830 г. «ассамблею горцев», проводившуюся в одной из священных рощ: «Как только оратор поднимался со своего места, чтобы обратиться к ассамблее, глубочайшее и самое уважительное молчание устанавливалось до тех пор, пока какая-нибудь возбуждающая фраза не производила всеобщего возгласа энтузиазма или не раздавался неистовый возглас мести, которому громкий звон сабель придавал дополнительный эффект, при котором было необходимо кому-нибудь из старейшин махнуть своей рукой, чтобы порядок снова восстановился. Мне было бы совершенно невозможно попытаться нарисовать возбужденный энтузиазм этого самого патриотического народа...».(33)

Дж. Белл, присутствовавший на конгрессе в м. Геч (1839 г.) среди абхазов, убыхов и адыгов отмечал: «Во время судебных разбирательств этого конгресса, меня часто, даже гораздо больше, чем на Севере, охватывало чувство восторга при виде той готовности, благосклонности и энергии, с которой люди выступали на собраниях: это являлось особенностью людей, живущих на побережье (Гагра – Швача-пста, Малая Абхазия – А.Г.) и объяснялось часто происходившими и свободными судебными разбирательствами, пробуждающими интерес»(34). Особенно он выделял двоих ораторов – молодого убыха Хаджи Берзека Керантуха, «та хладнокровность, с какой он воспринимал резкие высказывания и та нетерпимость и упорство, с которым он занимался анализом и опровержением, и в то же время то, как седобородые старцы уступали ему там, где были объяснения и доказательства и слушали его в немом молчании, вызывая чувство восторга к нему».(35) Вторым был абхаз Арслан (известный под именем Фытз – Леон), которого по внешнему

виду, умению держаться, голосу, ораторскому искусству, Белл сравнивал с виднейшими европейскими сенаторами и судьями того времени.

Приведем небезынтересные факты из жизни Хаджи Берзека Керантуха. В 1845 г. на побережье Убыхии и Малой Абхазии разразился страшный голод, морем российская эскадра блокировала «дорогу жизни». *(Когда в XVII веке турецкий султан, не сумев покорить Ансны, объявил абхазам блокаду, Черное море начали крейсировать турецкие военные суда. В Абхазию перестали приходить торговые суда, доставлявшие товары: соль, железо, ткани... В Абхазии наступили тяжелые времена. У абхазов во все времена не было религиозного фанатизма. В одной семье спокойно жили и общались представители изначальной религии, христианства и мусульманства. Из-за блокады в стране не стало хватать котлов, а в семье зачастую были представители той и другой религии, и тогда пищу варили в одном котле, разделив свинину и баранину перегородкой (Kirzi-oglu...Ankara, 1976, с.12)).*

Хаджи Берзек, предводитель убыхов, вышел на переговоры с генералом Х. и обратился к нему: «Оставьте нас в покое. Оставьте нас порядочными врагами! Разве поступает человек тот, кто голодом пытается добиться того, чего не смог достичь оружием! Голод привел меня к вам, бедствия моего народа запали мне в душу, но я пришел не для того, чтобы покориться, а напомнить вам о нашем праве и вашей чести! Это хваленое великодушие вашего падишаха? Что, он хочет оставить нас голодными, господствовать над нами через смерть? Мы не требуем ваш хлеб – мы требуем свободы. Вы считаете нас преступниками за то, что мы не хотим принять бразды вашего правления – и это дает вам право оставить нас голодными?!...» (Ф.Боденштедт. Борьба народов Кавказа против русских за свою независимость. Франкфурт на Майне, 1848, перевод с нем. яз. Р.Ачба).

«Старик Берзегов дожил до глубокой старости. Сыновья его живут в Турции до сих пор и пользуются большим почетом у турок и большим влиянием среди племен бывших кавказских горцев. Старший из Берзегов, может быть, войдет со временем в историю своим классическим ответом кавказским революционерам, которые в 1905 или в 1906 году в угаре революционного возбуждения послали депутацию турецкому султану с предложением, воспользоваться временным ослаблением России и занять своими войсками Кавказ. Соблазн был велик, но страх перед воздействием великих держав вынудил султана отказаться от прямого участия. Тем не менее, он указал просителю на Берзекова, который мог

бы поднять своих черкесов и хлынуть всей ордою на Кавказ. Берзегов принял депутатов, выслушал их, но затем дал ответ, полный гордого достоинства: «Я не люблю Россию, я враг ее, могу воевать с нею, но воспользоваться ее временным ослаблением я считаю подлостью». Впоследствии этот ответ стал известен кавказскому наместнику князю, Воронцову, и он написал письмо Берзегову, в котором отметил все рыцарское благородство его ответа». (Рукевич А.Ф. Воспоминания старого эриванца. (1832-39 г.г.) «Исторический вестник», 1914, декабрь).

В самых сложных и запутанных делах, благодаря мудрости, умелому поведению и ораторству судей, которые всегда избирались из людей с незапятнанной репутацией (часто из сословия анхаю) – на человеке таком в первую очередь не должна была лежать кровь абхаза – удавалось избежать кровопролития. Армянский путешественник Минай Медичи в своей «Истории Понта» (кон.XVIII – нач.XIXв.в.) отмечает, что сухумские абазы, «когда хотят судить, являются старики и выстраиваются на месте суда ... После того, как обе стороны будут внимательно выслушаны, судьи удаляются и выносят справедливый приговор, согласно нормам естественного права. У них нет ни взяточничества, ни обычая оклеветать друг друга. Они не щадят тех, кто действует против обычаев и законов и жестоко наказывают их.»(36) В другом месте, говоря об абхазах, он отмечает, что «они чинят суд и расправу по нормам естественного права. Они отнюдь не кровопийцы и не дурные люди, но с хорошими задатками и противники зла.»(37) А в Абхазии в те времена практически не было тюрем, так была сильна вера и велико преклонение перед святыми местами и настолько были сильны и искусны в ораторстве судьи. О таких людях говорили, что «они словом заставят вскипеть котел с холодной водой». В нартском эпосе есть сюжеты, где наши великие предки истинным словом заставляют воду превратиться в пенное вино или бурлящий кипяток. У абхазов сохранилась «Песня о том, как цабальцы речами мясо варили», записанная К.Ковачем от Дамея Дзкуа в сел. Джирхуа в 20-х годах, вот ее история: «Цабальские абхазы шесть дней слушали и разбирали одно дело. На седьмой день с заключительной речью выступил старец. Он говорил, не прерываясь, с утра до вечера. По обычаям, после того, как дело завершилось, предстоял пир. Зарезали быка, разделали, положили в котел и залили мясо холодной водой, но костер не разожгли, ждали окончательного разрешения дела. И вот, пока старик-оратор говорил без передышки весь день и так горячо, что вода в котле закипела без огня».

Еще Аристотель отмечал, что «Доказательство достигается с помощью нравственного характера говорящего в том случае, когда речь произносится так, что внушает доверие к человеку, ее произносящему...».

«Что же должно быть показателем совершенства системы общественного устройства? – пишет по этому поводу Дж.Белл,- безопасность граждан, степень их благополучия, не так ли? На (Западном – А.Г.) Кавказе мы увидели такие порядки, систему управления, какие не встретишь более нигде в мире. Население не обременено налогами, у них нет регулярной армии, ни судей, ни прокуроров, ни заключенных. Полиция и тюрьмы тоже отсутствуют. Образ жизни этих людей и их поведение в общественных местах безупречны, они сами определяют границы своей свободы».(38)

С.Ашхацаа в 1912 г. в своей статье «Внутреннее управление древней Абхазии» подчеркивал: «На суде не требовалось свидетеля, благодаря взглядам абхазца, отличавшегося честностью, верностью своему слову в дружбе. Хотя он в порыве гнева совершил преступление, но моментально гнев стихал и благородство и нежность души чувствительного южанина брали верх. Обман в стране считался позором, признаком трусости, опорочивающей достоинство мужчины, и поэтому на суд не вызывали свидетелей и при желании обвиняемого солгать было очень трудно, так как в суде принимало участие целое общество».(39) «К высшей степени уголовных преступлений в Абхазии были причислены следующие: 1) святотатство, 2) богохульство, 3) отцеубийство, 4) братоубийство, 5) посягательство на жизнь владельца и членов владельческого дома, 6) измена отечеству и 7) кровосмешение».(40) «Преступников отчуждали от общества, это наказание,- пишут очевидцы,- было ужаснее смерти. Все, с кем преступник был знаком, или в связях, прекращали с ним прежние отношения. Родные его опасались жить с ним в одном доме, сесть за общий стол и вступить даже в общий разговор. Остатки подаваемой ему пищи выбрасывались при нем собакам и все, к чему он прикасался тщательно обмывали и очищали. Такое обращение с преступником представляло их удаляться из края; но прежде, чем преступник успевал прибыть к соседственному племени, весть о нем обыкновенно уже достигала туда. Там он встречал такой же прием, как и в родном краю».(41) За воровство в Абхазии было следующее наказание: за первое вору сбрасывали один ус, за второе – оба или «выставляли нагого в летнее время на солнце и обливали медом для того, чтобы его беспокоили насекомые; в зимнее время выставляли нагого на холод».(42)

То же самое отмечают и другие авторы, подчеркивая при этом суровый обычай остракизма, применявшийся в Абхазии к лицам, преступившим закон: «Владелец не имел права потребовать к себе преступника, подвластного его вассалу, но часто случалось, что сами тавады представляли на суд владельца тягчайших преступников, которых они

признавали нетерпимыми в общине. Таковыми считались виновные в измене, посягательстве на жизнь владельца или своего патрона, отцеубийцы или братоубийцы и виновные в святотатстве или кровосмешении. Их судили почтеннейшие лица, иногда в присутствии самого владельца и приговаривали к изгнанию с родины. С объявлением этого наказания все родственники, друзья, знакомые прекращали с преступником всякие сношения и, хотя он продолжал пользоваться правом гостеприимства, но остатки его пищи отдавали псам; войлок, на котором он спал, бросали в огонь; вещи, к которым он прикасался, тщательно обмывали и очищали, все сторонились его с каким-то страхом, ему даже не мстили».(43) Другой автор, К.Чернышев, хорошо знакомый с бытом абхазов, в 1854 г. отмечал следующие степени наказания, существовавшие в Абхазии в те времена: «За преступления существуют наказания: 1) денежная пеня (ее берут и произведениями земли, лошадьми, рогатым скотом и т.п.): а) в пользу невинного и оправданного судом, и б) в пользу владельца (за воровство); 2) лишение свободы, 3) заковывание в цепи, наконец, 4) изгнание из родины (вроде лишения политической жизни или остракизма древних греков).

Замечательно, что воровство, считающееся у других народов Кавказа удальством, здесь порок, который наказывается весьма строго, а именно: с вора взыскивается в пользу хозяина тройная стоимость украденного и, кроме того, за воровство сто рублей штраф в пользу владельца. Эта строгая мера была причиной того, что воровство в Абхазии случалось редко».(44)

Ф.Ф.Торнау в своих «Воспоминаниях кавказского офицера», говоря о судопроизводстве в Абхазии, пишет: «Народ собирается слушать дело, которое обсуждается публично. Судьи, дав присягу, что станут судить дело по совести, правде, выслушивают тяжущихся и свидетелей, и когда все обстоятельства приведены в ясность, удаляются для тайного совещания. Согласившись между собою, они, до объявления приговора, берут от обеих спорящихся присягу и поручительство в исполнении его, потому что на судьях лежит не только обязанность решить дело, но и выполнить решение».(45)

«Тот гласный суд, - подчеркивает К.Д.Мачавариани,- которого добивались культурные страны в течение веков, хорошо был известен абхазцам,, и они широко пользовались им».(46)

В Абхазии при обсуждении дел применялся принцип публичной демократии и коллективной мудрости: «...мы узнали, что в Самурзакани и Абхазии словоговорение на сходках совсем не так совершается, как

в других местах России и даже Кавказа, почему невольно рождается вопрос: откуда в эту страну, называемую ныне вообще «Сухумским военным отделом», забрался этот обычай, и не составляет ли он собой живой остаток живой старины, когда здесь процветали греческие колонии – Диоскурия, Анакопия и др. Происходит вот как, например, в Самурзакани собирается по какому-нибудь поводу сходка, собирается народ. Лица, собравшие его, обращаются к нему с изложением причин сходки и разъяснением дела, по которому она созвана. Народ слушает молча и до самого конца вашей речи. Наконец, вы, положим, останавливаетесь, кто-нибудь из народа спрашивает: «кончили ли вы?» Вы, положим, распространяетесь еще с убедительнейшей речью, наконец, исчерпавши все доводы и доказательства, объявляете, что вы кончили и к измененному делу более ничего прибавить не можете. Тогда народ заявляет вам, что «теперь мы подумаем, мы рассмотрим, что ты нам сообщил.» Затем весь народ разбивается на кучки, чаще всего по три человека в каждой, но при нужде и по 4 - 5, затем заявленный собранию вопрос рассматривается в каждой кучке, причем, разумеется, такая кучка останавливается на чем-нибудь одном, а именно: «если согласиться - то в какой степени и почему именно, если не согласиться – то почему именно». Придя к какому-то решению, каждая кучка из среды себя выбирает кого-нибудь оратором, который и должен говорить в духе того, на чем остановились все они во время обсуждения вопроса. Затем каждая кучка начинает ходить между народом, спрашивая: «кто окончил?» и, тем самым, отыскивая такую же троицу лиц, порешивших с вопросом так же, как и они, и так же избравших из среды себя одного оратора. Вообще необходимо найти еще две такие кучки, тогда из трех составляется уже одна от 9 до 15 человек численностью, так что вскоре весь народ из мелких групп собирается в подобные 9-душные группы или в 9 (или около). В таких случаях большинство лиц уже соблюдает строгое молчание, наблюдая только за своими ораторами, между которыми уже исключительно происходит борьба мнений. Когда эти ораторы порешат на чем-нибудь одном, то они для выражения своего мнения выбирают одного говоруна, а затем так же отыскивают группы, окончившие прения и составляются уже толпы около 30 человек в каждой, наконец, таким же порядком около 100 и, в конце концов, собирается в одну толпу весь народ, т.е. вся община, так как в административном отношении весь Самурзакан делится на общины. Затем последние ораторы, состязавшиеся перед лицом целого народа, во главе одного подходят к лицу, создавшему сходку и объявляют ему: «господин» или «начальник», народ рассмотрел сделанное тобою предложение, нашел, что оно полезно и своевременно, почему он соглашается сделать то, что ты предложил. Если

народ не соглашается, то те же ораторы объявляют несогласие, причем перечисляются и причины, по которым не могут их исполнить. Вся же толпа в обоих случаях стоит уже в безмолвии и только слушает своих избранных. Не правда ли, поразительный способ «народоговорения» и «народообсуждения» дел? Собственно в Абхазии только в том и состоит отличие, что первая толпа разбивается на фамилии, в которых бывает и 5 членов, бывает и 30, но затем продолжается тот же порядок дальнейший»(1871г.).(47)

Очень сильные традиции демократии абхазского общества начала XIX века (1808г.) отразились в историческом предании о Келешбее. После гибели владетеля Апсны, народ в течение семи дней не расходился, шло собрание, где стоял вопрос: кому быть владетелем. После семи дней выбрали ото всех общин и фамилий доверенных и они, не расходясь три дня и три ночи, решали общее дело. Мнения разошлись, князья и дворяне настаивали на своей кандидатуре, представители сословия анхаю – на своей. Дело происходило в Сухуме, возле крепости. На одиннадцатый день народу объявили, что решение принято. Все это время тысячи представителей народа не расходились, ждали решения дела. И вот в конце, народный оратор из сословия анхаю взял слово и произнес блестящую речь, народ поддержал его и владетелем Апсны был избран тот сын Келешбея, на чьей стороне был голос и поддержка со стороны сословия анхаю (вольных жителей).(48)

В случае военной угрозы собирался весь народ и общим собранием по парламентскому образцу решал, как действовать в данном случае. Сохранилось описание народного собрания убыхов времен Кавказской войны: «Со всех сторон подходили другие, и в самом непродолжительном времени всех собравшихся было около 4-х тысяч человек. Горцы были в полном вооружении и верхами; затем, сойдя с лошадей и, привязав их к деревьям, они образовали круг, в середине которого поместились начальники, сидя на соломенных связках. Водворилась тишина и собрание открылось. Первым говорил Измаил-бей; речь его была довольно длинна; по окончании ее, ответив на несколько сделанных ему возражений, Измаил передает слово другому. Ораторы сменяются, собрание волнуется, поднимаются разные вопросы; возбуждаются споры. Нам уже приходит мысль, что прениям этим никогда не будет конца, как вдруг, как бы по мановению жезла, снова восстанавливается мертвая тишина. Эта сцена повторяется несколько раз, и таким образом, в продолжение двух часов мы были свидетелями, так сказать, натурального парламентаризма. Наконец круг расстраивается, мы полагаем, что заседание окончено, но ничуть не бывало, все взоры обращаются в одну

сторону, на дерево, по которому один член собрания вскарабкивается с необыкновенной поспешностью. Достигнув верхушки, он умащивается самым комфортабельным образом и начинает оттуда держать речь, которую, однако, все слушают с полным благоговением. Индивидуум этот, так высоко взгромоздившийся, объявил постановления собрания и нам сказали потом, что решения собрания не могут быть действительны и законны без этого обряда. Решено было призвать всех убыхов к оружию в самый короткий срок. Каждый аул обязан выставить одного экипированного воина и кормить его в продолжение всей кампании. Когда таким образом общественное дело было порешено, собрание приступило к разбору частных дел. Снова составилась круг и скоро несколько дел было обсуждено... По выслушании показаний обвинявших и свидетелей собрание объявило свой приговор, а герольд отправился на дерево для утверждения этого приговора.

Эти митинги представляют единственную власть в стране, потому что начальники, хотя вообще и очень уважаемые, не имеют однако никаких прав. Все свободные черкесы, богатые и бедные, равноправны и одинаково подчиняются постановлениям и решениям народных собраний.»(А.Фонвиль. Последний год войны Черкессии за независимость. 1863-1864гг. Краснодар, 1927,с.12-13).

Офицер С.Смоленский присутствовал на собраниях, которые проводил, замещая владетеля, его родной брат Константин Чачба (1859г.) и при этом отмечал: «Выслушав обе стороны, князь произносил свое решение, и наблюдение его при важных случаях поручал моураву деревни или одному из почетных дворян, близких к жительству тяжущихся. Таких остановок мы имели две, продолжавшихся более двух часов каждая. Но за потерю времени нас вознаградило зрелище судебных процессов по адату (обычаю), творившихся несколько столетий царями и владетелями Закавказья, чего впоследствии негде уже было увидеть. Последнее из бывших самостоятельных владений этого края, абхазское, в то время доживало свои последние дни. Тут мне еще в первый раз бросилась в глаза одна характеристическая особенность: жалобщик или ответчик... по приглашению князя садился обыкновенно против него на землю, и когда начинал говорить, то отыскивал руками около себя какую-нибудь тонкую палочку и во время объяснения обламывал ее, небольшими частями бросая на землю. Если не случилось близко такого прутика, то срывался стебелек травы и постепенно ощипывались с него листья или раздроблялся понемногу ствол. Почти тем же были заняты присутствовавшие слушатели, из числа окружающей свиты князя. Замечательно, что все народные сходки бывают на открытом воздухе, где

абхазцы никогда не говорят стоя, а сначала садятся на землю поджав ноги, или на приготовленных для того скамейках под деревьями, и затем начинают рассуждать о деле. Порядочные люди считают за неприличие говорить о чем-либо серьезном между собой, не усевшись».(49)

А вот что по данному поводу сообщает этнограф А.А.Миллер, бывавший в командировке в Абхазии (1907г.): «Неоднократно я наблюдал, как происходили сходы. Старики всегда садились на корточки кругом, князь или наиболее влиятельный дворянин – занимал скамью. Начинались совещания всегда в форме длинных речей, произносимых со всеми цветами красноречия и выразительной мимикой. Например, оратор, перечисляя добрые дела, гладит палочку, которую держит в руках; обращаясь потом к кражам и другим неприятностям, он ломает эту палочку и швыряет куски в конце каждого периода своей речи. Или, готовясь говорить, оратор выходит в круг и, бросив с силой палку на землю, начинает речь... Искусство говорить - очень высоко ценилось у абхазцев. Обычное право до сих пор сохраняет в быту свою силу. Старики, выборные судьи – судят на основании того, как в старину принято было поступать в аналогичных случаях. Иногда для консультации вызывают посторонних людей, знающих в подробностях какое-нибудь дело, сходное с разбираемым. Обвиняемый, защищаясь, прибегает к всяким хитростям и пользуется неотразимым для абхазцев обаянием красноречия. В случае разногласий в показаниях и упорства обвиняемого, суд может привести к присяге в кузнице, а в особо важных случаях – Илорском храме или на священной горе Дудрюпш».(50)

У Дыдрыпша клятва в конце XIX-нач. XX в. производилась следующим образом: «Во время независимости Абхазии, да и сейчас, когда разбирался и разбирается какой-либо спор по адатам, обычаям, единственным разбирателем правого и неправого в западной Абхазии был Дыдрыпш... После такого разбирательства ответчику дается право доказать свою невиновность клятвой в присутствии нескольких сопровождающих. Число последних зависит от самого дела. Если дело тяжелое, дают много сопровождающих, если нет – одного-двух людей. Саму клятву принимают так: верующий в Дыдрыпш абхаз со страхом и почитанием становится перед святыней. В двух пальцах держит маленькую палочку и клянется, что в этом деле у него нет вины, после чего он выбрасывает свою палочку».(51)

«Суд, - отмечает абазинский ученый Мухаммед Шенкао, - совершенный только членами рода, считался недействительным. Совершенное преступление можно было считать деянием и против своих сородичей,

ибо они несли за это такую ответственность, что и свершивший. Преступник наносил моральный и материальный ущерб своим родственникам».(52)

Турецкие юристы, которых абхазы иногда приглашали на разбирательство уголовных и гражданских дел в качестве наблюдателей, с удивлением констатировали, что многие элементы абхазского обычного права могли бы быть введены в «Гражданский и уголовный кодекс Турецкой Республики».(Дженгиз Абганба, Адиль Габлыа).

При примирении кровников, особенно, если это было случайное убийство, прибегали к следующему обряду, носившему название «анышэнтра асасра» – «гостевание у могилы»: «Все родственники убийцы вместе с ним, одетые в глубокий траур (после предварительных переговоров, но иногда и без них) во главе с почтенными старейшинами, приходили на могилу убитого, ведя с собою быка в траурной материи, со свечами на рогах. Старики трижды обходили могилу. Остальные, преклонив колени, застывали перед ней. Убийца заходил внутрь ограды и, обнимая могилу, ложился лицом к изголовью, или же, преклонив колени, стоял со своими близкими. После этого потерпевшие шли навстречу и между бывшими врагами устанавливался прочный мир».(53)

В 20-х годах XX в. в Гудаутском р-не на одной из свадеб в результате ссоры был убит один юноша. Убийца ушел в лес. Брат погибшего не оплакал покойника, а это значило, что он будет мстить. В дело вмешались старшие, правительство - ничего не помогло. В с. Дурипш жил известный оратор Тванба Осман, к нему лично обратился Нестор Лакоба с просьбой содействовать делу. Осман согласился, вначале через посредников он вышел на убийцу и спросил его, согласен ли он на примирение. Тот сказал, что согласен на любые условия, ибо жизнь абрека ему надоела. Осман в один день собрал всех старейшин и руководство Гудаутского уезда, взял с собой убийцу. Они все пришли к брату покойного, но перед тем, как войти во двор, Осман привязал убийцу к могильной ограде погибшего. Кладбище находилось недалеко от дома. Войдя в дом, снова повели разговор о примирении. Брат не шел ни на какие компромиссы. Тогда Осман в конце встал и сказал: - «Мы уходим, когда ты будешь провожать нас, то увидишь, что там, на могиле твоего брата, один человек. Что хочешь, то с ним и делай».

Все вышли во двор. Хозяин провожал их, по обычаю, за пределы усадьбы. Вдруг у могилы брата он увидел связанного убийцу, босого, в мгновение он остановился, но затем направился к могиле и развязал убийцу своего брата... Это значило, что отныне у них установился мир».(54)

Когда в 20-х годах для постройки корабля «Абхазия» потребовался лес, то от имени правительства Абхазии к Тванба Осману обратился Нестор Лакоба с просьбой добиться разрешения на вырубку нужного количества леса от Дурипшской общины. В то время лес принадлежал всему селу и только с разрешения Совета Старейшин можно было получить позволение пользоваться лесом. Ни министерства, ни правительство не имели доступа к народному богатству. Осман выступил на народном сходе с блестящей речью, где сумел убедить народ и Совет Старейшин дать разрешение выделить лес на постройку корабля «Абхазия».

В таких случаях всегда обращались к народной мудрости, где обычным зачином оратора были изречения: «Народ, да возьму я ваши невзгоды!»(именно так начал, на абхазском, свою речь Л. Троцкий на сходе в с. Мыку, весной 1924 года, чем очень поразил собравшихся(55), или «Народ, да сложу я свою голову взамен Вас!» «Вы, знающие число неисчислимых звезд на небе...», «Вы, знающие число песчинок на берегу моря и на морском дне...», «Вы, словом своим срашивающие кости у самой маленькой птички...», «Вы, умеющие примирить огонь и воду...»

Ниже мы приведем фрагмент речи, произнесенный при примирении двух родов и сохранившийся в памяти сказителей: «Я обращаюсь к вам, народ, знающий число бесчисленных песчинок на морском берегу. Как невозможно отделить ногти от тела и оторвать младенца в люльке от материнской груди, так же неразделимы для абхаза его честь и совесть. Тот, кто преступил решение, к которому единогласно пришел Великий народ – получает всеобщее презрение, остается один. Ставший изгоем у своего народа не допускается ни на празднества, ни на тризны, не попадет он и на тот свет. Его презренный призыв, если и появится на земле, то сама природа отвергнет его.

Швачаа, да падут все невзгоды ваши на меня! Род ваш испокон поколений всегда выделялся и отличался справедливостью и был во всем непритязателен. О достоинстве и благородстве вашего рода повсюду разносились только хорошие вести, никто и слухом не слыхивал, чтобы какое-либо пятно запятнало честь вашего рода! Дело, по которому мы сегодня собрались, не из простых. «Мудрый да будет твоим другом или врагом», - говорили наши отцы. Вы пользуетесь большим уважением и знаете, не по словам, где сокрыта истинная душа совести и традиций народа. Вы, да не преступите через слово народа и поэтому, зная цену его слов, явились сюда по первому зову народного гласа. Дад, именно народ с древнейших времен хранит наши обычаи, традиции, наш аламыс. То мнение, к чему пришло после тщательного взвешивания народ-

ное собрание; тот вопрос, который они разрешили, отнесясь с большим уважением к обеим сторонам – этот вопрос решен окончательно и в дальнейшем к нему не будет надобности возвращаться.

Роды Швачаа и Шарыкуа издревле были побратимами и во всех делах едины. Но, как говорят: «Как нет конца хорошему, так нет и конца плохому». И действительно, между вами случилась трагедия, всколыхнувшая весь народ. Сердце ваше изранено. Сегодня по вашему делу собрался народ и то, что Он решит, должно излечить ваши раны.

Вы все видите и слышите, что весь род Шарыкуа стоит здесь, покрытый с ног до головы, вплоть до оружия, трауром. Они доставили сюда породистого быка, без единой отметины, всего покрытого траурной материей. Достойные Швачаа, они пришли на могилу к вашему сыну и взамен крови берут на воспитание аталыка. Я, проживший долгую жизнь и стоящий на пороге смерти, уверен, что никто из вас не преступит народное решение. Знайте, если среди вас кто-либо из юношей сгоряча возьмется за оружие, то сегодняшнее решение народа и совесть абхаза дадут осечку его оружию...».(56)

Упомянутый выше автор, К.Чернышев, довольно хорошо изучивший быт абхазов середины прошлого столетия предоставляет следующий материал о примирении кровников: «Родовая месть развита в Абхазии как и между другими племенами; но в этой стране она имеет свои оттенки. Так, тотчас после убийства, родовая месть может быть остановлена вмешательством других фамилий, если они предложат в деле примирения свое посредничество. Тогда дело уже переходит на обсуждение народного суда. Народный суд составляется из избранных обеими сторонами судей, известных по своему красноречию, уму, беспристрастию и пользующихся добрым мнением народа. Эти народные судьи называются медиаторами, и самый суд медиаторским.

Все затруднение посредников состоит в том, чтобы убедить враждующие стороны в выборе медиаторов и согласить их в этом выборе, но когда это препятствие устранено и судьи избраны, тогда самое производство суда идет весьма быстро.

Обе враждующие стороны собираются в избранном судьями месте (большею частью на обширной поляне, около Соук-су – имения владетеля), располагаясь в противоположных углах и разделенные группой судей. На суд враждебные стороны являются невооруженными во избежание пролития крови в случае жарких споров. Медиаторы, находясь посредине, вызывают к себе первоначально со стороны обвинителей из-

бранного ими оратора, который обязан изложить подробно весь ход дела. Потом выслушивают обвиненных. Ораторы обязаны говорить громко, чтобы обе стороны могли слышать слова и делать потом возражения... Выслушав обе стороны, судьи удаляют из своего круга ораторов и остаются одни, разбирают все обстоятельства, касающиеся только настоящего дела и постановляют решение, которое объявляется судящимся чрез старейшего по летам медиатора. Объявление производится тем же порядком; но прежде старец-медиатор излагает вновь пред тяжущимися ход дела, объявляет, что нашли судьи достойным внимания и что не касающимся дела и спрашивает, не имеет ли какая-либо из сторон что-либо добавить, не упущено ли что-либо медиаторами из виду и когда получают в ответ, что тяжущиеся высказали все и не имеют ничего более прибавить, тогда медиатор-оратор излагает им мнение суда и его решение. Противу медиаторов нет апелляции; судом их прекращается право мести и дальнейший иск пред владетелем.

В случае разногласий мнений между медиаторами дело излагается одним из них пред владетелем, который уже решает их недоразумения. Тяжущимся это разногласие не объявляется и до решения дела все диспуты судей остаются тайною для тяжущихся».(57)

На народных сходах добивались прекращения вражды, связывая вчерашних врагов узами молочного братства (ашьапсахупха). При примирении кровников, в данном случае, народные судьи обращались к обеим сторонам по всем традиционным законам своих предков: «Присуждаем вам то же, что и присудили бы себе, если бы оказались в вашем положении! Внемлите закону народной мудрости – слово народа справедливо, оно врачует любую рану! Сильнее нет силы, чем материнское молоко: пуля не пробьет и одной капли его! Примите воспитание и примиритесь! И мы, весь народ, будем благодарны. Да сгинет отныне вражда между вами».(58)

Абхазы рассказывают в одном из этногенетических преданий, что, когда их стан должны были окружить враги, то по совету мудрой ведуньи весь лагерь был окроплен молоком молодых матерей-абхазок. На следующий день со всех сторон подошло огромное войско, но ни вражеская конница, ни их предводитель не осмелились перешагнуть через материнское молоко.

В связи с этим приведем один случай: «Это случилось в селе Лдзаа, в самом начале прошлого века. Живший на Северном Кавказе представитель рода Чады убил одного князя из рода Маршан и ушел в лес вместе с тремя братьями. Братья Маршаны также ушли в лес, в абреки,

покаявшись не возвращаться до тех пор, пока не отомстят за брата.

Кто знает, сколько воды утекло, но братья Чады вынуждены были покинуть Северный Кавказ и прийти, все четверо, в Бзыбскую Абхазию, в село Калдахуара. Как и все абреки, они были с ног до головы увешаны оружием. Братья спросили, кто из местных жителей пользуется наибольшим уважением.

Самым уважаемым и известным у нас является Гочуа Зафас из Лдзаа, он жрец святыни Анан Лдзаа-ных, во всех трудно разрешимых делах его слово имеет решающее значение. Ни один важный вопрос не решается без него.

Братья Чады направились во двор Зафаса: «Хозяин!» – окликнули они его, подойдя к широкому двору Зафаса.

- Добро пожаловать! – приветствовал их Зафас и вышел навстречу.

- По добру мы пришли или по иному делу, теперь мы твои гости и целиком находимся в твоих руках,- ответили братья и объяснили причину своего прихода.

Зафас принял и укрыл их. «Не волнуйтесь, раз вы поручили свои души мне»,- успокоил он братьев.

Кто знает, сколько прошло времени. Марщаны также пришли в Калдахуару и спросили: «Кто здесь, в округе, самый уважаемый?» Им ответили, что таковым, первым среди равных, является Гочуа Зафас. Их было шестеро, и все они были также увешаны оружием с ног до головы. Марщаны, придя в Лдзаа ко двору Зафаса, позвали его: «Хозяин! Хозяин! Где ты?» Зафас вышел им навстречу со словами: «Добро пожаловать!»

- По добру мы пришли или по иному делу, теперь мы твои гости! – ответили абреки и вошли в дом.

Старший из братьев встал и рассказал хозяину, кого они ищут, что Чадьевцы, вероятно, скрываются в Бзыбской Абхазии. Если ты знаешь, где они, а кроме тебя никто не может узнать, мы твои гости, не откажи нам,- сказали они и преклонили перед Зафасом колени.

- Я даю вам срок десять дней, приходите ко мне по истечении этого времени, тогда посмотрим, а до этого ищите своих врагов,- ответил он Марщанам и отпустил их обратно.

Когда Мащаны ушли, хозяин пришел к скрывавшимся у него абре-

кам и спросил: «Как мне быть, вы слышали, что они сказали, как, вы думаете, я должен поступить?»

- Ты волен поступить с нами, как желаешь, хочешь – погуби, хочешь – сохрани,- ответили они.

- Хорошо,- сказал Зафас и направился к жене,- как ты думаешь, что мне делать? Ты ведь слышала мнение Марщанов и то, что сказали братья Чады,- спросил он ее.

- Хайт! И это ты меня спрашиваешь? Ведь в любом деле твое слово имеет решающее значение, вначале ты скажи свое слово, потом я отвечу тебе, что думаю.

- В таком случае ты сможешь сделать то, о чем я тебя попрошу?

- Я вышла замуж за тебя по своей воле, ты мой супруг, и я сделаю все возможное, чтобы помочь тебе в том, что ты задумал,- ответила супруга Зафаса.

- Если так, то ты сможешь встретить Марщанов, когда они войдут к нам во двор, с открытой грудью? – вновь спросил Зафас жену.

- Как я могу пожалеть свою грудь, если она спасет людей? – ответила та.

Зафас оседлал коня, и объехав окрестности, пригласил к себе шесть самых почетных стариков, шесть женщин, пользовавшихся наибольшим уважением, шесть девушек и шесть самых видных юношей. На десятый день Зафас одел братьев Чады с ног до головы в траурные одежды. Посреди широкого двора он поставил скамью и усадил на нее свою жену с открытой грудью, которую та прикрыла шелковой косынкой. Справа от нее поставил в ряд троих женщин, троих стариков и троих девушек, с левой стороны он расположил остальных также. У ворот он поставил с обеих сторон по трое юношей. Братьев Чады он поставил за спиной жены, сидевшей с открытой грудью.

В это время увешанные оружием Марщаны подошли к воротам хозяина. Зафас стремительно направился им навстречу.

- Добро пожаловать, если хотите, смешайте кровь с молоком, - сказав это, он немного отошел назад и преклонил колено.

На мгновение Марщаны застыли, не зная, что делать. Затем все стоящие воскликнули хором: «Подходите, подходите, не смешивайте кровь с молоком!»

Затем все братья Марщаны сложили оружие, и самый младший брат убитого подошел к жене Зафаса и, став на колени, прикоснулся к ее груди. Остальные Марщаны подошли и со словами: «Ты наша мать!», подняли ее.

Брат убитого подошел к братьям Чады и обнял их. Вокруг раздались рыдания.

Зафас устроил пир. На нем Марщаны попросили, чтобы все вместе отправились в Ашвы – на Северный Кавказ. Все согласилось. Марщаны заранее отправили людей, чтобы предупредить о том, что произошло.

Когда до Марщанов, живших в Ашвы, дошла весть о случившемся, то вначале раздалось рыдания, плач и стенания, но в конце концов, что им оставалось делать, они с почетом встретили гостей и устроили торжественный пир. Со словами: «Ты наша мать!», жене Зафаса подарили великолепного коня с седлом. Сына убитого Марщана братья Чады взяли на воспитание. В конце Зафас попросил слова.

- Я вас прошу, Марщаны. Совершивший убийство Чады пусть поедет со мной в Апсны, отпустите его со мной.

Марщаны согласились. Зафас, вместе с Чады возвратился в Бзыбскую Абхазию.

Говорят, что род Чады в Бзыбской Абхазии ведет свое происхождение от этого юноши». (Со слов Мирода Гуажба, из личного архива автора).

В случае похищения имущества или развода приносили взаимную клятву. Вот примеры из жизни чеченцев и абхазов: клятва чеченцев на могиле предков: «Хозяин похищенного имущества, приготовив предварительно брагу и зарезав барана, приглашал подозреваемого со всеми родственниками к себе в дом и, угостив на славу, отправлялся затем с ними на свой фамильный каш (могилы – А.Г.). Его сопровождали вооруженные родственники. По прибытии обеих сторон на могилу, подозреваемый вешал на спину свою дау (адауырта, адаура - у абхазов – судное место, суд – А.Г.), корзину, сплетенную из хвороста.

Затем на шею обвинителя надевали веревку и три раза обводили его вокруг каша. При этом подозреваемый говорил: «Да будете вы, солнце и луна и такой-то (произносится имя почтеннейшего человека из живых на этом свете), а на том такой-то (имя наиболее уважаемого из мертвых), свидетелями. Это ты (обращается к подозреваемому) приносишь мне присягу в незнании и неведении о случившейся у меня краже.

Если ты совершил кражу и принимаешь ложную присягу, то да перенесутся на наших родственников, покоящихся в этом каше все те поминки, какие ты и твои родственники делали для своих покойников».(59)

«Обычай, наблюдавшийся в Абхазии в случае развода между несогласными супругами: особенности этого обычая состоят в том, что кроме исполнения того договора, который был постановлен при заключении брака, разводимые должны были в особом собрании местного народа, на котором должны были присутствовать родители или родственники обеих сторон, произнести еще клятву приблизительно подобного содержания: «Клянусь, что если при таких обстоятельствах и условиях, как настоящие, разводились бы моя сестра или дочь, то я не признал бы себя оскорбленным». Подобную клятву произносила и другая заинтересованная сторона. По заявлению г.Проценко г.Бошич не встречал подобной клятвы ни у одного из европейских племен и признавал за ними высокогуманное значение».(60)

У абхазов было специальное божество Джикер-салат-ах-ду, божество, направляющее мысли человека. А.Н.Введенский так описывает в 1871г. этот ритуал: «Джикер-салат-ах-ду – Направляющий мысли человека. Ему молятся один раз в год, как мужчины, так и женщины, какого бы возраста они не были; за слишком маленьких жертву приносят их родители. Моления и жертвоприношения совершаются по четвергам (только во время постов великого и спасовского) и непременно под открытым небом, а огню не в доме. Каждый из жителей заранее заботится о приготовлении жертвы Джикер-салату, для чего выбирают между цыплятами курочку и надрезают ей гребешок. Как только эта операция сделана, курочка считается посвященной Джикер-салату и не может быть ранее употреблена в пищу. Когда цыпленок достаточно подрастет, его режут и варят без соли и перцу; к нему прибавляют четыре маленьких четырехугольных хлебца из пшеничной муки и все яства складываются в чашку. Молящийся берет жертву и черепок с угольями и выходит из дому так, чтобы его не видел никто. Бросив на ладан уголья, он обращается к Джикер-салату со следующей молитвой: «Джикер-салат-ах-ду! Ты, который управляешь разумом человеческим, просвети ум мой светом твоим, остереги меня от всех необдуманных поступков и научи меня жить со всеми в согласии». После этого молящийся, бросив кусок курицы и хлеба на уголья, с остальной жертвой возвращается в дом и предлагает закусить своему семейству и гостям. Если молящийся дурного характера, то никто, не только из посторонних, но и людей самых близких ему, не прикоснется к жертве, принесенной им Джикер-салату».(61)

Умению вести речь, обращаться по достоинству со старшими, младшими и ровесниками, не переступать недозволенную грань, абхазов учили с самого раннего детства. В одной из «начальных» школ было застолье, когда отрок, стоя, не смея садиться в присутствии старших, ухаживал за гостями и выпитывал в себя первые навыки ораторского искусства. Существовали специальные, сложные детские упражнения по языку, целью которых было развить в ребенке умение правильно строить свою речь. «Но лучшим местом для воспитания молодого поколения, - как подчеркивают очевидцы, - является гласный народный суд под тенью какого-нибудь огромного ветвистого дерева, вроде дуба, чинара или липы.

Положим, какой-либо князь отсутствует, а дело его разбирается на сельском суде. Тогда княгине сообщают, что дело ее мужа принимает дурной оборот на суде. Она немедленно приказывает оседлать лошадей и в сопровождении нескольких человек является к тому месту, где происходит разбор дела. Судьи сидят и о чем-то глубокомысленно раздумывают. Истцы и ответчики стоят, опираясь на посохи. Свидетели стоят, не только слушают, но и при каждом обращении к ним со стороны ответчиков дают лаконические ответы – да или нет, а иногда передают подробно обстоятельства дела. Народ слушает со вниманием. После краткого совещания один из судей является к народу и, повторив дословно (удивительная память) все сказанное истцом, ответчиком или выставленными ими свидетелями, объявляет решение. Эти судьи отлично знают решение дела даже по истечении многих лет, не прибегая ни к каким письменным документам.

Наша княгиня успевае явиться до решения дела ее мужа. Народ и судья, завидев издали княгиню, все сразу поднимаются со своих мест и, поздоровавшись с ней, просят ее занять подобающее ей приличное место.

После разных вопросов о здоровье, о разных новостях, княгиня переходит к делу и просит внимания судей и народа. Сначала в самых нежных и утонченных выражениях она выставляет достоинство судей и их беспристрастие, потом, жалея, что ее мужу по разным обстоятельствам не приходится говорить самому о своих делах, наконец, просит разрешения сказать слово в пользу его. Водворяется общее молчание. Выпрямившись во весь рост, княгиня старается наэлектризовать публику и судей и осторожно рассыпать похвалы направо и налево. Когда она замечает в народе сочувствие к себе, и судьи не смотрят в землю, что было бы для нее дурным предзнаменованием, то княгиня незаметно переходит к своему делу, давая возможность говорить и противной стороне. Она представляет разные доказательства, разные доводы и ссылает-

ся на свидетеля. Она знает, как говорить, не забывает ни одной мельчайшей подробности в защиту своего интереса и то и дело обращается с вопросами к свидетелям и народу: «Так ли я говорю, друзья?» «Так-так»,- отвечают свидетели. «Правду ли я говорю, друзья?». «Правду говорите, правду»,- отвечает народ с новой силой. Судьи недолго совещаются и под влиянием страстной и убедительной речи княгини выносят решение в ее пользу».(62)

Ораторы, чтобы овладеть аудиторией, использовали зачастую неожиданные приемы, отражавшие богатый народный опыт, демонстрировали прекрасное знание народной философии и мифологии. Приведем пример: Гуажба Мирод должен был выступить с речью перед жителями одного абхазского села в Турецкой Республике. По своим воззрениям он являлся носителем изначальной абхазской религии, но, когда его спросили, как в Абхазии относятся к религии, он ответил: «Народ, да сложу я свою голову взамен Вас! Я – представитель сословия анхаю и мне приятно видеть, что в вашем селе такой хозяйственный народ. Здесь меня кто-то спросил, правда ли, что в Апсны неоднозначное отношение к мусульманству. Я хочу сказать, что это неправильно. Мы, абхазы, веруем в бога более вас. В подтверждение этого расскажу вам вот что: пророк Мухаммед отправил в Абхазию троих посланников для того, чтобы абхазы приняли ислам. Когда представители пророка прибыли в Апсны, абхазы встретили гостей с великими почестями, ежедневно в разных местах в честь них устраивали пиры и зрелища. И лишь по истечении недельного срока старший из абхазов обратился к гостям: «Дад, дорогие гости, вы прибыли издалека, наверное, вы хотите о чем-то спросить нас?» «Нет, нет, нам не о чем спрашивать», - ответили гости. Но, когда старший из абхазов снова вежливо попросил гостей ответить, то самый старший из них сказал: «Действительно, правда, нас сюда прислал пророк Мухаммед. Но нам здесь делать нечего. Настолько выше нас вы относитесь к Всевышнему. Мы пять раз в день молимся ему, а вы молитесь Богу сто раз в день. И еще многому другому нам следовало бы поучиться у вас». Это - во-первых.

Во-вторых. Абхазы, потомки нартов, в свою очередь отправились проведать и повидать пророка Мухаммеда, которому его посланники уже рассказали об абхазах и их традициях. Пророк с большим почетом принял гостей, окружил их почетом и вниманием. Когда пришел срок возвращаться, Мухаммед обратился к абхазам: «Я хочу сделать столь достойным людям от себя небольшой подарок. Хочу подарить вам на память мой молитвенный коврик, пусть он напоминает вам обо мне».

Делегация, прибыв в Апсны, вручила дар пророка царю абхазов. Коврик был изготовлен из нежнейшего каракуля. Царь повесил его на самом видном месте. Ровно через год он вызвал мудрого старца и спросил, как поступить с этим подарком. Старец ответил: «Чтобы абхазы вечно помнили о даре Мухаммеда, надо изготовить из него головной убор». Лучшая мастерица в Абхазии изготовила из молитвенного коврика две папахы. Царь Абхазии торжественно вручил первую папаху старцу, а вторую одел сам. «И вот, смотрите, - и с этими словами Мирод снял со своей головы папаху, - кто из нас более мусульмане, вы, живущие в Турции или те, которые проживают на родине – в Апсны...» Собравшиеся радостными улыбками и аплодисментами приветствовали оратора. (Из личного архива автора).

В Апсны издревле существовали ораторские школы, это были Академии абхазской словесности в тени вековых деревьев, где ученики обучались ораторству у наиболее искусных мастеров слова. Всеабхазские форумы ораторов происходили на древней Лыхненской поляне (Лыхнашта) в тени священной липы. Часто устраивались состязания острословов – «бызла еикудырпон», где требовалась находчивость и острота ума. На свадьбах, скачках и других торжествах проводились соревнования «мастеров смеха», «Асамаркулхэара»: наиболее известные острословы садились полукругом, вокруг собирался народ. Старший, обратившись с приветствием к народу, произносил в самой изысканной и вежливой форме следующие слова: «Сейчас начнется состязание, мы будем шутить, но очень просим всех собравшихся ни в коей мере не воспринимать все буквально, ибо все это юмор, асамаркул. Еще раз просим всех ни на что не обижаться». С таким же обращением выступают еще несколько человек и затем перед собравшимися «оживают несколько Ходжей Насреддинов».

К.Мачавариани в нач.ХХ в. отмечал: «Особенным влиянием (у абхазов – А.Г.) пользуются также песни и танцы в хоровых плясках, когда на обширной площади собирается молодежь из разных сел и когда село выставляет своего поэта на состязание. Эти певцы не встречают никакой трудности в облачении своих мыслей в поэтическую форму и в течение целого дня и целой ночи, в особенности, когда они являются на грандиозное собрание для указанного выше состязания, в обширном хороводе стоят поэты с 2-х противоположных сторон и поэзия льется широкой волной».(63)

Меткое слово народного поэта, сказанное в нужный критический момент зачастую достигало той цели, которая предназначена ей ее ис-

полнителем. Т.Лапинский в течение трех лет принимавший самое активное участие на стороне горцев Западного Кавказа в боях за независимость, на страницах своей замечательной книги вспоминает: «По этому поводу я должен упомянуть об абазских бардах. Этим патриархальных певцов уважают и боятся. Каждый хороший или плохой поступок, храбрость или трусость, корыстолюбие и самопожертвование, гостеприимство и скупость, красота и любовь, так же, как и легкие нравы, находят своих панегиристов или беспощадных сатириков. Ими воспеваются старые сказания, геройские поступки и подвиги, различные чудесные истории. Я видел весной 1857 года во время сильной перестрелки на реке Адагум, как один такой бард влез на дерево, оттуда он далеко раздающимся голосом воспевал храбрых, и называл по именам боязливых. Адыг больше всего боится быть названным трусом в национальных песнях – в этом случае он погиб: ни одна девушка не захочет быть его женой, ни один человек не подаст ему руки, он становится посмешищем в стране. Присутствие популярного барда во время битвы – лучшее побуждение для молодых людей показать свою храбрость».(64)

А вот аналогичное свидетельство одного из самых известных просветителей Северного Кавказа второй половины XIX века, абазина Адиль-Гирея Кеш: «Как велико было возбуждающее влияние родной песни на впечатлительные натуры черкесов можно видеть из следующего рассказа, относящегося ко времени первого столкновения кавказских горцев с русским оружием. Около тысячи отборных кабардинских всадников, возвращаясь из удачного похода на одно из приграничных русских поселений, были настигнуты превосходными силами неприятеля. Преследуемые по пятам, осыпаемые картечью и ракетами, они малопомалу пришли в расстройство, начали бросать захваченную добычу и спасаться в одиночку. В эту минуту всеобщего смятения, когда ни увещания, ни угрозы влиятельнейших предводителей не могли восстановить порядка в упавшей духом партии, бывшему в отряде гегуако (певцу) пришла счастливая мысль – встать ногами в седло и пропеть своим притчем песенников известную песню «Кашка-тау», описывающую битву кабардинцев с крымцами. Голос певца, напомнив об одном из эпизодов героической борьбы предков с иноплемениками, мгновенно наэлектризовал партию наездников. Точно по команде военачальника, она тотчас собралась в кучу, сложила еще оставшуюся у нее добычу и, смывши дружным натиском нападавшего противника, отбила у него охоту к дальнейшему преследованию».(65)

Когда в прошлом (XIX в.) наступил трагический момент в судьбе абхазского народа и оставались считанные дни до вынужденного пере-

селения – изгнания, абхазы собрались на обширной Лыхненской площади. Отдельно стояли конные, а напротив них – пешие воины. Между ними из конца в конец ходил старец, беспрестанно речитативом напевая следующие слова, воодушевляя воинов в эти тяжелые минуты перед расставанием с Родиной:

«Если ты абхаз, должен быть абхазом!
Если ты абхаз, то обязан сердцем болеть за Родину
Сотворивший нас, абхазов – озари наше сердце светом и
Надеждой!
Дай нам взаимной радости и веселья!
Наш отцовский двор – Апсны!
Это вскормившая нас материнская колыбель!
Как наши враги смеют посягнуть на нее!
Силой нас разъединяют, но мы едины,
Но мы должны добиваться быть неразделимыми.
Создатель, сотворивший нас, определил нам
Быть вместе и всегда находить друг друга.
Огненной рубашкой будешь одета на мне Апсны!
Я ни слова не скажу, вынесу все.
Пусть твой неугасимый огонь укрепляет мою решимость,
Нет, нет! Мои надежды не рухнут
И однажды мы встретимся, Апсны!»

(Подстрочный перевод. Со слов Званба Азиза, 80 лет и Габлыиа Адиля, 68 лет).

У абхазов и абазин во время похода впереди войска всегда следовал исполнитель мелодий на апхярце, который воодушевлял воинов игрой на этом древнем инструменте. И, как правильно отмечает М.Шенкао «апхярца первоначально означала не музыкальный инструмент, а скорее всего самого человека – аэда, обслуживающего военный гуып (отряд – А.Г.) и переводился «апхярца»: «вперед идущий» в бой, на труд, на подвиг, т.е. первый выразитель дум и чаяний народа».(66)

Немецкий поэт Фридрих Боденштедт в своем труде, посвященном Кавказу, говоря об ораторстве горцев, отмечает: «Несмотря на то, что среди убыхов мало людей знакомых с искусством письма и чтения, их ораторы весьма красноречивы. Мы часто бывали свидетелями бесед между русскими и черкесами, и свое слово вооруженные мужчины из племени адыге произносили так вдохновенно, что часы протекали как минуты.

Когда смотришь на этих людей и слушаешь страстный тон их выражений, то невольно сравниваешь их с героями Гомера, лишь русские пленные, в серой рваной одежде, каждый раз препятствовали нежданному волшебству Трои и Илиады».(67)

Ораторские способности, умение вести себя, правильная организация народных собраний изумляли многих, имевших непосредственный контакт с абхазами. Прекрасный знаток абхазского быта К.Д.Мачавариани по этому поводу пишет: «Речь оратора-абхазца увлекательна и до того обстоятельна, что порой и убежденные сединой старики заслушиваются ею. Кто в совершенстве владеет абхазским языком, тот пользуется сильным оружием, чтобы проникнуть во все изгибы души, во все уголки сердца. Как я сказал выше, народный гласный суд, к которому допускаются жители обою пола не разбирая возраста, создает среди абхазцев ораторов выдающихся. Правда, иная речь начинается с Адама или Одиссея, но она всегда бывает интересна, что волей-неволей хочется дослушать ее.

Послушайте речь абхазца, со всех сторон окруженного многочисленным миром, решающим семейные, общественные, сословные и другие дела по обычаю страны. Слушая даже обыкновенного оратора или поэта, вы не знаете, чему удивляться – логической ли его последовательности или счастливому сплетению разнообразных по силе слов и выражений. Бесконечная речь его, основанная на законах здравого смысла, несется неудержимо. В бесконечных сравнениях, фигуральным образом и в чудных аккордах слышатся глубокие истины, практически годная житейская мудрость, завещанная предками и проверенная опытом собственной жизни.

Часто одно слово, даже звук абхазского языка соответствует 5-6 словам другого языка. Удивительно, что не только одни слова, но и даже слоги или один звук в абхазском языке выражают полное понятие. Есть такие слова и выражения, которые решительно непередаваемы на другие языки».(68)

(х). В Бзыбской Абхазии в прошлом веке по самым запутанным делам приходили за советами к двум известным в то время женщинам: Хагуш Нине и Гуаж Ханым, бывшими уже в преклонном возрасте; но несмотря на свои года, всегда дававшими старейшинам правильное разрешение вопросов в самых запутанных и сложных делах. Недаром богиней мудрости у абхазов была Атана, и по сей день говорят: «Мудра, как Атана».

«В мое время, - вспоминал в 70-х годах XX в. 108-летний Уарган Бигуаа из с. Мыку, - среди абжуйцев равного Кягуа Киут оратора я не встречал. Перед тем, как выступить он, резко вонзив алабашу в землю, сняв с головы черный башлык, искусно повязанный и распущенный кистями вниз, надев его на алабашу, опускал руки на башлык; иногда одной рукой он держался за рукоятку кинжала, а другой за ножны. Затем, подняв голову, внимательно осматривал собравшихся. Наступало молчание». «Народ, да сложу я свою голову вместо Вас!» - начинал он речь звонким и чистым голосом. Затем, понизив голос, продолжал речь, не спеша и логично развивая ее. Для того, чтобы дать отдохнуть несколько уставшей аудитории, он вставлял в речь какой-нибудь веселый эпизод или притчу. Однажды, когда Кягуа Киут вел острый спор с начальством, ему захотелось курить, тогда он не спеша вытащил из кисета табак, взял трубку, набил ее табаком, затем взял кремень, огниво и трут, высек огонь, разжег трубку и закурил. При этом речь его не прерывалась и звучала логично и образно».(69)

С.Чанба в 1915 г. в своей полемичной статье отмечал: «Я, пишущий эти строки, не раз поражался на сельских сходах, с каким тактом и практичностью решались абхазцами общественные вопросы. Почетные лица засядут чинно под сенью какого-нибудь развесистого дерева, и тут же нет места шуму. Они спокойно, с вниманием, выслушивают каждого из говорящих. При этом еще более поражает их умением говорить, держать себя. Мы, именующие себя интеллигентами, привыкли мыслить и говорить книжно; и прежде, чем говорить речь на собраниях, нужно предварительно подготовиться, составить речь на бумаге или хотя бы краткий отчет и тогда выступать! Там не то! Они привыкли всю свою жизнь мыслить, так сказать устно и потому при первой необходимости, не запинаясь, будут стройно излагать свою мысль и держать речь перед обществом, облекая при этом свои мысли в художественные образы, украшая свою речь всевозможными сравнениями и эпитетами так, что, зная язык, невольно заслушаешься».(70)

Чуть позднее, в 1923 г., объездившая весь Кавказ, в том числе и Апсны, журналистка З.Рихтер отмечала: «Но никогда мне не приходилось присутствовать на таком сдержанном, я бы сказала, культурном собрании. Абхаз выслушивает оратора – не перебивая его ни шумом, ни возгласом, в классической бессознательно-величавой позе, опираясь на высокий посох или винтовку, Противнику дают высказаться до конца, а возражают с изысканной корректностью, которой мог бы позавидовать любой лорд. Они очень солидарны и дисциплинированы, все вопросы решают необычайно быстро»(71). Словом, как в древнекитайском изречении: «Умеющий говорить не допускает ошибок» – (Лао Цзы).(72)

Академик Н.Я.Март, говоря об абхазском языке, подчеркивал, что «абхазский язык лингвистически стоит на одной из самых высоких ступеней развития человеческой речи».(73) «Слово лечит», – говорят абхазы. Ораторскому искусству их не стыдно было бы поучиться и многим цивилизованным народам, вернее тем, кто считает себя цивилизованными. Столетняя Кец-пха Елыф в 1877 году попавшая в Турцию в результате геноцида абхазов Российской империей, а оттуда волею судьбы в греческую Македонию, рассказывала такой случай: «В Апсны, в роду Бейгуаа, старшим считался Бейгуаа Куагина. Он был известным оратором. Вогнав алабашу в землю и повесив на нее башлык, он мог говорить часами и не повторяться, никто не мог с ним сравниться в ораторском искусстве. Однажды ахчипсоуцы и абжуйцы поспорили, кто может перебить его. Куагина произносил речь. В конце оратор из Ахчипсоу, будто намереваясь взять у него слово, вонзил острый наконечник алабашки в ногу Куагины. Но тот спокойно продолжал речь, словно ничего не случилось. Окончив слово, он повернулся к оратору из Ахчипсоу: «Ах, это ты! Даже ваш владетель не остановил бы мою речь! И этот посох ты вонзил не в то место, вынь его». Ахчипсовец выдернул посох из раны. Затем Куагина снова обратился к нему:

« Будет лучше, если тот, кто подстрекнул тебя на это, явится ко мне». Затем он снова продолжил свою речь».(74)

У абхазов до сегодняшнего дня дожил «язык алабашки» - «язык посоха», при помощи которого старики могли выражать «целые семантические фразы». В одном из героических преданий известный воин, охотник Маршан Хаюа, соскочив с коня и вонзив в землю алабашу, обращается к ней: "Неоднократно ты была для меня братом, я от тебя видел много добра, и теперь обращаюсь к тебе за советом. Я отпущу тебя, и ты укажешь, к кому мне направиться», - он долго говорил с алабашей, как с близким человеком и, когда отпустил ее, алабаша повернулась и указала на врата Швых Махцырба.

Дальский житель Лымхащ Асланыкуа, всю жизнь проводивший в горах со стадом, на досуге вбивал алабашу в землю, напротив клал вынутое их чехла ружье. Затем, представив себе, что это живые люди и между ними кровь, «разбирал дело и примирял враждующих»... Таким способом он достиг ораторского совершенства и в дальнейшем примирил владетельский дом Чачба и дальских Маршан, когда самые опытные медиаторы и судьи оказались не в силах что-либо предпринять.

Без слов, «языком алабашки», примиряли враждующих... Алабаша, острым концом вбитая в землю, символизировала центр мироздания.

Офицер Кавказской армии В.Скарятин, ознакомившись с бытом народов, проживающих на восточном берегу Черного моря, подметил, что близкородственные абхазам «убыхи, шапсуги и натухайцы... замечательны своим красноречием, остроумием и находчивостью в ответах.

Слушая их, как будто читаешь страницу «Илиады», присутствуешь при переговорах воинов и греческих вождей, осаждавших Трои».(75)

Далее мы приведем один характерный эпизод, описанный им же: «В другой раз несколько стариков враждебного нам племени, жившего вокруг укрепления, пришли на квартиру его начальника и, усевшись на диван, молчали. Прошло полчаса, а начальник тщетно ожидал, чтобы старшины объявили причину своего посещения.

Выведенный, наконец, из терпения упорным молчанием своих гостей, он сказал им:

- Зачем вы пришли? Что же вы молчите? Почему не объявите причину вашего прихода ко мне?

- У нас есть обычай, - возразил один из старших, - по которому, когда гость приходит в дом хозяина, то он и объявляет о причине своего прихода. Мы здесь хозяева с тех пор, как Бог дал нам эту землю, а вы – гости, пришедшие недавно. Стало быть, и начать говорить следует тебе, а не нам.(76)

Когда императрица Екатерина начала вмешиваться во внутренние дела кабардинцев и прислала богатые дары знати, то собрался Кабардинский военный совет, на котором выступил князь Хамырзыко. Он сказал: «Я думаю, что мы все верим в справедливость и полагаемся на нее. Основная цель русских – заманить нас любезными словами и соблазнить ценными подарками, блестящими наградами и высокими званиями. А затем они приберут к рукам нашу любимую Родину. Я прошу Бога защитить нас и не дать никому из нас соблазниться русскими подарками и подкупам. Пусть он (Бог) помешает нам взять нечистые деньги и продать свою страну. Мы должны показать пример последующим поколениям, совершив дела, достойные подражания». Сказав это, он взял все русские подарки, среди которых было золото, алмазы, украшения и деньги и бросил их в реку Баксан. Народ одобрил его поступок и приветствовал его громкими аплодисментами и криками: «Это поступок достойного человека, продиктованный его чистой совестью». (Хавжоко Шаукат Муфти. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик, 1994, с.133-134.)

В 1861 г. депутаты от западнокавказских народов отправились на реку Фарс, где осенью 1861 г. произошла встреча с царем Александром II, который, выдвинул условие горцам, «или переселиться на Кубань», где им будут выделены земли, или, оставив Западный Кавказ и Черноморское побережье, «переселиться в Турцию. В свите царя был переводчиком абазинский князь Мамат-Гирей Лоо(Ачба). «Это был самый заметный человек во всей царской свите».

От имени народа перед царем выступил Тлише Шуцежуко Цейко, «высокий сухой старик, с небольшой седой бородкой, с суровым мужественным лицом». Цейко был известен как выдающийся оратор, который никогда ничего не боялся, всегда открыто говорил, что думал. Его речь записал С.Сиюхов в 1914 г. со слов очевидца Магомчери Магометовича Азаматова-Бгуашева. Приведем этот очень интересный документ народной мудрости и мужества: «Русский царь нам сказал, что он должен был сказать по своему долгу, его я не осуждаю, но мои слова не совпадут с его желанием. Народ рождается как отдельный человек, он развивается, стареет и умирает. Самый большой век человека 100 лет, а народ живет тысячелетия. Нет ничего вечного под солнцем. Русскому царю понравился Кавказ, и вот он уже 60 лет ведет войну за его покорение. Но и нам любя и дорога наша Родина-мать, и мы, не жалея жизней, защищаем и отстаиваем ее. Мы должны дать ответ своим предкам и Богу за это священное дело. Нас никто не упрекает, что мы щадим себя. Нет, мы обильно проливаем свою кровь и кладем свои головы. Мы гибнем, но лучше гибель, чем рабство. Русский царь обещает нам неприкосновенность наших адатов и нашей религии. Но разве это возможно! Бросьте горсть соли в кадку воды и посмотрите, что случится с солью, она растворится. Маленький народ, покоренный большим народом, должен раствориться в нем. С окончанием нашей свободы, окончится и наша самобытность, иначе и быть не может. Мы храбро и беззаветно должны продолжать войну. Бог не в силе, а в правде. Будем биться до конца. Если погибнем за родину, за народ, за веру, то позора нам не будет. Может Кавказ будет русским, но черкесы не будут рабами русского царя, пока в их жилах течет кровь.

Русский царь называет себя нашим доброжелателем... как это странно, наш «доброжелатель» 60 лет безжалостно проливает нашу кровь. Нет, Кавказ будет или нашей любимой колыбелью, или нашей могилой, но живым мы его не отдадим. Лучше гибель, чем рабская жизнь. Не опозорим воинской славы наших предков и не забудем первойшей заповеди: «Будь Героем, или умри!». Считается неприличным в лицо говорить горькую истину, но не могу не сказать, что русский царь нам вовсе

не друг, а исконный и непримиримый враг и кровник. И напрасно он нас призывает к покорности. Сильные духом умирают, но не покоряются. Но, если и слабые духом, как Хаджемуко Хаджи, и покоряются, то это не опозорит лучшей героической части черкесского народа. Смерть нашим врагам – завоевателям! Да живет и развивается священная война – Газават! Слава героям!»

Старец и замолк. Несколько человек из ближайших рядов крикнуло: «Правда!» Это слово подхватили сотни и тысячи голосов, и скоро все поле огласилось грозным устрашающим кличем. Царь испуганно озирался вокруг, окружающая его свита волновалась, опасаясь ярости народа.

Но Шуцежуко Цейко сделал рукой знак, и постепенно все утихло. Тогда Цейко сказал: «Царь, в настоящее время ты наш гость, а гость – священная особа, и пусть никто не подумает, что абадзехи способны нарушить долг гостеприимства. Пусть народ расходится и ждет указания своих уполномоченных». Царь попрощался и уехал, народ стал готовиться к войне...». (77)

Если наступала военная угроза, то народ обсуждал эти дела сообща, причем на такие сходы собирались исключительно мужчины. Очевидцы рассказывают такой случай: в 1914 году, когда разразилась первая мировая война, то во всех абхазских общинах были проведены народные собрания.

В то время абхазское население считалось «виновным населением» за активное участие в антиколониальной борьбе против царизма, и абхазов не брали в армию. Решался вопрос о том, что раз грянула война, то абхазы должны идти добровольцами на фронт. В село Кутол прибыл царский чиновник с переводчиком, перед тем, как выступить, чиновник встал на колени перед народом с просьбой оказать помощь России и выставить добровольцев, но его сразу подняли, сказав при этом, что не подобает мужчине стоять на коленях, с народом надо говорить стоя. Чиновник выступил, речь его перевели на абхазский. В своей речи он обрисовал Международное положение, военный потенциал противника и от имени государя попросил абхазский народ оказать помощь... После этого началась запись добровольцев... (Со слов Тараша Джинджал записал Езуг Габелиа, 1976 г.).

Симон Басариа (Махаид Апсуа) будучи активным участником и свидетелем бурных событий 1917-1918 гг. в Абхазии вспоминал: «Надо было слышать в 1918 г. в разгар меньшевистского владычества дискуссию, с

одной стороны, видных ораторов соц.-дем. Грузии, с другой стороны, простых крестьян-абхазов: Гедлачи, Кобзачи и пр. ораторы народной совести, правды и гнева в защите народных прав самостоятельности, в освещении традиционной любви к свободе, в указании заведомого безумия со стороны одной нации, только уже освободившейся из-под ига, загнать под это иго другую маленькую нацию. Надобно было видеть позы крестьянина-абхаза, возражающего и защищающего высшие идеалы человеческого права. Он слегка опирается на рукоятку кинжала (обычное явление) или небрежно складывает руки на палку к левому или правому плечу, корпус свой несколько клонит к земле; сам смотрит то на землю, то на оппонента, то на народ, то в даль, в леса и горы; его равнодушное лицо и вся эта небрежная, не ораторская поза, как бы говорит – мне ли, отпрыску тех сильных мужей, тех свидетелей седой старины, тех защитников народной воли от венецианской ловкости, турецкой грубости, арабской мудрости, римского красноречия, византийской философии – говорить с вами, играющими в империализм, мечтающими о подчинении «под ноги» соседней нации, а потому ли мне слушать ваше языкоблудие о равенстве, священных правах каждой нации, о святости ее культуры, языка, территории. И лилась из уст этого выразителя народной идеологии сильная, красивая струя красноречия, - такая очаровательная, нескончаемая, несравненная в настойчивости, как горная, кристальная речка, разрушающая утесы – преградителей к широкому морю, ясному солнцу. Горная струя страшной занозой входит в расщелины камня и отламывает его неуклюжие бока; оратор-старик мудрым абхазским наречием вроде «мозги, выдумавшие порабощение одной нации другой, должны быть выкинуты из головы»; или «рот, произнесший эту скверную мысль – нужно ополоснуть»; или «только рабская душа, освобожденная из-под гнета, сама гнетет» и пр. выражения – поражают таких апостолов красноречия, как Исидор Рамишвили и присные его». (78)

А. Мартин, депутат Абхазского Народного Совета (от эстонской общины, 1919г.) вспоминал: «В начале весны 1919 года Народный Совет Абхазии принял депутацию абхазских крестьян, которые обратились к Совету с просьбой вернуть им земли, которые в 19 веке были у них отобраны для Ново-Афонского монастыря. Депутация состояла из почетных стариков, из которых с речью выступил перед Советом старший. Он говорил на абхазском языке, переводил сам А. Чачба. Делал он это мастерски, с сочувствием, как бы ободряюще для оратора. Вряд-ли кем была записана эта речь, логичная, с образным слогом, произнесенная силой и выразительно....

Для меня речь главы делегации абхазских крестьян произвела глубокое впечатление. Можно было преклоняться перед культурой народа, который недавно еще не имел письменности, но жил под культурным влиянием античных греков, римлян, арабов, и др... От них многое узнал и создал свою собственную богатую экономическую и духовную культуру горского, предприимчивого и храброго народа. Я впервые встречал лучших посланников абхазцев и должен был сделать вышеприведенное впечатление об этом народе, с молодым поколением которого я рядом сидел и вместе работал».(79)

Именно о таких людях говорил Аристотель: «Быть благородного происхождения для какого-нибудь народа или государства, значит, быть автохтонными или исконными обитателями данной страны, иметь своими родоначальниками славных вождей и дать из своей среды многих мужей, прославивших тем, что служит предметом соревнования».(80)

Известными ораторами судьями в Апсны в прошлом веке считались:

1. Убыхия – Хаджи Берзек Керантух, Исмаил Баракай-ипа Дзиаш (оба прекрасно владели абхазским)...

2. Садзны (Малая Абхазия) – Сосран Арыдба, Хаджи Соломон Цанба, Мамсыр Куаташ, Арслан Фытз Леон, Гечба Рашит...

3. Псху – Аджир-ипа Киамыш, Абдурахман Маршан, Атамаба Уада...

4. Дал-Цабал – Лымхаш Асланыкуа, Заусхан Маршан, Ахы Шабат Маршан; очевидцы отмечают, что в Цабале «все слепо послушны красноречию Шабата». Во время народного собрания дал-цабальских абхазов, где призывая народ к восстанию Шабат (которого в народе с любовью называли Ахы Шабат – Золотой Шабат), обращаясь за поддержкой к Кайтмас-ипа Халыбею и бросив в огонь царские эполеты и темляк, сказал: «Смотри, - я облакан начальством русским, я офицер и мне обещали хорошее содержание, но для избавления родины жертвую всем. Помогите мне в этом славном деле, и я клянусь над Алкораном, будешь любезным братом моим. Иначе мы не признаем тебя родственником, Князем Маршан. Враги твои будут друзьями нашими, и без меня прольется кровь твоя, как кровь чужая».(81) В Дал и Цабале в 1859 году во время разбора дела по кровомщению между двумя ветвями рода Маршан – Тлапс-ипа и Учардия-ипа – выборными судьями по этому делу были со стороны потомков Тлапса, «дворяне других племен»: а)

Джомлат Шхуацаа, Эбырхам Цваца, Смел Аздын и Ахмат Иаш; б) Со стороны Учардиевых – дворяне: Джонхан Кудж, Кадыр Цваца, Мыс Шох Адзым, Халил Куадза и Халил Трыш; Кроме того, князя Кадыр-бей и Херипс Маршан и Каншуква Пашт-ипа».(82)

Иашыра – Шамба Осман.

Иаштхуа – Цыц Ардзынба

Гума – Мшвы Гедлач Аюдзба.

Абжакуа – Беигуаа Куагина, Чагыр Юардан

Багажиашта – Алхас Шьарбалыиа.

Бзыбская Абхазия: Гочуа Зафас, Мканба Соломон, Хусеин Омар-ипа Лакрба, Хагба Камгаз, Гумба Зафас, Гублиа Ханаш, Лейба Куаджидж, Дзыгу-ипа Цгу; немного позднее – Мурат Абухба, Мыкуба Аабыдж, Дырмит Гочуа, Ладариа Осман, Аюдзба Бадрак, Смыр Мачыч, Быжьноу Сит, Бабиа Чычын, Еслам Чычба, Муса Лакоба, Осман Бутба, Дамей Хашиг, Тарба Гыд, Матуа Джесып, Тванба Осман, Гумба Рашит, Айба Джугуриа, Смыр Чыкь...

В Абжуа – в 1866 г. в с. Джгерда в состав народного суда входили: Хасан Маршан, Салыбеи Ачба, Хусеин Чрыгба, Дадын Рыпотаа, Мыса Амчба, Мырза кан Иуанба, Куаблыху Хараниа; (83) Аршба Гедлач, Гудиа Барганджиа, Чацба Чагу, Киут Киагуа, Киут Осман, Хабыдж Ашуба, Ахуба Джыр, Делба Иакуп, Джапыуа Куакуа, Шармат Едрыс, Маршан Хаитбей, Чачхалиа Наурыз, Какалиа Мыстаф, Дзлаиа Дырмит, Цнариа Сеидык, Аршба Сулеиман, Джинджал Куалашь, Шьакаиа Кесоу, Иаса Гындиа, Хакуцв Касландзиа, Кан Цагуриа, Бжаниа Ашхангери, Иакуп Тарба, Бардгу Амкуаб, Хусен Аджинджал, Шьрын Кутарба, Джалычы Куцниа...

Самырзакан – Раджаб Хахуба, Тлабган Кецба, Гамсаниа Кадыр, Куадзба Ташь...

В Аджарии среди батумских абхазов – XIX в.: Ахмед Ажведжба, Саманба Халил, Ахмет Ардба, Ачугба Маху, Ацанба Мыстафа, Цысху Мурат; позднее Чазмаа Расим, Чазмаа Мурат, Шамба Хуршит, Кудба Хуршит...

В Турции – Барас Ламщыху, Куадза Хаджим; Джинджал Хадажыкуа, Хараниа Хасан - Джгерда – Соук-су; Гуаджуа Щериф, Абдла-ипа Шьахар – Актафак; Бганба Сулеман, Бганба Расымбей – Бганаа ркыта; Ацыгуба Мурат, Тванба Осман – Сазкей; Джудар Мамсыр, Аюдзба Алцыку – Гума; Мазак Кяамил, Ахьйба Басиат – Бычка; Ашуба Наджаб,

Батыр Идрис – Хаджисулейманбей; Чалакуа Дахвыкуа, Каю Едыг – Чылау; Аюдзба Осман – Дариар; Самахьхуа Кяазым – Карадара; Чанба Зикватла – Кайлар; Агумаа Махаз- Куйнал; Папа Щьрыф, Лапш Басыр – Апсара; Папа Иатым – Цабал; Чкуниа Джамал, Бганба Раиф...

При разборе сложных и ответственных дел среди абхазов, проживающих в Турецкой республике широкой, известностью пользовались: Аюдзба Сеид, Агрба Шахан, Таркь Идрис, Аюдзба Шаабан, Анкуаб Алхас, Ашуба Зекерия, Джидж – ипа Муса, Тыкуа-ипа Кажа, Кьыл Кяаашиф, Трапш Кяаамил, Кабба Хакы, Акуадзба Мемет, Шамба Мыстафа, Гуас Муса, Харания Тыуфан, Уанача Алыйса, Ачба Разаа, Джыр-ипа Кямыш, Тарба Мустафа, Ачуа Шахан.(84)

Это о них очень выразительно звучат строки Омара Бейгуаа из его стихотворения «Старинное абхазское собрание»:

«Большой сход абхазов
В большинстве – вольные люди.
Отдельно стоит аристократия.
И в небольшом числе зависимые.

Затянутые в изящные черкески (акумжвы),
Подпоясанные серебряными поясами
С пристегнутыми к ним кинжалами,
Держа в руках абхазские ружья

Словно изваянные из гранита
И сотворенные из бронзы.
Нет среди них людей с изъянами и низкорослых.
Вид их внушительный излучает благородство.

Высокие и стройные, словно форели,
С тонкими талиями и изящные,
Манеры их изысканные,
Незабываемая картина (красота).

(Подстрочный перевод).

Древние абхазы прекрасно понимали, что все объять невозможно и выразили это понятие в афоризме: «Зегьы здыруа икада?» – «Нет среди нас смертных того, кто может объять (понять) все». «И поэтому одной из любимых форм времяпровождения у народа был непрестан-

ный обмен информацией и новостями, когда веками и тысячелетиями оттачивалась житейская мудрость и философское отношение ко всему происходящему в мире. В своей речи (а речь могла длиться сутки-двое) оратор никогда не повторялся, через каждые 20-30 слов обязательно вставлял мудрое изречение, прибегал к жизненным новеллам, сюжетам которых позабавил бы любой великий драматург. Чтобы оживить аудиторию, внимательно слушавшую его, мастера слова прибегали к неоднократным переходам, сравнениям, речь их пронизывали мудрые афоризмы и пословицы, многие из которых идут от Великого Учителя – Ауыбла. А уметь говорить и вести себя абхазы учились с раннего детства, вся жизнь абхаза – рождение, свадьба, похороны, поминки, прием гостя, собрания, примирение враждующих, дальние походы и путешествия... все было связано с ораторским искусством. В странствии старший обращался к младшему со словами: «Сократи нам путь», это иносказательно означало: «Поведай нам интересную историю, которая отвлечет нас от трудного пути...».

Ведь недаром говорил в своем завещании фараон наследнику своему Мерикаре (XXIII-XXII в.в. до н.э.): «Подражай отцам своим и предкам своим... речи их закреплены в писаниях: разверни, читай (их), подражай (им) в знаниях. Становится умельцем (лишь) обученный... будь умельцем в речи, (дабы) ты был силен... сильнее речь, чем любое оружие».(85)

Графиня Уварова тонко подметила в абхазах их «самосознание и сильное расположение к созерцательной жизни» и далее она отмечает, что эти качества должны были «не минуемо развиваться в виду красоты края, его гор, лесов и тесных ущелий. В такой стране, при таких условиях, из таких людей должны были прежде всего выходить древние пустынноики, столбники и подвижники». (графиня Уварова, Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. Часть II. М. 1891.с.831).

И не случайно у абхазов в недавнем прошлом бытовали следующие языки: «охотничий язык»; «тайный женский язык» (как у древних шумеров), на котором женщины могли поведать друг другу свои секреты; «птичий язык»; «тайный садзский язык»; «воровской язык»; «тайный язык жестов»; эзотерические языки – «язык дерева», «язык кочетов», «язык посоха», «змеиный язык», «медвежий язык», «язык воды», «язык ветра», «язык птиц», «метафоричный язык (голоса) информации», «язык медиума (медиумизм)»...

БИБЛИОГРАФИЯ

Здесь мы приведем один пример (вторая половина XIX века): “Юноше очень понравилась девушка Хилкан. Он долго не решался сделать ей предложение. В один день, дело было зимой, он пришел во двор Хилкан с твердым намерением попросить ее руки. Но вдруг раздался голос: “Хозяин!” - и во двор въехал юноша. Поздоровавшись, гость спешил и его пригласили в дом. Усадив гостя у очага, Хилкан предложила ему угощение, а сама стала в стороне. Гость молча взял фундуковую палочку, лежавшую у камина, и стал ее затейливо украшать. Стружки он аккуратно собрал у камина. Окончив работу, гость поднял красиво украшенную палочку и посмотрел на Хилкан. Хилкан слегка наклонила голову, затем накрутила на палец прядь своих локонов. Гость поднял стружки и бросил их в огонь. Хилкан склонила голову.

После этого гость, слегка перекусив, попрощался с хозяевами и уехал.

Юноша, влюбленный в Хилкан, остался с ней наедине. Он сделал ей предложение. Девушка сказала ему, что уже дала слово. “Когда и кто убил меня?” – воскликнул парень. “Это произошло у тебя на глазах, - ответила Хилкан. - Когда гость показал мне красиво оструганную палочку – это означало, что его брат и я подходим друг другу, и что я думаю по этому поводу?! Я опустила слегка голову – это означало согласие. Но я накрутила на палец прядь своих волос – это означало, что мой отец и братья просят за меня большие подарки. Гость выбросил в огонь стружки, что значило – наша сторона ничего для тебя не пожалеет. После этого я склонила голову, что означало согласие.” (Со слов Амчба Музаффера, 80 лет, село Джгерда, записал Д.Хараниа, 1980.)

Слово в Апсны имело великую силу, ибо оно исходило из своеобразного синтеза нравственной чистоты, высокого духа и величия сердца. Таких людей у абхазов уважительно называли «ацкья» или «апсыцкья», что сочетало в себе два понятия: «чистый», и «святой». И поэтому слово, исходящее из уст этих людей, всегда достигало того, кому оно было предназначено. О таких людях говорили: О таких людях говорили: «Они общаются с Пророками»... т.е. мудростью своею они превзошли обычных людей и могли поведать о глубококом прошлом и далеком будущем...

И во всех случаях слова этих людей доходили до сердца каждого, кто с ними имел дело. Любой конфликт можно решить, но при этом нужно умело использовать многовековой опыт народных традиций, в частности обычного права, особенностей психологического уклада и многих других граней этноса и при всем этом нужна предельная искренность и сердечное отношение к делу. Только в таком случае можно будет решить все положительно.

1. Вирсаладзе Е.Г. Грузинский охотничий миф и поэзия. М. 1976, с. 64-65.
2. Инал-ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. Сухум, 1984.
3. Джанашиа С. Н. Статьи по этнографии Абхазии. Сухум, 1960, с. 68.
4. Сообщение Ст.З.Лакоба, Сухум, 1997, 30 сентября.
5. Omer Buyuka. Abhaz mitoloji Anac mi? Istanbul,1971, s3.
6. Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии. Сухум, 1969, с.250.
7. Джанашиа С.Н., там же, с.40.
8. Аверкиев И. С северо-восточного побережья Черного моря. «Кавказ», 1866, №74.
9. Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Перевод. Н. Нефляшевой. Майкоп. 1994, с.103.
10. Смоленский С. Воспоминания кавказца. Экспедиция в Псху (Выписка из походного дневника). «Военный сборник», 1874, №6, с.385-386.
11. Чернышев К. Еще об Абхазии. (Отрывок из письма к А.П. Берже). «Кавказ», 1854, №83.
12. Толстой А. Проклятие. Газ. «Речь», 1911, 14 мая.
13. Серена К. Путешествие Карлы Серены по Самурзакани и Абхазии. 1881г., ж-л «Вокруг света» (на франц. яз.), перевод с французского Р. Крючкова. Машинопись, Абгосмузей, с. 23-24.
14. Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. «Кавказ», 1867, №60
15. Дж. Ст. Белл. Письма о пребывании в Черкесии в 1837, 1838 и 1839 гг. Лондон, 1840, письмо XXXI. Перевод с английского Аиды Ашуба. “Юридическая газета”, Сухум, сентябрь-октябрь, 1997, №4, с.6-7 (“Конгресс абхазов и убыхов в м. Геч”).
16. Мачавариани К.Д.. Описательный путеводитель по городу Сухум и Сухумскому округу. Сухум. 1913 с. 315.
17. Смоленский С. там же, с. 384.
18. Эсадзе С. К 40-летию уничтожения автономии Абхазии. “Тифлисский листок”, 1904, №266.

19. Чернышев К., там же.
20. Записано со слов Ашуба Рамазана, г. Сухум, 1991 г. газ. "Апсны". 16/11 - №25.
21. Омер Вуука, там же, с. 209-210.
22. Сообщение Ашамба Орхана, 1975, 23 февраля. Личный архив А. Гуажба.
23. В. Омер Вуука. *Hazret Ibrahim'le Awubla Kafkaslar. Ist.*, 1975, s.62.
24. Гошемида Шенкар. Миф и мудрость. М., 1997, с.54.
25. Мухаммед Шенкао. «Нарты: Миф, эпос, культура. М., 1997, с 22
26. Коллауц А. Абазги и Абазгия. Перевод с немецкого А Первухина. М., 1992.
27. Гуажба М. «Аныхаху» (Рассказы о Цахтыр-ипа Хусине), на абхазском языке.
28. Омер Вуука... *Ist.*, 1971, с.208-208.
29. Со слов Мирода Гуажба записала Л. Щущаниа, с. Хуап 1991, 18.04.
30. Рассказал Мыкуба Анзор. Эту историю он неоднократно слышал со слов своего отца Мыкуба К.А.
31. Мухаммед Шенкао, там же, с.16
32. Скарятин В. Заметки о Кавказе. «Отечественные записки», 1862, т. 141, №4, с.537.
33. Спенсер Э., там же, с.51
34. Белл Дж., там же.
35. Белл Дж., там же.
36. Медичи М. История Понта. «Сов. Этнография», 1950, №2, с.170.
37. Медичи М., там же, с. 173.
38. Аристотель. Риторика. Античные историки. Под ред. А. А. Тахо-Годи, М., 1978, с.19. Бэрзедж Н. Изгнание черкесов. (Причины и последствия). Перевод: Нурие Хуажева – Марат Губжоков. Майкоп, 1996, с. 84.
39. С.А. (С. Ашхацаа). Внутреннее управление древней Абхазии. «Сухумский листок», 1912, №196.
40. Завадский Ф., там же.
41. Там же.
42. Там же.
43. (Потто) Утверждение русского владычества на Кавказе. 1801-1901. К столетию присоединения Грузии к России. Под руководством нач. штаба кавказского военного округа ген. лейт. Н.Н. Белявского, составлен в военно-историческом отделе под редакцией ген. лейт. Потто, Тифлис, 1901, с. 422.
44. Чернышев К., там же.
45. Торнау Ф.Ф. воспоминания кавказского офицера. Ж-л «Адыги», Нальчик. 1991, №1, с. 54.
46. Мачавариани К.Д., там же, с. 314.
47. Сухум. 19-го июля. «Кавказ», 1871, 30 июля (11 августа), №88.
48. «Литературный журнал», 1940, №3-4, с. 34-37. (на абх. яз.) Акуа.
49. Смоленский С. Воспоминания кавказца. (Из записок юнкера). «Военный сборник», 1872, №10, с. 335-336.
50. Миллер А.А. Из поездки в Абхазию в 1907 году. «Материалы по этнографии России», СПб, 1910, т., с.64.
51. Джанашиа Н.С. статьи по этнографии Абхазии. Гл. «Абхазы. Перевод с грузинского Нелли Аршба. Сухум, 1960, с. 111-119.
52. Мухаммед Шенкао, там же, с.12. Микаиа М. Апсыуа къабзкуа ирызкны. «Алашара», 1872, №6, ад. 84-85.
53. Инал-ипа Ш.Д. Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX веке "Г Труды Абхазского института" им. Д. Гулиа, сухум, 1956, вып. XXVII, с.81.
54. Со слов Бигуаа Владимира Маметовича, 1919 года, с. Дурипш, 1990 г.
55. Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухум, 1990, с. 106-107.
56. Микаиа М., там же.
57. Чернышев К., там же.
58. Инал-ипа Ш.Д., там же, с.81.

59. Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990, с.306.
60. Труды 5-го археологического съезда в Тифлисе. 1871 г. Тифлис. 1881, с. XXIII.
61. А...ъ (А. Н. Введенский). Религиозные верования абхазцев. «Сборник сведений о кавказских горцах», Тифлис, 1871, вып. 5, с.11-12.
62. Мачавариани К.Д. Светлой памяти, павшего на войне героя, корнета. К.Ш. Лакрба. Батум, 1917 (машинопись).
63. Там же.
64. Теофил Лапинский (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Описания очевидца Теофила Лапинского (Тэффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев. Перевод В.К. Гарданова. Нальчик, 1995, с. 123.
65. Каламбий (Адиль Гирей Кеш). Записки черкеса. Рассказы. Очерки. Статьи. Письма. Нальчик, 1988.
66. Мухаммед Шенкао, там же.
67. Боденштедт Фридрих. Борьба народов Кавказа за свою независимость против русских. Франкфурт на Майне. 1848, перевод с немецкого Риты Ачба.
68. Мачавариани К.Д., там же.
69. Арчелиа Алыкса. Абжьуаа рхуштаара. Акуа, 1990, ад. 14 №17.
70. Чамба С. Под тенью развесистой клюквы. «Сухумский листок», 1915, №103.
71. Рихтер Зинаида. Кавказ наших дней. Патриархальный быт. Газ.-«Абхазский университет», 1989, №14, 29 апреля, с. 3.
72. Китайская литература. Хрестоматия. М., 1959, т. 1, с. 99.
73. Марр Н.Я.. Кавказоведение и абхазский язык. СПб., 1916, с.7.
74. Со слов Иззета Бейгуаа, записала Папба М. С. Абжакуа, Турция, 1976г.
75. Скарятин В., там же, с. 308.
76. Там же, с.309.
77. «Республика Абхазия», 1999, №5, с.3.
78. Басариа С. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-кале, 1923,с. 51-52.
79. Мартин А. Автобиография А. Мартина и его воспоминания о педагогической деятельности в Абхазии и его участии в Абх. Народном Совете. Абгосмузей , ф.3, оп. 1, д. 91, л.л. 47-48.
80. Аристотель, там же, с. 30.
81. Коллюбакин Н. Картины и характер Кавказа, ЦГВИА ГССР, фонд кавказской архивной комиссии, д. (200), XIII, лл. 168-187.
82. Смоленский С. ... “Военный сборник”, 1874, №6, с. 394.
83. Жанаа Гьаргь. Аамта рышьата. Акуа, 1971.
84. Сообщение Омара Бейгуаа, Хараниа Джемала и Дженгиза Абганба – Турция; Темура Ачугба – Сухум.
85. Коростовцев И.А. Религии древнего Египта. М., 1976, с. 34.

Народная дипломатия: реальность и иллюзии

В литературе по конфликтологии существуют самые различные определения конфликта. Конфликт может иметь отношение к мыслям или поступкам, отдельным индивидам или различным социальным группам, включая целые этносы, народы, государства. Чаще всего понятие «конфликт» используется в негативном смысле, как нечто разрушительное, противоположное миру, согласию, гармонии, созиданию, сотрудничеству. Это односторонний, одномерный подход.

Конфликт – это многомерный социальный феномен, сопровождающий всю историю человечества и включающий в себя как деструктивные, так и конструктивные моменты. Особое место среди конфликтов занимают насильственные или вооруженные конфликты, имеющие в последнее время тенденцию к увеличению их числа и усложнению характера.

Насильственные конфликты связаны с целым рядом факторов, таких как власть: ресурсы, идеология, религия, идентичность (этническая, языковая, идеологическая, территориальная и др.). Грузино-абхазский конфликт следует отнести к числу длительных этнополитических конфликтов, в процессе развития которого имели место и небольшие вооруженные столкновения, и развернутые военные действия.

Конфликт и власть. В Советской империи существовала жесткая иерархия национально-территориальных образований: союзные республики, автономные республики, автономные области, края, территориальные единицы. С распадом Советского Союза союзные республики приобрели статус независимых суверенных государств, а некоторые еще и «маленьких империй». Возникли проблемы, связанные с взаимоотношениями государств, входивших в его состав. Абхазская ССР, статус которой еще в 1931 году был низведен до уровня автономной республики в составе Грузинской ССР, пыталась цивилизованным путем урегулировать отношения с Грузией. 14 августа 1992 года депутаты Верховного Совета Абхазии обсуждали проект договора между Грузией и Абхазией, а между тем в Сухум входили танки и вооруженные формирования Госсовета Грузии.

Конфликты и ресурсы. Доступ и контроль над территорией, материальными, экономическими, природными ресурсами Абхазии со сто-

роны Грузии также может рассматриваться как одна из причин грузино-абхазского конфликта. Уникальные природно-климатические условия, курорты, транспортный коридор, морские порты, объекты энергетики, цитрусовые и субтропические культуры – все это имеет немаловажное значение для развития экономики Грузии. Потеря Грузией Абхазии усложнит первую реализацию столь лелеемого ею проекта Евразийского транспортного коридора.

Конфликт, идеология и религия. Если религиозный фактор и играет какую-то роль в грузино-абхазском конфликте, то совершенно незначительную, хотя порой грузинские политики и некоторые ученые пытаются противопоставить православной Грузии якобы мусульманскую Абхазию. В участии на стороне абхазов во время грузино-абхазской войны добровольцев с Северного Кавказа и потомков абхазских махаджиров из Турции и Ближнего Востока в Тбилиси усматривали опасность распространения исламского фундаментализма. Но ни для кого не секрет, что у христианства в Абхазии глубокие исторические корни, уходящие в I-IV века н.э. А как объяснить тот странный факт, что в «мусульманской» Абхазии нет мечетей, а христиане и мусульмане порой дружно отмечают Пасху и Курбан-Байрам. Абхазию отличает межконфессиональная терпимость. Регулятивные принципы поведения абхазов по определению Ш. Инал-ипа являются формой проявления национального самосознания и самоутверждения абхазов, как этнической индивидуальности, системой обычаев и представлений о принципах духовно-нравственного бытия человека.

Конфликт и этническая идентичность. Кавказ – это полиэтнический регион, в котором этническая идентичность, этническое самосознание людей имеет немаловажное значение. Этническое самосознание позволяет людям не раствориться в общей массе, сохранить самобытность, язык, культуру, традиции.

Рост грузинского национализма в конце 80-х годов, антиабхазские настроения, получившие отражение в большом количестве публикаций в СМИ Грузии, реанимация псевдонаучной теории Павле Ингорква об абхазах, а точнее «апсуйцах», как пришло на территорию Грузии в XVII веке народе, лозунги типа «Абхазия – это Грузия», «Грузия только для грузин», безусловно провоцировали ответные антигрузинские настроения. Будучи титульной нацией, но низведенные российской колониальной политикой на Кавказе в XIX веке и грузинской ассимиляторской политикой конца XIX-XX веков до 18% на своей собственной территории, абхазы безусловно опасались за свое будущее.

Угроза этнической идентичности может привести и часто приводит к конфликтам, дальнейшее урегулирование которых достигается с большим трудом, поскольку представление о том, что кто-то, какой-то народ, сила угрожает тебе, твоему этносу, передается из поколения в поколение. Конфликты, в которых этнический фактор играет не последнюю роль, чаще всего оказываются длительными и насильственными. Конфликтующие стороны видят друг в друге угрозу собственному существованию, своим обществам, культуре, ценностям, этничности, самосознанию. «Это чувство экзистенциальной угрозы приводит к усилению агрессии, создавая порочный круг насилия».(1)

Конфликты постоянно сопровождают жизнь человека. Одни конфликты постепенно угасают или разрешаются как бы сами собой. Для трансформации других (насильственных, политических, этнополитических, этнических, социальных и др.) требуется выработка специальной стратегии и тактики. «Признать существование зла и не противостоять ему означает отступить от своей человеческой сущности. Признать существование зла и противостоять ему теми же средствами означает вступить в свою человеческую сущность. Признать существование зла и противостоять ему божественными методами означает вступить в свою божественную сущность», - писал Махатма Ганди. Насильственные конфликты – это, безусловно, зло, которое не всегда удается предупредить, предотвратить. Но можно не допустить их повторения. В этом – особая гражданская позиция. В грузино-абхазском конфликте фаза признания существования зла (военные действия - *М.Г.*) и противостояния ему теми же методами пройдена. Не знаю, каковы те «божественные методы», с помощью которых можно противостоять злу, я – неверующий человек, но человечество, избравшее войны в качестве бесчеловечного, но эффективного способа для достижения определенных целей, изобрело и альтернативу войне, а именно, миростроительство, миротворчество на правительственном и неправительственном уровне. Народная, гражданская дипломатия и есть миротворчество на неправительственном, неофициальном уровне.

С тем, что сегодня принято называть народной дипломатией, мне пришлось познакомиться, если можно так сказать, на феноменальном уровне еще в детстве. Для разрешения многих спорных вопросов, возникающих внутри семьи, между соседями, фамилиями люди чаще прибегали к помощи не официальных, государственных, правоохранительных органов, а к старейшинам, уважаемым в районе, городе, поселке людей. На Кавказе традиционно почитают старших. Безусловно, жизнь вносит свои коррективы в формы взаимоотношений людей, в традиции,

обычаи, нравы народов. Несмотря на заметное сужение сферы приложения фамилно-патронимического лидерства, тем не менее, все еще остается «своя область деятельности у старших возрастных групп и фамилно-патронимических советов», которые помогают в урегулировании нередко очень запутанных и острых вопросов, связанных с примирением враждующих сторон, разрешением частных семейных конфликтов, предотвращением возможной кровной мести и др. (2)

Собственно теоретический и практический интерес к народной дипломатии, гражданской инициативе возник у меня в связи с грузино-абхазским конфликтом, заставившим многих людей не только взяться за оружие и воевать друг против друга, но и предпринимать конкретные действия по прекращению и дальнейшему недопущению насилия. Не единичны примеры, когда люди, стрелявшие друг в друга на вооруженной стадии конфликта, включались в процесс миротворчества на поствоенной стадии.

В случае с грузино-абхазским конфликтом роль и значение народной дипломатии оказались неодинаковыми на различных его этапах. В грузино-абхазском конфликте хронологически можно выделить три этапа:

I этап, довоенный: с 1988 г. - по 14 августа 1992 г.;

II этап, военный: с 14 августа 1992 г. - по 30 сентября 1993 г.;

III этап, поствоенный: с конца 1993 года - по настоящее время.

Деятельность, которую принято считать гражданской инициативой, народной или неформальной, неофициальной дипломатией, более всего стала заметной, ощутимой на поствоенной стадии грузино-абхазского конфликта. Это не означает, что в довоенный и военный период вообще ничего в этом плане не делалось. Но здесь возникает вопрос об эффективности предпринимаемых усилий, о их способности трансформировать конфликт.

Довоенный этап грузино- абхазского конфликта.

Перестройка и связанные с ней крупные изменения в социально-политической жизни общества породили у народов бывшего СССР надежды на лучшее будущее. Впервые за многие десятилетия подавления национального самосознания у людей появилась возможность открыто обсуждать проблемы национально-территориального переустройства,

права наций на самоопределение. Конец 80-х годов ознаменовался всплеском национально-освободительного, национально-демократического движения. Не стала исключением и Грузия, где к тому времени появилось несколько десятков различных партий и движений радикально-национального толка, взявших на вооружение лозунг «Грузия для грузин».

Декларация приверженности хельсинкским, женеvским и иным соглашениям в области прав человека сочеталось с признанием приоритета права нации над правами человека. Независимость и обеспечение территориальной целостности Грузии считалось возможным при условии ликвидации автономий или, в крайнем случае, предоставлении национальным меньшинствам (абхазам, осетинам) «культурной автономии». Катализатором напряженности в грузино-абхазских отношениях стала и грузинская пресса, в которой достаточно часто публиковались антиабхазские материалы.

18 марта 1989 года 30 000 участников схода в абхазском селе Лыхны подписали Обращение, в котором выразили свою позицию в отношении истоков и причин грузино-абхазского конфликта, а также потребовали возвращения Абхазии статуса союзной республики. Возмущение части грузинского населения вылилось в многочисленные несанкционированные митинги с требованиями об отмене автономии, наказании «апсуйцев», спустившихся с гор в грузинскую Абхазию лишь несколько веков тому назад. Часть грузинских студентов и преподавателей Абхазского Государственного университета потребовала отделения грузинского сектора и образования на его основе Сухумского филиала Тбилисского Государственного университета. 14 мая 1989г. министерство образования Грузии принимает распоряжение о создании в Сухуме филиала ТГУ. Разделение АГУ и образование филиала ТГУ стало непосредственной причиной вооруженного столкновения грузин и абхазов 15-16 июля 1989 года.

Может показаться странным, почему абхазы так противились созданию «еще одного ВУЗа», как об этом писали в грузинской прессе. Не касаясь политической подоплеки создания этого злосчастного филиала, замечу - безнравственно и опасно делить студенческую молодежь по признаку национальной принадлежности. Раскол университета стал прецедентом, повлекшим за собой разделение по национальному признаку целого ряда учебных, медицинских, производственных коллективов и учреждений Абхазии.

Казалось бы в этой ситуации и должен был подключиться, активи-

зироваться механизм народной дипломатии. Переговоры, которые велись группой преподавателей и студентов АГУ с грузинской частью университета, решившего отделиться, оказались безуспешными. Грузинские преподаватели и студенты обвиняли так называемых «умеренных» или «проабхазских», не желавших уходить в филиал коллег в предании национальных интересов, угрожая им применением физического насилия. Не услышанным оказалось и очередное «Обращение к преподавателям и студентам грузинского сектора Абхазского Государственного Университета», в подготовке которого принимала участие и автор этой статьи. «Наш университет создавался не для лиц одной национальности, а в интересах всей многонациональной республики, - говорилось в обращении. - Кажущееся на первый взгляд безобидным требование части преподавателей и студентов грузинской национальности о создании филиала ТГУ ведет к тому, что процесс межнационального размежевания может стать необратимым и затронуть другие коллективы, организации и учреждения, охватить республику в целом». Этим обращением мы приглашали наших коллег к конструктивному диалогу, который, как нам представлялось, мог быть единственным средством решения проблемы. «Признавая за оппонентами право на иную, отличную от нашей точку зрения, уважая ее, мы призываем всех людей, заинтересованных в снятии межнациональной напряженности, к объединению усилий, принятию конкретных, действенных мер для стабилизации положения, как в университете, так в республике в целом», - подчеркивалось в обращении.

Приглашение к диалогу, поиску взаимоприемлемых вариантов урегулирования проблемы, попытка организации «круглых столов» на «нейтральной территории» за пределами стен АГУ, дискуссии в прессе, вовлечение в переговорный процесс старейшин, традиционно почитавшихся на Кавказе, а в данном случае, наиболее опытных, уважаемых преподавателей – как грузин, так и абхазов – оказалось малоэффективным на фоне тотальной политизации населения республики, роста национального движения, с одной стороны, и шараханья из угла в угол, допущения грубых ошибок официальными властями, с другой.

Как это не звучит кощунственно, несколько отрезвляюще на население подействовало вооруженное столкновение, происшедшее 15 – 16 июня 1989 года, в результате чего погибло 14 человек (9 грузин и 5 абхазов). «Настало время народной дипломатии», - констатировал в интервью одной из центральных газет тогдашний первый секретарь Очамчирского райкома партии Сергей Багапш, «работник опытный, уставший от бессонных ночей». (3) «Заметных успехов добилась народ-

ная дипломатия: диалоги в трудовых коллективах, на улицах, по месту жительства, способствуют возвращению доверия и понимания между абхазами и грузинами», - писала все та же газета двумя неделями позже. (4)

Наверное, самым необычным и удивительным примером народной дипломатии был то ли съезд, то ли конференция, то ли сходка криминальных авторитетов, состоявшаяся в Сухуме 21 июля 1989 года. «Воры в законе» обсуждали вопросы нормализации обстановки в Абхазии и западных районах Грузии. «Общеизвестно, для нас не существует национальной принадлежности. Мы одна семья. Каково же каждому из нас, если наши родственники, близкие, знакомые убивают друг друга. Но в политику мы не вмешиваемся...», - сказал в интервью корреспонденту «Учительской газеты», пожелавший остаться неизвестным участник этого собрания. (5) Не могу судить об эффективности подобного рода «гражданской дипломатии». Примеров бесчеловечного поведения представителей криминального мира куда больше, но и он, по-видимому, столь же неоднороден как и вся окружающая нас действительность.

Вооруженное столкновение абхазов и грузин в июле 1989 года не дало преимуществ ни одной из сторон. Усилилась поляризация общества. На фоне резкой политизации населения, роста национального движения слабые ростки народной дипломатии зачахли. Бурные митинговые страсти оказались привлекательней спокойного, взвешенного диалога. И все же, на три года в Абхазии воцарилась относительно спокойная, мирная жизнь, при том, что многих не покидало предчувствие скорой войны.

Грузино-абхазская война 1992-93 годов.

Перефразируя известное изречение о времени, когда «музы молчат», можно сказать: «Когда стреляют пушки, гражданская дипломатия молчит». Вернее, она бессильна и не только она. «Абхазский кризис до конца выявил к тому же и одно обстоятельство: превентивная дипломатия, о необходимости которой говорят на самых высоких уровнях СНГ, остается пока лишь благим пожеланием», - писал политический обозреватель «Российской газеты» Сергей Демидов. (6) Политикам не удалось предотвратить войну, тем более, это оказалось не под силу неофициальной дипломатии.

О какой народной дипломатии можно было говорить, когда через четыре дня после ввода танков в Абхазию, председатель Государственного Совета Грузии Эдуард Шеварднадзе заявил: «Ни абхазскому наро-

ду, ни другим, кто проживает в Абхазии, нечего опасаться за свою свободу. Напротив, именно сейчас они могут быть уверенными в том, что *принципы демократического созидания*, которые положены во главу угла общегрузинской политики, приведут к справедливому социально-политическому устройству общества. (7)

«...Я могу заверить этих сепаратистов, что если из общей численности погибнет сто тысяч грузин, то из ваших (имеются в виду абхазы, которых по переписи населения 1989г. было 97тысяч – М.Г.) погибнут все 90 тысяч, которые будут поддерживать решение Ардзинба», - это уже из интервью Сухумскому телевидению 25 августа командующего войсками Госсовета Грузии Георгия Каркарашвили, вскоре после этого получившего звание генерала и одну из высших наград Грузии – орден Вахтанга Горгосали. (8)

В Абхазии, особенно в первые месяцы войны, внимательно следили за тем, что говорят и пишут в Грузии. По-видимому, люди надеялись услышать голос протеста против вооруженного насилия. Но увы, грузинская интеллигенция молчала. Не могу категорично заявлять, что в Тбилиси никто не осуждал ввод войск в Абхазию, но если это и делалось, то так тихо и робко, что у нас никто не услышал. Однако, известно, что директор Института философии Академии Наук Грузии Нико Чавчавадзе выступил на заседании грузинского парламента с осуждением ввода войск и выбора войны, как средства для разрешения спорных вопросов между абхазами и грузинами. Следует назвать еще одного человека – Лорика Маршания, бывшего партийного функционера Абхазии, а во время войны «вдохновителя и инициатора создания в Сухуме, занятом войсками Госсовета, Комитета спасения Абхазии. Он также считал ввод войск в Сухум «ошибкой», но все его призывы к миру, приправленные соответствующей исторической аргументацией, вызывали лишь раздражение. Абхаз, активно сотрудничавший с тбилисскими властями, более того, первый вице-премьер правительства «Автономной Республики Абхазия» - параллельной структуры исполнительной власти, сформированной во время войны в Сухуме, никак не воспринимался в роли миротворца. Любая гражданская инициатива, исходившая от подобного рода людей, давала прямо противоположный эффект. Убеждать воюющие стороны, а точнее абхазов, в том, что они братья с грузинами, развязавшими войну в Абхазии (во время военных действий народ и властные структуры, виновные в эскалации конфликта часто отождествляются в общественном сознании), как это делал Лорик Маршания, бессмысленно. В Абхазии Лорика Маршания и ему подобных называли коллаборационистами.

Несколько слов о Комитете спасения Абхазии. В интервью газете «Демократическая Абхазия» 14 января 1993 года Л.В. Маршания отмечал: «Комитет спасения Абхазии преследует цель консолидировать абхазское и грузинское население, объединить их усилия в борьбе за мирное политическое решение грузино-абхазского конфликта, прекращение кровопролития. Надо понять наконец всем, что в Абхазии идет методическое истребление абхазского и грузинского населения в пользу третьей силы. Скороспелым, нереальным и, стало быть, авантюрным действиям руководства Абхазии, сепаратизму и экстремизму всех мастей, Комитет противопоставляет здравый смысл и реализм, проводит плодотворную работу по восстановлению доверия и взаимопонимания двух наших народов... Среди инициаторов и создателей Комитета много авторитетных представителей абхазского и грузинского народа».

Следует уточнить, что многих абхазов, оставшихся в Сухуме, включали в списки Комитета без их ведома и согласия. Порой люди из той же газеты «Демократическая Абхазия», издававшейся во время войны в Сухуме, узнавали, что состоят в Комитете. Что касается большинства абхазов, то они резко отрицательно относились как к Комитету спасения Абхазии, так и к созданным во время войны в Сухуме структурам власти «Автономной Республики Абхазия». Уже после войны против некоторых членов Комитета спасения были возбуждены уголовные дела.

В первой половине февраля 1993 года зону грузино-абхазского конфликта посетила Независимая Миссия Гражданской дипломатии, сформированная Международным фондом гуманитарных инициатив и Ассоциацией «Гражданский мир». Вывод, к которому пришла миссия, звучал так: «За гудаутскими лидерами стоят заинтересованные круги России, которые подстрекают их к продолжению противостояния, помогают оружием».(9) Еще одним «ощутимым» результатом деятельности миссии стало то, что представитель Абхазии отказался работать в ней.

Ни очень звучное название, ни решение сделать миссию постоянно действующей, не помогли ей. Практически никакой работы проведено не было. Зато в решении IV Международного форума гражданской дипломатии (Москва, 21-23 апреля 1993 года) назван «виновник» грузино-абхазского конфликта. «Начало открытому противостоянию между Грузией и Абхазией было положено решением Верховного Совета Абхазии об отмене действующей Конституции 1978 года и восстановление Конституции 1925 года, предоставляющей Абхазии статус союзной республики, провозглашение суверенитета Абхазии и намерение вступить с Грузией в договорно-федеративные отношения».(10)

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о неэффективности гражданской инициативы, неофициальной дипломатии, получающей поддержку одной из конфликтующих сторон и вызывающей раздражение, неприятие у другой. Это, кстати, относится и к личной инициативе. Таким образом, война позволяет использовать лишь немного из арсенала средств народной дипломатии. Чаще всего делаются заявления, обращения к одной или обеим конфликтующим сторонам; совершают «кавалерийские наскоки» различные миссии, комиссии, группы, ограничивающиеся знакомством с ситуацией на месте, изучением фактов. В случае с грузино-абхазским конфликтом большинство подобных миссий завершалось обвинением (в мягкой или жесткой форме) «Гудаутских властей» в сепаратизме и нежелании идти на компромиссы. Мало кого интересовали исторические корни и современные причины пресловутого абхазского сепаратизма.

Война – вещь, безусловно, бесчеловечная, но в ней, как в некой экзистенциальной пороговой ситуации, проявляются сущностные качества человека. Война демонстрирует не только агрессию, жестокость, человеконенавистничество, но, вместе с тем, милосердие, человеколюбие. Примеров того, когда люди разных национальностей помогали друг другу во время войны, много. Мне пришлось оставаться в оккупированном Сухуме до ноября 1992 года, и я сама была очевидцем того, как одни соседи доносили распоясавшимся «гвардейцам», где абхазские квартиры, а другие, в это же время, пытались спрятать нас, уберечь от расправы.

Во время военных действий 1992 – 1993 годов и на абхазской, и грузинской сторонах были созданы специальные комиссии по обмену военнопленных, мирных граждан и поиску пропавших без вести. Работа комиссий осуществлялась как на правительственном, так и на неправительственном уровнях, и ее успех во многом зависел от личных качеств людей, возглавлявших эти комиссии.

Поствоенный этап грузино-абхазского конфликта.

Среди средств, используемых в рамках гражданской дипломатии, особое место занимают двухсторонние встречи на неправительственном, неофициальном уровне. Что касается абхазо-грузинских встреч, они вызывают неоднозначную оценку и резонанс как в Абхазии, так и в Грузии. Приведу конкретный пример. Первая после войны встреча абхазов и грузин на неправительственном уровне состоялась 8 – 10 июня 1996 года в Москве. Инициатива организации встречи принадлежала британской неправительственной организации «International Alert»

(Международная тревога). Идея встречи зародилась на конференции по проблемам урегулирования конфликтов в бывшем Советском Союзе (5-6 февраля 1996 года).

В самом начале первой встречи представителей неправительственных организаций Абхазии и Грузии мы договорились напрямую не касаться политических проблем, но совсем избежать этого в ходе работы не удалось. В дискуссии, продолжавшейся два дня, поднимались проблемы, возникшие из-за объявления Абхазии экономической и информационной блокады; рассматривались стереотипы, существующие в сознании конфликтующих сторон, а также возможные пути преодоления психологических последствий войны. Трудности, которые пришлось испытать абхазской группе при пересечении российско-абхазской границы, прежде чем она попала в Москву, сделали очень острым обсуждение проблемы свободы передвижения. Участники встречи согласились с тем, что запрет на передвижение граждан есть нарушение элементарных прав человека. С целью формирования мер доверия было принято решение о подготовке проектов в области защиты окружающей среды, обучения журналистов, обмена информацией, восстановления архивов, уничтоженных во время грузино-абхазской войны, установления независимых коммуникаций, преодоления стереотипов войны, при условии, что все проекты будут новыми, сугубо равноправными и будут осуществляться на симметричной основе.

Вроде бы все хорошо. Участники, довольные встречей, разъехались по домам, и тут все началось. Профессор Георгий Хуцишвили был приятно удивлен, что «абхазские представители – интересные собеседники и нормально входят в контакт». «Этих людей по их политическим взглядам и позиции можно отнести к той категории, которую у нас называют сепаратистами, и которые имеют в Сухуме определенный вес и влияние. Тем более важно, что именно среди них есть люди, верящие в необходимость установления контактов с Грузией, независимо от того, как разовьется политический процесс», - заявил грузинский конфликтолог в одном из интервью. (11) Почти все грузинские участники в многочисленных интервью особо подчеркивали две вещи: во-первых, хорошую осведомленность абхазов во всем том, что происходит в Грузии и, во-вторых, удовлетворенность абхазской и грузинской сторон тем, что встреча проходила без участия «третьей силы». Но если быть точными, «третья сила» на встрече присутствовала – это «International Alert». Хотя для грузинских участников «третьей» и вызывающей наибольшие опасения силой является Россия. Что касается абхазов, они к этому относятся куда более спокойно и сдержанно. Московский диалог очень возму-

тил «власти» Автономной Республики Абхазия, находящейся в Тбилиси. Господа Тамаз Надареишвили (Председатель Верховного Совета АРА) и Зураб Эрквания (Председатель Совета Министров АРА) в официальном письме заявили, что неправительственные организации и частные лица не имеют право вести диалог с абхазской стороной без ведома «легитимных властей» и правительства АРА. Более того, одному из грузинских участников пришлось давать отчет о встрече в соответствующих органах.

И в Абхазии появилась публикация – ответ на радиоинтервью Патаы Закарейшвили, автор которой, доктор искусствоведения Алексей Аргун, возмущался по поводу этой встречи и интересовался, кто позволил нам договариваться о чем-то с грузинами.

Неадекватная, в определенной степени тенденциозная, оценка первого абхазо-грузинского диалога на неправительственном уровне, прозвучавшая в ряде публикаций грузинской прессы вынудила нас написать письмо организаторам встречи, Генеральному Секретарю «International Alert» г-ну Кумару Рупесингхе и отказаться от сотрудничества в подобной ситуации. Вполне понятно желание грузинской стороны разрекламировать успех первого диалога, но в тех сложных общественно-политических условиях, в которых происходят подобные мероприятия, важны не реклама и самореклама («ах, какие мы хорошие», «нам удалось то, что не удалось политикам», «мы - впереди всех»), а конечный результат, возможность следующих диалогов, осуществление конкретных проектов, позволяющих в итоге трансформировать конфликт.

Широкий круг вопросов, касающихся определения политического статуса Абхазии, гуманитарных нужд, положения беженцев и перемещенных лиц, развития мер по укреплению доверия, роли НПО в гражданском обществе, обсуждался в ходе абхазо-грузинского диалога-семинара с участием представителей неправительственных организаций и научных учреждений, состоявшемся в Австрии 25 января – 1 февраля 1997 года. Семинар был организован Бергхфвским Исследовательским Центром по конструктивному урегулированию конфликта (Берлин), Австрийским Исследовательским Центром «За мир и разрешение конфликтов» (Штадтшляйнинг, Австрия) и UNV («Добровольцы ООН»). Участие в диалоге-семинаре международных экспертов - политологов (в Штадтшляйнинге с докладами выступали: Эгберт Яан, /Германия, Мангемский университет/, Билл Боуринг /Великобритания, Эссекский университет/, Дитрих Шперлинг /Германия, член Федерального Парла-

мента/ Марк Хофман /Великобритания, Лондонская школа экономических и политических наук/) оказалось интересным и полезным для всех, так как это давало возможность определить, в какой степени понимание общих проблем перестраивающихся обществ, принципов построения демократических институтов, знание международных стандартов, опыта других конфликтных регионов может быть использовано при решении задач, стоящих перед Абхазией и Грузией. Следует отметить, что такие семинары, встречи, диалоги дают абхазской и грузинской стороне возможность совместного анализа концептуальных и практических проблем, стоящих перед ними в связи с грузино-абхазским конфликтом, поиска путей конструктивного урегулирования конфликта.

Confidence building, формирование мер доверия между конфликтующими сторонами, – цель проекта, партнерами в котором выступают международная неправительственная организация «International Alert» («Международная тревога», Лондон), Фонд «Гражданская инициатива и человек будущего» (Абхазия, Сухум) и Международный Центр конфликтологии и стратегии переговоров (Грузия, Тбилиси).(12) Проект, включающий в себя шесть рабочих встреч по построению доверия (13), дает участникам возможность диалога, обмена мнениями, идеями, разработки конкретных проектов и поиска средств для их имплементации. При проведении рабочих встреч используются элементы тренинга, моделирования ситуации, переговоров, обмена информацией, «мозговой атаки», выработки стратегии и тактики действия. Хотя сам проект и называется «Формирование мер доверия между Абхазией и Грузией», в рабочих встречах принимают участие представители неправительственных организаций и из других регионов Кавказа.

Чем это вызвано? Идея этого проекта появилась еще на московской встрече в июне 1996 года, а финансирование было получено двумя годами позже. За это время состоялось немало двухсторонних грузино-абхазских встреч, как на правительственном, так и неправительственном уровнях. Однако эффективность этих встреч оставляла желать большего. Диаметрально противоположные политические позиции Грузии и Абхазии (восстановление территориальной целостности, утраченной в результате войны, и возвращение всех беженцев, с одной стороны, и суверенитет и независимость, с другой), безусловно, накладывают отпечаток на двухсторонние контакты абхазских и грузинских НПО. Практически все участники подобного рода встреч заявляют о приверженности исключительно мирным средствам урегулирования конфликтов. Но опять же, одни - мирным путем хотят вернуть Абхазию в лоно Грузии, а грузинских беженцев в Абхазию, другие – мирным, цивилизован-

ным путем «оторваться» от Грузии и строить с ней нормальные, добрососедские отношения.

Расширение формата проекта ТАСИС, а именно на этом настаивала абхазская сторона, позволило бы конкретно воплотить идею Форума неправительственных организаций Южного и Северного Кавказа. Грузинская сторона опасалась того, что подобная общекавказская инициатива окажется попыткой воссоздания организации, подобной Конфедерации Народов Кавказа, добровольцы которой сражались во время войны на абхазской стороне. Она также не желала быть втянутой в дискуссию с недружественными организациями; ей казалось, что именно в этом скрытая цель абхазов, ратующих за общекавказские инициативы. В этом вопросе удалось достичь компромисса. Мы пообещали не создавать никакого «альянса» против Грузии и включили в список участников от Абхазии представителей неполитических, миротворческих НПО Северного и Южного Кавказа.

Что до идеи Форума, то она оказалась не столь уж беспочвенной. В июле 1998 года в Нальчике состоялась учредительная сессия Кавказского Форума неправительственных организаций, участники которой, а это представители НПО, ученые, журналисты, правозащитники почти со всего Кавказа – Абхазии, Адыгеи, Азербайджана, Армении, Грузии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Нагорного Карабаха, Северной и Южной Осетии, Чечни, подписали Эльбрусскую Декларацию, в которой определили цели и задачи Форума. Поскольку многие сегодняшние проблемы на Кавказе связаны с недостаточной степенью развитости гражданского общества, разобщенностью и изоляцией народов Кавказа, то и Форумом в качестве целей было обозначено: укрепление доверия и взаимосвязи между народами Кавказа; возрождение кавказской культуры; поддержка совместных гражданских инициатив, направленных на формирование толерантности; развитие политической культуры; утверждение гражданского сознания; возрождение традиций мирного сосуществования; преодоление этнической неприязни и предрассудков. Задачей Форума является обеспечение возможности регулярного контакта и диалога на Кавказе; установление общей эффективной коммуникационной сети между участниками Форума; поддержка развития НПО, а также конкретных проектов, иницируемых в рамках основных направлений деятельности Форума.

Что касается проекта ТАСИС, следует отметить, что в его рамках также были проведены две молодежные и одна женская встречи, на которых разработан ряд конкретных проектов, в частности, связанных

с изданием информационно - аналитического молодежного бюллетеня, проведением серии обучающих тренингов по проблемам мультилатерализма; подготовкой учебного пособия по гражданскому образованию для школьников, изданию сборника «Женщины в предотвращении насилия на Кавказе», сбору материалов и публикации книги о фактах взаимопомощи людей различной национальности в грузино-абхазской войне и других «горячих точках» на Кавказе.

Примеров того, когда во встречах на неправительственном уровне участвуют политики, много, обратное же – случай исключительный. Так, в состав делегаций, участвовавших в Афинской встрече грузинской и абхазской сторон по укреплению мер доверия (16-18 октября 1998 года) и возглавляемых Премьер-министром Абхазии Сергеем Багапш и Государственным Министром Грузии Важей Лордкипанидзе, входили наряду с представителями правительственных органов, члены Парламента, бизнесмены, деятели культуры, представители академических органов, члены НПО, журналисты. Афинская встреча проводилась в рамках Женевского переговорного процесса.

Казалось бы, столь представительная встреча должна вывести переговорный процесс из тупика, в котором он очутился, (абхазы обвиняют грузин в бесконечной ревизии и внесении поправок как в уже подписанные документы, так и в те, которые готовы к подписанию; грузины, в свою очередь, обвиняют абхазов в нежелании идти на компромисс, в экстремизме, сепаратизме и прочих «измах»). Результаты же столь разрекламированной встречи оказались весьма скромными. Стороны договорились, а точнее, в которой раз подтвердили ранее достигнутые договоренности, а именно, об обязательствах относительно права беженцев и перемещенных лиц на возвращение в места их прежнего проживания; созданию совместного механизма с участием представителей МООНГ и КСПМ СНГ по поддержанию мира в зоне противостояния конфликтующих сторон; о соблюдении Московского Соглашения о прекращении огня и разъединении сил от 14 мая 1994 года; о взаимодействии прокуратур Грузии и Абхазии по расследованию уголовных дел о диверсионных актах, совершаемых в Зоне Безопасности в Гальском районе (Абхазии); о расследовании дел о пропавших без вести.

Пока политики вели консультации, согласовывали документы для последующего их подписания президентами Владиславом Ардзинба и Эдуардом Шеварднадзе (14), ученые, деятели культуры, журналисты, члены НПО не по их вине, но к их большому удовольствию, знакомились с достопримечательностями Афин, постигали культуру и дух древних эллинов.

Итак, встреч, семинаров, диалогов, переговоров с августа 1992 года состоялось предостаточно. На официальном уровне посредниками выступают Российская Федерация, ООН, в дополнение к ним ОБСЕ и представители стран, входящих в Группу друзей Генерального секретаря ООН (Англия, Германия, Франция, США и все та же Россия); на неофициальном – международные неправительственные организации, фонды, неправительственные организации западных стран, опять таки, ООН и ОБСЕ.

Чего же ждут организаторы и посредники? Конкретных шагов по пути трансформации и урегулирования грузино-абхазского конфликта, но такого, которое вписывается в рамки международного права, международных стандартов, которые часто бывают двойными. К примеру, Югославию «собирали как попало из кусочков» после первой мировой войны, теперь кромсают «во имя стабильности» в Европе; один народ душат в тисках экономической блокады во имя «восстановления территориальной целостности» другого; сепаратизм по отношению к Грузии плох, по отношению же к «ненавистой» России вполне приемлем, поддерживаем, если не финансово, то уж идеологически и морально.

Предложений по проведению двухсторонних грузино-абхазских встреч со стороны международных организаций и Запада поступает много. Финансирование под совместные проекты (детские лагеря отдыха, конференции, сборники, встречи комбатантов, совместные информационные структуры ...) можно получить без особого труда. Гораздо сложнее найти поддержку внутренним проектам. И мне не раз предлагали участвовать в разработке и осуществлении совместных грузино-абхазских проектов в области информации. На вопрос, почему обязательно создавать совместные информационные структуры, не лучше ли помочь формированию независимых СМИ в самой Абхазии, раздается уклончивый ответ: «Это в целях урегулирования конфликта». Но ведь в том же Тбилиси много независимых СМИ, поддерживаемых различными фондами, в том числе и западными. Почему же нас надо обязательно «сковывать одной целью» с грузинскими СМИ? Не лучше ли развивать параллельно в Абхазии независимые средства массовой информации, а уж они сами сумеют наладить контакты и обмен информацией, причем не по принуждению, а добровольно, ибо без него невозможно нормальное функционирование массмедиа.

Сегодня так же, как и два года назад, многие с настороженностью относятся к билатеральным грузино-абхазским проектам, предполагающим сотрудничество абхазов и грузин, поскольку это как полагает ав-

тор статьи «Новая политика Запада в Абхазии» Л. Тания, создает *«фактическое общее пространство»*. По ее мнению, жесткая позиция абхазских НПО в отношении проектов двухстороннего сотрудничества «поможет Западу в его понимании реальных возможностей и условий примирения абхазов и грузин и, кроме того, приведет к финансированию внутриабхазских проектов в силу необходимости для международных организаций экономического присутствия здесь и в такой форме. (15)

Не могу столь категорично утверждать, что Запад обязательно поддерживает внутренние проекты, да и не в этом дело. Формирование и развитие сети НПО, как элементов гражданского общества в Абхазии, – объектный процесс, независящий от того, получит он поддержку извне или нет. Гражданская инициатива требует адекватных форм для ее реализации, и она создает их.

Как-то в беседе со мной один абхазский писатель, сын которого погиб во время войны, спросил, как я могу участвовать в грузино-абхазских встречах. Явно мой собеседник опасался того, что подобного рода встречи, расширение контактов между абхазами и грузинами, как следствие, приведут к забвению, предательству той идеи, во имя которой погиб его сын – обретения Абхазией свободы и независимости. Я все же полагаю, что независимость и нормальные цивилизованные, дружественные отношения между народами не противоречат друг другу.

Что касается, многосторонних общекавказских или южнокавказских проектов, в осуществлении которых заинтересованы НПО Абхазии, то это объясняется тем, что объективно, каким бы ни был политический статус Абхазии, является интегральной частью общекавказского культурного, гражданского пространства. Кроме того, психологические сложности, недопонимание, а то и конфронтация, присутствующие при прямом контакте грузин и абхазов, в определенной мере снимаются, когда конфликтующие стороны вовлекаются во многосторонние встречи и проекты. Если не удалось наладить сотрудничество сторон в конфликте, имеет смысл расширить географию сотрудничества. Точек соприкосновения будет больше.

Таким образом, можно сделать вывод, что роль народной дипломатии в урегулировании грузино-абхазского конфликта незначительна. Причин тому несколько:

1. Грузино-абхазский конфликт относится к числу этнополитических, поскольку возник он на почве стремления абхазов к полити-

ческой независимости, а грузин – к ликвидации национальных автономий и созданию унитарного государства. Кроме того, противоречия в этнонациональных интересах абхазов и грузин породили межэтническую неприязнь, усугубившуюся во время войны, унесшей тысячи жизней.

2. Процесс политического урегулирования грузино-абхазского конфликта продвигается очень медленно. Переговоры на политическом уровне часто заходят в тупик. Неурегулированность государственно-правовых отношений, бесчисленные обвинения, выдвигаемые сторонами в конфликте друг против друга, негативно отражаются на сознании людей, укрепляют стереотип врага.
3. Развевать образ врага не позволяет длящаяся более четырех лет экономическая блокада, объявленная Абхазии Россией с подачи Грузии.
4. Прессинг со стороны международных организаций - ООН, ОБСЕ и стран, входящих в Группу друзей Грузии, именуемых ныне Друзьями Генерального Секретаря ООН, по отношению к Абхазии при политической, экономической, финансовой помощи Грузии не делает первую более сговорчивой. Напротив, в сознании абхазов еще более укрепляется мысль о необходимости отстаивать независимость и суверенитет своей страны.
5. Модель федеративных отношений между Абхазией и Грузией, отвергнутая последней в 1992 году (Э. Шеварднадзе неоднократно заявлял, что его народ, то бишь грузины, не готовы к федерализму), и навязываемая Абхазии сегодня, не может служить гарантом этнической безопасности.

Безусловно, этническую неприязнь и недоверие не снять одним указом или вердиктом, пусть даже соглашением о политическом урегулировании конфликта. Но вот вести кропотливую работу в этом направлении, используя при этом и средства народной дипломатии, необходимо. Доверие между народами складывается из доверия между отдельными людьми. Будем ли мы в перспективе жить как два суверенных соседних государства, создадим ли некий конфедеративный союз или союзное государство, образ врага, сформированный в условиях конфликта и прочно внедрившийся в общественное сознание не без помощи СМИ, должен рассеиваться. И если народная дипломатия не может справиться с этим в масштабах всего общества то уж «сузить круг врагов» в ее силах. Образ врага опасен еще и тем, что при исчезновении внешнего врага начинаются поиски внутреннего, а тут недалеко и до «охоты на ведьм».

Если народная дипломатия не играет очень заметную роль существенно в урегулировании конфликта, то в его трансформации, переводе из насильственной в ненасильственную форму, она может оказаться незаменимой. Переговоры по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта не всегда встречают поддержку со стороны всего населения. Радикально настроенная часть общества, а она есть и в Грузии, и в Абхазии, опасается переговоров, возможных компромиссов. В Грузии все еще нередко слышны голоса в поддержку силовых методов решения проблемы, примером чему могут служить трагические события в Гальском районе Абхазии в мае 1998 года, непрекращающаяся диверсионно-террористическая деятельность. Вот здесь и следует использовать средства народной дипломатии с целью укрепления в сознании людей мысли о безальтернативности мирных способов и путей урегулирования всех спорных проблем.

И последнее, если даже неформальная дипломатия окажется безуспешной в столь сложных ситуациях, как этнополитические конфликты, она, по крайней мере, останется способом самореализации людей с миротворческой инициативой, что, в свою очередь, может дать эффект в перспективе. Так одна из участниц молодежной встречи в Сочи (1-5 декабря 1998 года) объяснила свое присутствие на ней тем, что «то именно нашему поколению следует взять на себя роль миротворцев. Мы просто устали жить, опасаясь повторения страшных событий. Наше самое большое желание, чтобы во всех горячих точках наступил мир».(16)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Разрешение конфликтов. Пособие по обучению методам анализа и разрешения конфликтов. International Alert, Москва, 1997г., стр.23.
2. См.: Ш.Д. Инал-ипа. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984г., стр.88.
3. «Тревожные дни. К событиям в Абхазии», газ. «Правда», 23 июля 1989 г.
4. «Действует народная дипломатия», газ. «Правда», 6 августа 1989 г.
5. А. Мдивани. Три часа с вором в законе. «Учительская газета», 3 августа 1989 г.
6. С. Демидов. Грузия и Абхазия не слышат друг друга. «Российская газета», 26 августа 1992 г.

7. Цитируется по книге: С. Жидков. Бросок малой империи. Майкоп, 1997г., стр. 212.
8. Цитируется по книге: «Абхазия: хроника войны». Ч.1, стр.127. Москва, 1993г.
9. «Народная дипломатия в действии». Газ. «Демократическая Абхазия», 20 мая 1993 г.
10. Это решение было принято в качестве ответной меры на отмену властями Грузии всех законодательных актов Грузинской ССР, начиная с 25 февраля 1921 года, в том числе и Конституции ГССР 1978 года, на основе которой и была принята Конституция Абхазской АССР 1978 года.
11. «Дилис газеты», 19 июня 1996 г.
12. Проект финансируется Демократической программой ТАСИС (TACIS) Европейского Союза и Голландским фондом Каритас.
13. Срок действия проекта - с января 1998 г. по июнь 1999 г.
14. Речь идет о проектах «Протокола о возвращении беженцев в Гальский район и восстановлении экономики Абхазии» и «Соглашении о мире и безопасности».
15. Лейла Тания. Новая политика Запада в Абхазии. «Нужная газета», 19 мая 1998 г.
16. Диана Керселян. Молодежь всего Кавказа, объединяйся! «Нужная газета», 14 декабря 1998 г.

Аннотация

Статья посвящена проблемам функционирования и роли института народной дипломатии в грузино-абхазском конфликте. Значение неофициальной дипломатии на различных стадиях конфликта – довоенной (1988 – 1992гг.), военной (1992 – 1993 гг.) и послевоенной (1993 – по настоящее время), было неодинаковым.

Превентивная дипломатия на правительственном и неправительственном уровнях оказалась малоэффективной в случае с грузино-абхазским конфликтом, переросшим в военное противостояние.

В статье приводятся конкретные примеры использования средств и методов гражданской дипломатии с целью трансформации конфликта и поиска путей к его урегулированию.

Предметом специального рассмотрения являются двухсторонние грузино-абхазские встречи представителей НПО Абхазии и Грузии, ученых, журналистов, проводившиеся при помощи международных неправительственных организаций; причины различного отношения грузин и абхазов к общекавказским инициативам, многосторонним и двухсторонним проектам.

Незначительная роль народной дипломатии объясняется общим неблагоприятным политическим фоном, на котором она осуществляется. В случае со столь сложным конфликтом, как этнополитический, роль неофициальной дипломатии возрастает, если усилия политиков и «неформалов» ОСУЩЕСТВЛЯЮТСЯ ПАРАЛЛЕЛЬНО, ВЗАИМНО ДОПОЛНЯЮТ ДРУГ ДРУГА.

Олег Дамениа

Институт экологии горных территорий
Кабардино-Балкарского научного центра
РАН при Адыгейском Государственном университете

Народная дипломатия как феномен кавказской культуры: истоки и смысл

“Горцы Кавказа являются, возможно, самым самобытным существующим народом...”

Э.Спенсер

Исходные реалии. Начавшаяся на рубеже 80-90 гг. уходящего столетия (во многом противоречивая и по своим последствиям неоднозначная) политическая борьба за обновление общественного устройства Кавказа уже прошла, можно сказать, несколько этапов. Главным из них следует считать:

- осознание не только элитарными структурами кавказского сообщества необходимости либерализации советской системы и борьба широкой общественности за её преобразование;
- обострение этнополитических противоречий и их эволюция в локальные войны;
- движение от культа силы к диалогу между участниками конфликтов.

Впрочем, надо заметить, что из последнего пункта отнюдь не следует, будто использование насильственных методов при решении политических задач уже исключается. Вероятность применения силы, включая и вооруженной, в политической жизни кавказского сообщества пока достаточно велика, хотя следует заметить, что идея ненасильственных способов разрешения конфликтных проблем находит всё большее понимание в различных кругах и социальных слоях региона. В условиях продолжающегося военно-политического противостояния конфликтующих сторон речь может идти лишь о совершенствовании технологии и освоении новых инструментариев ведения борьбы, о тактике изматывания участниками конфликтов друг друга. Ведь преследуемые сторонами в конфликтах цели по существу так и остаются неизменными, что делает достигнутое столь дорогой ценой перемирие весьма хрупким.

Тем не менее, уже сам факт прекращения широкомасштабных боевых действий и смещение их в плоскость переговорного процесса по урегулированию конфликтов является достижением, значение которого трудно переоценить. В политической жизни Кавказа сегодня нет более важной задачи, чем закрепить это достижение. Чтобы добиться решения такой непростой задачи и не упустить шанса мирного урегулирования существующих в регионе этнополитических конфликтов, одни миротворческие усилия мирового сообщества (при всей их важности) недостаточны. Тем более что в лице мирового сообщества зачастую мы имеем дело с различными странами и политическими силами, придерживающимися различных точек зрения в понимании специфики Кавказа и преследующими в регионе различные интересы.

Более того, в условиях сложившейся сегодня на Кавказе ситуации только усилиями лидеров противоборствующих сторон и других структур власти трудно добиться успеха в восстановлении стабильного мира в регионе. Если лидерам сторон в конфликте даже и удастся найти и принять взаимоприемлемое решение, что маловероятно при такой полярности позиций, то оно может обрести реальную силу лишь тогда, когда будет поддержано “низами”, роль которых в последнее время, особенно в войне, заметно возросла. Ведь в этих конфликтах воевали друг против друга не регулярные войска, а именно они – “низы”, разделившиеся накануне и в ходе войны по этническому признаку. Эта особенность (исключение, пожалуй, составляет Чечня, где на стороне России воевала регулярная армия) осложняет разрешение проблем полномасштабного урегулирования, поскольку участники конфликта хорошо знают даже на бытовом уровне друг друга. Сегодня “низы” – это не просто масса, не только социальная опора лидера, но также реальная, в том числе и военная, сила, с которой в политике нельзя не считаться. Поэтому лидерам часто приходится заигрывать со своими “низами”, чтобы поддержать свой имидж.

Но дело еще и в том, что при столь быстро изменяющейся ситуации и неравномерности развития политических событий в регионе, цели переговорного процесса не всегда совпадают с конъюнктурными интересами лидеров конфликтующих сторон. Иногда именно благодаря продолжающемуся противостоянию и той внутрисоциальной напряженности, которая в связи с ним возникает, иным лидерам удается сохранить свой пошатнувшийся высокий рейтинг. Поэтому они все чаще стали прибегать к инициированию “сверху” напряженности с тем, чтобы еще раз напомнить обывателю: “коней на переправе не меняют!” Благо совре-

менная политическая технология располагает богатым арсеналом средств и приемов, позволяющих легко и искусно манипулировать сознанием “низов”, создавать и поддерживать ситуации, удобные официальной конъюнктуре. В таких условиях “низам” остаётся думать и действовать по предлагаемой им “сверху” мифологеме (схеме) “мы” и “они”, когда война между ними становится экзистенциальным смыслом всей жизни каждой из сторон. При такой ситуации происходит деформация сознания “низов”, деформация их отношения к внешнему миру и самому себе. Нетрудно предсказать катастрофические последствия такого социального сценария, тем более сегодня, когда отклонения от норм социокультурной жизни уже стали одной из тенденций.

Важно подчеркнуть эту мысль, поскольку все этнополитические конфликты на Кавказе имеют тенденцию к сохранению себя во времени. Это значит, что этнополитическое противостояние и внутрисоциальная напряженность могут стать нормой жизни кавказского сообщества. Такая тенденция ведет к ситуации, когда аэволюционные, в том числе и депопуляционные, процессы в регионе могут принять необратимый характер. Стало быть, урегулирование этнополитических конфликтов и стабилизация процессов социального развития сегодня должны стать определяющей доминантой общекавказской стратегии, хотя ожидать здесь скорых эффектов не приходится. Но сама эта идея альтернативы не имеет.

Чтобы нарастить достигнутый в урегулировании конфликтов успех (перемирие, переговорный процесс и др.) и выйти из того политико-правового тупика, в котором оказались переговаривающиеся стороны, необходимо скрупулезно и критически переосмыслить накопленный уже опыт, направить усилия заинтересованных сторон на поиски новых и разных подходов к решаемым задачам, на создание концептуального понимания природы конфликтов и их специфики на Кавказе, а также форм и способов их урегулирования, на разработку и проведение комплекса программ, предусматривающих социальную реабилитацию пострадавшего от войны населения, оказание гуманитарной помощи, защиту прав и свобод граждан, налаживание работы разрушенных войной социально-экономических структур и мн. др. Для этого важно, на мой взгляд, расширить правовое поле работы по урегулированию: ведь переговорный процесс на уровне структур власти, призванный дать политико-правовое разрешение проблемы конфликта, не исчерпывает всего спектра урегулирования. Стало быть, в процесс урегулирования должны быть вовлечены представители не только структур власти, но так же различных элитных слоев и кругов, враждующих между собой обществ.

Более того, здесь может и должен быть сполна использован собственно кавказский потенциал.

Речь идет о более широком толковании самих конфликтов, о целесообразности рассмотрения их в контексте всей современной культурно-исторической реальности Кавказа. Урегулирование внутрикавказских конфликтов не должно быть делом только его непосредственных участников, с одной стороны, и ведущих стран Запада и России, - с другой. В условиях нарастающего ускорения социального развития и интеграционных процессов, зоны конфликтов строго локализованы быть не могут. Как бы их не блокировали, они (зоны) быстро резонируют на сопредельные районы и дестабилизируют в них обстановку. Именно этим во многом объясняется отсутствие политической стабильности в целом на Кавказе. Стало быть, ускорение процесса полномасштабного урегулирования существующих в регионе этнополитических конфликтов отвечает насущным интересам народов, в первую очередь, кавказского сообщества. Не в интересах кавказских народов смотреть со стороны, как внешние силы, не всегда имеющие адекватное представление об истории, культуре, традициях региона, решают внутрикавказские проблемы (правда, надо отметить, что за последнее время мировое сообщество стало лучше понимать социально-политические особенности Кавказа). Потому должны быть найдены формы и способы использования культурно-исторического потенциала Кавказа в процессе урегулирования.

Это важно еще и потому, что сегодня идет процесс (небезболезненно) формирования “нового мирового порядка”. В связи с этим резко меняется геополитическое, геостратегическое значение Кавказа. Раньше Кавказ воспринимался внешним миром как форпост той или иной метрополии, или же – как ее окраина. Самостоятельной геополитической роли он не играл и находился как бы “вне истории”. Но при этом Кавказ всегда составлял достаточно своеобразную экокультурную целостность, которая сегодня разрушается в процессе образования на его территории не всегда дружественных друг другу государств. Образование суверенных государств в регионе может позволить Кавказу приобрести большую политическую самостоятельность. Но в то же время оно (образование) может закрепить окончательное разделение единого в экокультурном плане Кавказа на сферы влияния иностранных государств, придерживающихся различных культурно-цивилизационных моделей и технологии жизнеобеспечения. Чтобы этого не допустить, кавказское сообщество должно играть более активную политическую роль, особенно, в решении внутрирегиональных проблем.

Квазистабильность социальной системы и регуляционные механизмы. Когда речь идет о значимости активного использования собственного кавказского потенциала в процессе урегулирования существующих в регионе конфликтов, то следует иметь в виду так же тот миротворческий опыт, который накоплен в самой истории кавказской культуры. Это разумеется, не дает основания недооценивать значение международного опыта разрешения внутриэтнических и межэтнических конфликтов. Речь идет здесь о целесообразности использования, наряду с международным опытом, и собственно кавказского миротворческого потенциала при разрешении внутрикавказских этнополитических конфликтов.

Однако при этом следует остерегаться упрощенческого подхода к использованию кавказского миротворческого опыта: рецидивы такого упрощенчества, как правило, не дают желаемого эффекта.¹ В первоначальном виде, в каком такой опыт исторически сложился и служил своему обществу, в наши дни использован быть не может: уж слишком большая разница во времени. Он должен быть специально изучен и критически переосмыслен с точки зрения современных реалий. Здесь достаточно констатировать сам факт существования в прошлом в кавказском сообществе таких своеобразных институтов (народной дипломатии, совета старейшин, собрания народных представителей и др.), которые выполняли и определенную миротворческую миссию. Элементы таких институтов все еще встречаются на Кавказе и среди компактного расселения кавказской диаспоры, но в прошлом, надо полагать, такие структуры играли более важную роль в жизни общества. Видимо не из любви к искусству красноречия возникла народная дипломатия, хотя она, несомненно, несла в себе и эстетическую нагрузку.

Очевидно, потребность в умиротворении могла возникнуть в связи с определенными социальными коллизиями, в том числе и конфликтами, которые нарушают сложившийся и поддерживаемый людьми общественный порядок. Но этот порядок не может не нарушаться, ибо своими корнями конфликт, как таковой уходит вглубь структурной организации социальной системы. Любая социальная система является открытой; абсолютно замкнутой социальной системы не бывает. Это значит, быть абсолютно тождественной самой себе социальная система не мо-

¹ Подтверждением этого может служить встреча в Кремле Президента РФ Б.Н.Ельцина со старейшиной Северного Кавказа 10 марта 1998 г., которая СМИ была превращена в политическое шоу и не оказала сколько-нибудь позитивного влияния на ситуацию в регионе. Примеч. авт. – О.Д.

жет; она непрерывно изменяется, что происходит во времени и пространстве. При этом изменение социальной системы во времени носит необратимый характер: невозможно прошлое в социальной жизни повторить так, как это можно сделать, скажем, в неживой природе. Источником непрерывной изменчивости социальной системы является неравновесность составляющих ее и взаимодействующих между собой структур. Но она постоянно взаимодействует с внешней как социальной, так и природной средой. Потому жизнь социальной системы сравнительно с другими более подвижна, мобильна, активна; об устойчивости, стабильности социальной системы можно говорить весьма условно, относительно. Стабильность социальной системы условна, поскольку она преходяща и переходит в свою противоположность. Преходящий характер форм жизни делает возможным её существование во времени. Существование жизни во времени происходит путем перехода её из одного состояния в другое. Если состояние социальной системы оценивается как относительно стабильное, упорядоченное, то переход её в другое состояние происходит через нарушение существующего порядка. Обе эти формы (порядок и беспорядок) нужны жизни. Эволюция жизни имеет определенную направленность, которая описывается на языке синергетики. То есть через различные метаморфозы жизнь стремится к самоорганизации, к самосовершенствованию своих форм существования, к улучшению организации системы. При этом происходит усложнение системы, укрепление её жизнеспособности. Всё это значит, что социальной системе имманентно присуща неустойчивость, являющаяся источником как созидательных так и разрушительных процессов.

Следует так же отметить, что темпы развития различных социальных систем не одинаковы; это дает основание говорить о неравномерности развития различных обществ и человечества, в целом. Поэтому при синхронном рассмотрении человечества, на одной и той же пространственной горизонтали оказываются различные социокультурные системы, темпы развития которых не одинаковы и находятся на разных уровнях во временной исторической вертикали. При этом они не выстраиваются на одной прямой линии, в которой “отсталые” народы следуют за “передовыми”, и не распределяются по гегелевской лестнице “снятия” и “восхождения”, хотя снятие, сохранение, повторение, восхождение, несомненно, имеют место в эволюции общества. Мысленно конструируемая духовно-космическая идентичность и направленность всемирной истории осуществляется, надо полагать, путем взаимодействия различных типов социокультурных систем, которые на протяжении столетий, а то и тысячелетий, сохраняют своеобразие своей идентичности.

В силу своей внутренней и необходимой неустойчивости социальная система вынуждена вырабатывать специальные механизмы, призванные поддерживать ее существование в определенном порядке. В самом широком смысле этот порядок обеспечивается системой запретов (табу) и разрешений. Без нормирующей и регулирующей функции нравственности вряд ли человечество могло бы выжить. Истории известно немало случаев, когда из-за бесконечных внутренних раздоров целые цивилизации исчезали с исторической арены. Именно этой угрозой было вызвано появление института миротворчества в жизни общества.

Как понять кавказскую культуру? Данный выше теоретический экскурс позволяет подойти к пониманию типологического своеобразия кавказской культуры, в контексте которой и мыслится такой ее феномен, как народная дипломатия. Вне этого контекста трудно понять ту роль, которую играла народная дипломатия в жизни кавказского общества. Потому важно здесь хотя бы эскизно воспроизвести живой образ кавказской культуры.

В мире культурно-цивилизационного разнообразия кавказская культура образует достаточно самобытное типологическое своеобразие, свою особую целостную систему, которая не вполне вписывается в контекст других крупнорегиональных суперэтнических культурных генераций и цивилизационных мегасистем. Хотя, разумеется, она несет в себе черты и признаки как западного, восточного, так и других сопредельных культурных формироваий, но при этом кавказская культура обладает таким формообразующим началом, на базе которого сложились своеобразная система ценностной ориентации человека и технология жизнеобеспечения. Типологическое своеобразие ее состоит в том, что в условиях кавказской культуры человек не испытывает какой-либо неудовлетворенности преднаходимым им миром и не тратит свой потенциал на поиск “полноты бытия” (В.С.Соловьев), как это происходит в условиях, скажем, западной или восточной культур. Чувство неудовлетворенности наличным бытием просматривается в архетипе представителей как западной, так и восточной культур, что изначально предопределяет ведущий вектор и осмысливаемые конечные цели осуществляемых ими предметных действий. Если в условиях западной культуры достижение реально отсутствующей “полноты бытия” мыслится через и посредством освоения человеком естественной среды обитания и превращения ее в средство жизни, то в условиях восточной культуры эта же цель достигается путем погружения сознания в самое себя. Наличный мир воспринимается и оценивается в этих культурах как несовершенный: но в условиях западной культуры совершенство наличного мира осуществляется

человеком путем преобразования его в соответствии с идеалом, а в условиях восточной культуры – это совершенствование осуществляется лишь в сфере сознания, но оно не предполагает изменения природной среды обитания.

В соответствии с этими парадигмами строится вся система ценностной ориентации человека в окружающем его предметном мире, в том числе, и во времени. Преследуемый человеком социальный идеал в условиях западной культуры достигнут может быть лишь в будущем: текущее, тем более пройденное, есть нечто несовершенное, что подлежит изменению и что следует привести его в соответствии с идеалом. В силу такой социальной ориентированности человека историческое развитие принимает здесь линейный, восходящий характер. Будущее как закон определяет действие человека уже в настоящем.

В условиях восточной культуры социальный идеал в прошлом, в соответствии с которым должно строиться не только настоящее, но и будущее. Наличный мир подлежит лишь трансмиссии из прошлого в будущее в том виде, в каком он преднаходим. Прошлое идеально и не допустимо к нему негативное отношение; оно предмет освящения и поклонения. Потому историческое развитие здесь циклично; т.е. социальное бытие во времени в условиях восточной культуры осуществляется путем повторения пройденных им этапов.

Выше уже отмечалось, что в условиях кавказской культуры человек не испытывает ощущения того, что ему чего-то не хватает, которое изначально могло бы предопределить характер и направление его действия – такой комплекс неполноценности не просматривается в его подсознании. Он вполне удовлетворен преднаходимым им наличным бытием и не испытывает потребности в его улучшении. Он также доволен и собой. Его интеллектуальный потенциал тратится, главным образом, на освоение исторического времени и сохранение занимаемого им социального пространства. Он не обременен и не поглощен вещным миром и не погружен мысленно в дебри бытия. Вне себя он не ищет ничего такого, чего не было бы в нем самом. Он и не прагматик и не фундаменталист; свой потенциал он тратит на демонстрацию своей идентичности и самодостаточности. Он живет по закону чести, по которому честь выше самой жизни.

Историческое время здесь, как и на Востоке, повторяется. При этом социальное будущее не конструируется, не создается в соответствии с мыслимым (воображаемым) идеалом, как это происходит на Западе; будущее должно быть повторением прошлого и дол-

жно соответствовать ему, ибо прошлое есть эталон, сообразно которому формируется будущее, социальная установка и ценностная ориентация человека. Человек здесь ориентирован на прошлое, которое определяет преследуемые им цели и придает его существованию смысл.

Отсутствие социальных мотивов и потребностей в изменении (улучшении) наличного предметного мира, восприятие существующей формы жизни как чего-то раз навсегда данного, завершенного и готового, делало кавказское общество сравнительно стабильным (квазистабильным). Такое общество более замкнуто, консервативно, менее восприимчиво к инновациям и дольше себя сохраняет. Стабильности общества способствовало отсутствие в нем контрастности в иерархии социальной структуры, его корпоративность, коллективность, общинность (горская община). При этом общинность не сводилась к некой социальной однообразности, в которой “все кошки серы”, и не подавляла индивидуальности. Более того, в кавказской культуре сложилось причудливое сочетание общинного и индивидуального начал: в рамках общинной системы индивид мог проявить свой потенциал достаточно автономно. Хотя он жил в условиях общинной системы хозяйствования, но экономически жестко зависимым от нее не был. Ведя натуральное хозяйство, он сам себя и свою семью поддерживал всегда в достатке. Но он не только труженик, но и воин – всегда вооружен, готов защитить жизнь своей семьи и имущество, а в случае надобности, так же включиться в ополченческий отряд для выполнения более крупных военно-политических задач. Тем более, военным искусством применительно к горным условиям он хорошо владеет; к нему его готовили с малых лет и можно сказать, что в определенной степени оно является его стихией. Квазистабильность кавказского общества не нарушалась и тем сословным делением, которое имело место в нем. Взаимоотношение между этими сословиями, как выше отмечалось, довольно толерантно и редки случаи возникновения конфликтной ситуации в обществе на имущественной основе. Имущественное, в целом, социально-политическое положение различных слоев общества, особенно, князей, дворян, свободных крестьян и др., максимально приближены, их права почти приравнены друг другу. Такое взаимоотношение между ними и общий социальный порядок соблюдаются довольно жестко, хотя для этого нет специального института надзорительства. Соблюдают и контролируют этот порядок сами люди. Поэтому в условиях кавказской культуры нет надобности управлять человеком – он сам управляет собой. Для этого не нужны ему какие-либо специальные знания и навыки практического действия: жить по правилам

и нормам традиций – это его натура. Он может жить только так, но не иначе. В таких условиях социокод, как и генокод, действует довольно однозначно.

Но от этого кавказское общество, как и любое другое системное образование, не переставало быть носителем имманентно присущей ему противоречивости. Возможность нарушения его квазистабильного состояния всегда была, что создавало надобность в структуре, которая могла бы регулировать сложные социальные процессы, способствовать сохранению определенного порядка, а в случае его нарушения – восстановлению.

Эстетика действия или слова? Выделение народной дипломатии как структурного образования в системе кавказской культуры весьма условно, ибо по образу жизни человек в этом обществе универсален: по существу он может и должен делать то, что делается вокруг него. Он не только труженик и воин, но и мыслитель, разносторонне развит. Свободный крестьянин, скажем, может принять любого представителя высших сословий общества, причем принять достойно, в соответствии с законами и нормами гостеприимства. Бытовая скромность, стесненность условий приема не задевает ни хозяина, ни гостей. Важен здесь сам прием – насколько обеспечен он в интеллектуальном отношении и соблюдены ли при этом эстетические, этические и ритуальные стороны, насколько искусно, тонко и четко сыграет каждый участник этого театрализованного представления свою роль, насколько полно и красиво продемонстрирует каждый из них свое достоинство и идентичность. Каждый из них в этой игре демонстрирует интеллектуальный потенциал своего “Я” и делает это не прямо, а опосредованно – через и посредством выражения своего отношения к другому.

Но крестьянин умеет тонко держаться, изысканно и достойно вести себя не только у себя дома, но и в любом другом обществе (сословию). Вспомним, как Л.Н.Толстой описывает поведение горца, неуловимого и бесстрашного воина, постоянно вызывающего страх и замешательство в неприятельских кругах Хаджи-Мурата, который вдруг оказался в совершенно чуждом ему обществе – в театре, где избалованная высшая светская публика слушала итальянскую оперу: “С восточным, мусульманским достоинством, не только без выражения удивления, но с видом равнодушия, просидев первый акт, Хаджи-Мурат, спокойно оглядывая зрителей, вышел, обращая на себя внимание всех зрителей”.

При этом на его лице, в его выражении нет и намека на то, что внутренне обуреваем и подавляет самообладание Хаджи-Мурата. Ведь семья его (мать, жена, сын) взята в заложники его кровником, аж самим Имамом-Шамилем. Хаджи-Мурат хорошо понимает, что, несмотря на предпринимаемые им усилия, спасти жизнь семьи ему не удастся. Но рушится не только его личная жизнь – ведь на Кавказе полыхает пожар войны? Он в потоке разрушающегося мироздания, наступления космического небытия. Но остановить этот процесс он не в силах. При всей безысходности ситуации Хаджи-Мурат не теряет самообладания, душевного равновесия. Он не мечется в поисках пути выживания любым способом, а достойно идет навстречу смерти, ибо в этом обществе честь выше жизни.

Но действие человека (крестьянина) может происходить и на более высоком уровне. Он может участвовать в обсуждении и принятии решений по важнейшим политическим вопросам, затрагивающим интересы общества, скажем, войны и мира.

В 1861 году, на завершающем этапе русско-кавказской войны, император России встретился в западной Черкесии с многочисленной депутацией горцев (абадзехов), чтобы уговорить их сложить оружие, переселиться на отведенные им места и принять российское подданство. В ответ на обращение царя выступил представитель черкесской общественности, старец Цейко:

“- Русский царь нам сказал, что он должен был сказать по своему долгу, его я не осуждаю, но мои слова не совпадут с его желанием. Народ рождается как отдельный человек, один раз, как отдельный человек он развивается, стареет и умирает... Нет ничего вечного под солнцем. Русскому царю понравился Кавказ, и вот он уже 60 лет ведет войну за его покорение. Но и нам любя и дорога наша Родина-мать, и мы, не жалея жизней, защищаем и отстаиваем её. Мы должны дать ответ своим предкам и богу за это священное дело ... Мы гибнем, но лучше гибель, чем рабство. Русский царь нам обещает неприкосновенность наших адатов и нашей религии. Но разве это возможно! Бросьте горсть соли в кадку воды и посмотрите, что случится с солью: она растворится. Маленький народ, покоренный большим народом, должен раствориться в нём... С окончанием нашей свободы окончиться и наша самобытность, иначе и быть не может. Мы храбро и беззаветно должны продолжать борьбу. Бог не в силе, а в правде. Будем биться до конца. Если погибнем за Родину, за народ, за веру, за честь, то позора нам не будет...”

Нет, Кавказ будет или любимой колыбелью, или нашей могилой, но живыми мы его не отдадим... Не опозорим воинской славы наших предков и не забудем первой заповеди: “Будь героем или умри!”¹

Слова старца-черкеса были восприняты с восторженным одобрением собравшимся народом, что серьезно насторожило царя и сопровождавшей его свиты, опасаясь ярости народной. Заметив это замешательство среди гостей, оратор сделал рукой знак и народ вновь притих. И тогда он добавил: “Царь в настоящее время наш гость, а гость – священная особа, и пусть никто не подумает, что абадзехи способны нарушить долг гостеприимства”².

Как видно, выступление старца не было выражением какого-то аффекта, в состоянии которого оратор мог оказаться. Он прекрасно понимал свою ответственность и значимость ситуации, демонстрировал искусное владение приемами народной дипломатии и довольно жестко контролировал ход своих мыслей. Это во-первых. Во-вторых, выступление выражало не только личное мнение оратора, но и всей черкесской общественности; и, наконец, в-третьих, выступление глубоко мотивировано не только логически, но и социально, нравственно. Потому характер и направление развития мыслей оратора как бы заранее заданы. Он лишь лаконично формулирует позицию представляемого им общества и персонифицирует его своим действием и словом, что в нём одно и то же.

Можно было бы продолжить рассмотрение народной дипломатии в контексте кавказской культуры. Но и проделанный анализ дает основание полагать, что феномен дипломатии в кавказской культуре был высоко развит, хотя и не выделялся он, как автономная структура. Дипломатия вплетена здесь в живую ткань культуры и функционирует она весьма эффективно почти на всех её уровнях. В то же время столь высокий уровень развития дипломатии и, в целом, политической культуры является показателем того, что кавказскому обществу в прошлом не были чужды своеобразные демократические и гражданские формы жизни, которые в последующее время трансформировались и в значительной степени подверглись разного рода деформациям.

¹ Мир культуры. Нальчик, 1990 – С.152.

² Мир культуры. Нальчик, 1990 – С.153.

Тема экологии в гражданской дипломатии на примере абхазо-грузинских поствоенных отношений

Важность и актуальность экологических проблем в современном мире понимаема очень многими людьми и на пороге нового тысячелетия достаточно отчетливо просматривается генеральная линия решения этих проблем через экологизацию экономики, политики, этики и морали. При этом, без сомнения, войны и локальные вооруженные конфликты на планете - один из весьма серьезных факторов дестабилизации экологического баланса. Войны могут усугубить существующие экологические проблемы и породить совершенно новые, а при определенных условиях могут стать и конечным пунктом эволюции цивилизации.

Другой важной социально-экологической проблемой, порожденной вооруженным конфликтом становятся разделенные враждой сообщества людей. Разделенные сообщества - источник общей нестабильности, а в условиях современного, постоянно нарастающего экологического кризиса, это становится и весьма рельефным фактором экологической дисгармонии. Причина этого очевидна - решать трудные проблемы, а экологические проблемы именно таковы, можно только договариваясь и складывая усилия.

Подготовка данной работы оказалась возможной благодаря проекту, инициированному профессором Полой Гарб (Paula Garb, UC Irvine) и поддержанному Фондом Вильяма и Флоры Хьюлит (William and Flora Hewlett Foundation, USA). Настоящая статья - это попытка ответить на вопрос: какое место может занимать столь значимая и хорошо понимаемая тема, как экологическая, в постконфликтном урегулировании для сближения позиции сторон и выработки мер доверия в фокусе гражданской дипломатии. Ведь отправной точкой любого урегулирования, несомненно, является поиск общих интересов и позиций не вызывающих противоречий у сторон. При этом интересен и другой вопрос: насколько экологическая тема может способствовать этому? В качестве примера рассматриваются грузино-абхазские отношения в части гражданской дипломатии. Анализ имеющегося опыта может представлять интерес, как для экологических организаций, так и для тех, кто занимается конфликтологией.

Автор принимал участие на неправительственном уровне в работе конференций и встреч, начиная с мая 1993 года, организованных при участии и поддержке международных организаций International Alert, University of California (Irvine), Eastern Mennonite University, UN Volunteers, Berghoff Center (Германия), Шляйнингский Центр по Конструктивному Разрешению Конфликтов (Австрия), VERTIC, Caucasus LINKS, Black Sea Environmental Program (BSEP) и другие.

Условия, в которых происходит развитие гражданской дипломатии между Абхазией и Грузией после жестокой и кровопролитной грузино-абхазской войны 1992-1993 гг. можно определить как наиболее трудные. Это связано с большими человеческими жертвами с обеих сторон, беженцами, крайней подозрительностью и недоверием сторон к действиям и намерениям друг друга. Экономическая и информационная блокада Абхазии со стороны Российской Федерации, принятая по решению стран СНГ по требованию Грузии, еще больше усилила непримиримость сторон.

В то же время, поддержка развития гражданского общества со стороны международного сообщества осуществляется крайне не пропорционально: в третьем секторе Абхазии поддерживаются только совместные грузино-абхазские проекты, что, несомненно, не способствует сближению сторон, а только усиливает ощущение несправедливости у одной, ощущение унижения от отказа в сотрудничестве у другой, а у всех вместе понимание растущей день ото дня дистанции во взглядах и в перспективах на будущее. Нет никакого сомнения в том, что данная модель является логично ведущей к новым кровопролитным столкновениям.

Обсуждение вопроса целесообразности той или иной формы давления или принуждения международным сообществом стороны в конфликте выходит за рамки рассматриваемого вопроса, и он принимается как еще одна жестокая и неизбежная реальность постконфликтного времени.

В этих условиях мой личный мотив, определяющий действия, это поиск общей модели безопасного сосуществования двух разделенных сообществ с использованием такого инструмента как наиболее хорошо понимаемая большинством современных людей тема - решение экологических проблем, которая к тому же с профессиональной точки зрения наиболее близка мне. Все мои контакты с международными организациями, действующими в регионе, проходят под знаком решения экологических проблем региона.

Следует отметить, что экологическая тема является весьма привлекательной и живо обсуждается большинством организаций, с которыми приходится контактировать, но, практически, мало кто поддерживает реализацию прямых экологических проектов в Абхазии, а недоверие сторон друг другу не позволяет даже приблизиться к реализации совместных экологических проектов в постконфликтных условиях.

Причиной последнему является: во-первых, действующие установки по поддержке проектов в Абхазии; во-вторых, крайне трудные условия, упомянутые выше, в которых оказываются медиаторы и фасилитаторы. При этом многие международные организации полны готовности поддержать любой совместный экологический проект, но отсутствие разработанной методики и механизма поддержки и реализации совместных экологических проектов в постконфликтных регионах и в жестко разделенных сообществах не позволяют эффективно решать эти проблемы.

Среди неправительственных организаций на Кавказе наибольшую активность в плане межнациональных контактов в регионе проявляют организации специализирующиеся на решении проблем, связанных с посттравматическим синдромом, правами человека, беженцами и перемещенными лицами, а также журналистские и женские организации. Неправительственные экологические организации не проявляют активности, особенно в проблемах, в которых прямо не решаются или не ставятся экологические вопросы, а имеется конфликтологический аспект. Показательно, что на форуме неправительственных организаций Кавказа в Нальчике (июль, 1998 г., организатор International Alert), на котором участвовало более десятка организаций, было предложено отобрать наиболее приоритетные темы для сотрудничества, и конференция отклонила всю экологическую тематику.

В данных условиях действовать может лишь очень хорошо оснащенный в финансовом и методическом плане медиатор. Таким в настоящее время в регионе, несомненно, является кафедра Global Peace and Conflict Studies (GPACS) факультета социальной экологии Калифорнийского университета (UC, Irvine), которая благодаря активности профессора Пола Гарб (Paula Garb), сумела запустить двухсторонний симметричный (параллельный) проект (точнее, серию взаимосвязанных проектов, в том числе, и экологический) и поддерживать его на протяжении более двух лет.

Отчасти, позитивный опыт в реализации экологических проектов с симметричной схемой принадлежит, также, и Caucasus LINKS.

Во всех случаях, успех связан с симметричной структурой имплементации проекта. На практике невозможно достичь полной симметричности, и поэтому в реальности схема может выглядеть как параллельная. Но для сторон весьма важно, чтобы основные параметры были равноценны (число участников, бюджет и другие параметры формата). Очевидно, есть необходимость подробно описать эту схему (рис.1). На схеме показано, как формируются шаги в процессе развития проекта (показано римскими цифрами). Схема симметричного проекта может носить циклический характер и после прохождения с I по VI шаг цикл может повторяться, вовлекая новых людей и рождая новые идеи. Кроме того, могут мультиплицироваться отдельные шаги (III, V) - это создает внутренние циклы, усиливающие механизм настройки схемы на оптимум.

К несомненным достижениям симметричной методики следует отнести отбор, как участниками с обеих сторон, так и медиаторами лиц, которые в процессе контактов лучше узнают друг друга и устанавливают доверительные отношения между собой, основанные на общечеловеческих моральных ценностях. Важным элементом ее является постоянное расширение круга участников и увеличение числа контактов.

Следует отметить, что симметричная и параллельная схема обеспечивает равнопартнерство с доминирующей стороной в конфликте, что создает психологически благоприятную среду контактов. Но не следует обольщаться на этот счет, так как в рамках данной модели равнопартнерство носит скорее виртуальный характер и может привести, со временем, к деформации соответствующих секторов формирующегося гражданского общества, даже и у доминирующей стороны.

Очевидно, в жестко разделенных сообществах, симметричная модель имплементации экологических проектов может носить начальный или подготовительный характер, так как трудно от нее перейти к непосредственной реализации экологических проектов, связанных с решением конкретных экологических проблем, во всяком случае, до сих пор это не удалось сделать в полной мере. Причиной тому, вероятно, является неустойчивость этой схемы, которая при отсутствии достаточного внимания медиатора, среды контакта сторон, созданной посредником, скоро разрушается под натиском объективных обстоятельств - это с одной стороны, а с другой стороны для реализации конкретных экологических проектов всегда требуются специальные ресурсы (высокотехнологичное оборудование, программное обеспечение и прочее) и отдельная финансовая поддержка, порой весьма значительная (это показал

форум по экологическим проблемам Черного моря в Калифорнийском университете, проходивший 2-14 февраля 1998 года, организованный кафедрой GPCS UC, Irvine, где была сделана попытка запустить совместный проект, но это потребовало значительных материальных затрат и проект не удалось реализовать).

При этом, создание самой среды симметричного проекта уже связано с привлечением значительных ресурсов и, что очень существенно, требует больших эмоциональных затрат со стороны медиаторов. Последнее связано не столько со спецификой региона, сколько с остротой восприятия конфликта сторонами и, естественно, эмоциональный уровень участников объективно требует ответа у фасилитаторов. На схеме (рис.1) это показано двухсторонними стрелками, ведущими от медиатора к каждому шагу проекта.

Здесь, следует отметить, что выбор экологической проблемы для оформления в проект, в случае с симметричной моделью, имеет решающее значение. Все рассматриваемые экологические проблемы, территориально связанные с одной из сторон, отвергались как неприемлемые для оформления в проект, так как нарушали симметричную схему и создавали непреодолимый барьер недоверия. Опыт показал, что рассматривались и обсуждались как возможные для реализации только те проекты, которые связаны с решением экологических проблем, имеющих общее распространение во всем регионе или субрегионе. Таковыми в нашем случае являлись проекты охраны мигрирующих видов животных, мониторинг вод Черного моря, а также совместные акции, приуроченные ко Дню Черного моря и проводимые во всем черноморском регионе.

Активность в рамках симметричной модели в основном носит характер встреч, конференций и дискуссий, особенно на начальном этапе, что делает очень важным выбор места проведения встреч. Логика модели требует выбора нейтральной территории и исключений в моем опыте не было.

Наиболее трудным местом в схеме является свободный обмен экологической информацией, так как недоверие сторон и возможность использования полученной информации во вред одной из сторон ставит серьезные преграды в развитии процесса гражданской дипломатии на основе экологической темы.

Есть опыт решения и этой проблемы: ответственность за информационную безопасность сторон берет на себя медиатор (т.е. материалы по

проекту передаются медиатору и он обеспечивает соблюдение “правил игры” и ограничивает использование этой информации за рамками проекта в соответствии с принятыми соглашениями), но здесь следует сделать оговорку, что это может обеспечить только очень солидный медиатор с серьезным авторитетом.

Подробное рассмотрение параллельной схемы реализации экологического проекта нецелесообразно в рамках данной статьи, в силу того, что она представляет собой частный и более свободный вариант симметричной модели имплементации. На практике, после прохождения первого цикла, проект естественным образом становится параллельным или близким к нему, так как условия реализации проекта сторонами не могут совпадать полностью. Показательно, что уважение к медиатору у сторон тем выше, чем более он устойчив перед натиском обстоятельств и строг следованию идеальной модели. Как же обеспечить устойчивость схемы симметричного проекта и расширить базу гражданской дипломатии? Если симметричный проект - это начальный этап, то что есть следующий шаг?

Опыт, накопленный за последние годы, дает возможность предложить новую модель имплементации экологических проектов в посконфликтных условиях, которая могла бы стать следующим шагом после симметричной модели и ее адаптивной формы - параллельной. Когда имеются необходимые предпосылки: выработаны доверительные отношения у определенного круга участников с обеих сторон, накоплен позитивный опыт общения, отработан механизм контактов с участниками сторон, а также посредником и есть необходимость сделать следующий шаг к устойчивой модели имплементации экологических проектов. Суть этой модели заключается в том, что выработанная идея, оформленная в проект вместе с группами сторон, имплементирующими проект, вводится в уже существующие рамки международной экологической организации, действующей в регионе, как например Черноморская Экологическая Программа (BSEP), а именно, в рамки неправительственного крыла этой организации. При этом из неизбежно возникающих многочисленных связей и контактов в многосторонней среде, медиаторами могут активно поддерживаться связи и контакты именно между интродуцированными группами конфликтующих сторон. Схематично эту модель можно представить состоящей из трех шагов (рис.2). Первый шаг, как и прежде, представляет собой инициативу медиатора или организации (рабочей группы) в создании проекта, следующий шаг - поиск и отбор организации партнера (партнеров). Третий шаг – это встреча (конференция), выработка взаимоприемлемых идей и подготовка экологического проекта

и далее интродукция организаций или рабочих групп в рамки международной региональной экологической организации. Несомненно, параллельно медиатору придется решать вопросы формата проекта с руководством региональной экологической организации, а также вопросы фондрайзинга и другие.

Актуален и вопрос заинтересованности региональной экологической организации в принятии в свой формат “прозрачной рамки”. Здесь интерес лежит и в сфере расширения охвата организацией территории до этого не представленной в ней, а, следовательно, получение более полной экологической информации со всех точек региона и более полной координации природоохранной деятельности.

Предлагаемая модель может быть условно названа “моделью прозрачной рамочной интродукции”. К преимуществам данной модели относятся: во-первых, устойчивость схемы за счет существующих структурных связей в системе, куда вводятся группы; во-вторых, возможность реализации конкретных экологических проектов и решение конкретных экологических проблем; в третьих, поддержка развития в третьем секторе экологических организаций, а также расширение круга специалистов-экологов и активных людей, вовлеченных в гражданскую дипломатию и дальнейшее углубление мер доверия.

Весьма важным обстоятельством в данном варианте имплементации экологических проектов станет большая открытость, прозрачность и меньшая деформация формирующегося гражданского общества у конфликтующих сторон.

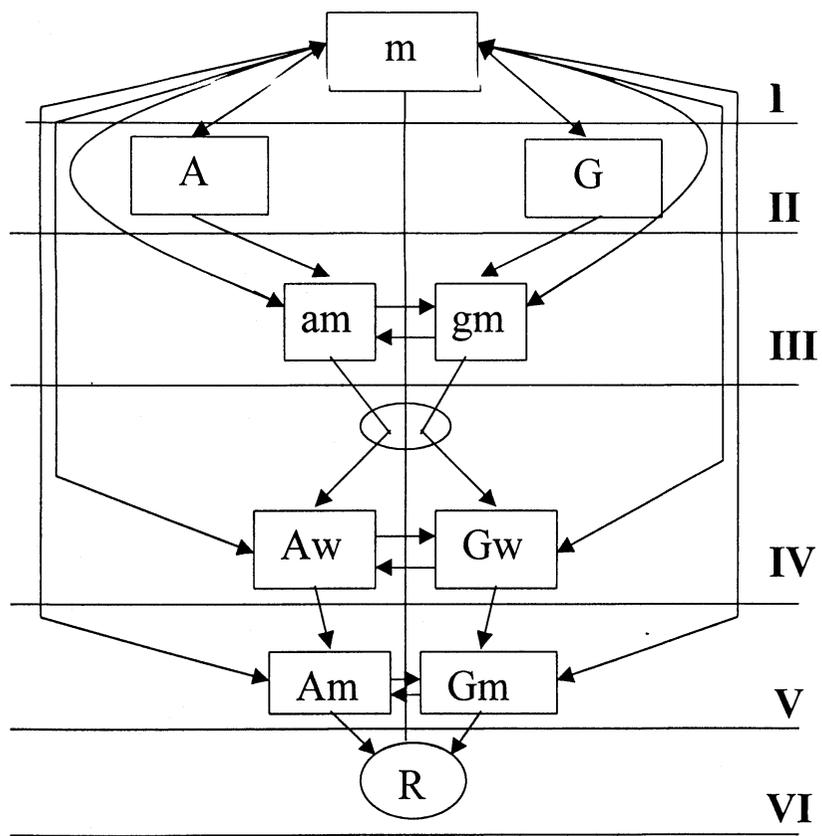

Рис.1. Схема реализации симметричного (параллельного) экологического проекта в жестко разделенных сообществах.

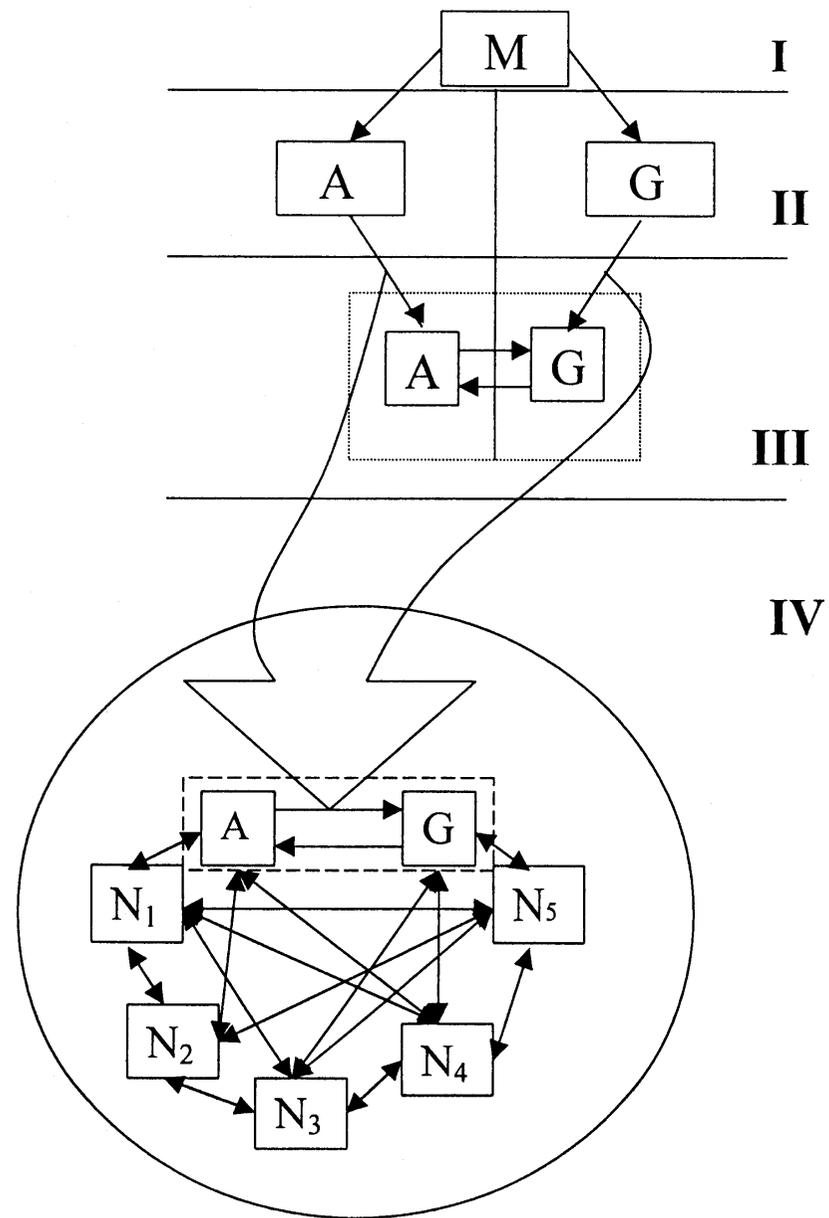

Рис.2. Схема реализации механизма "интродукции прозрачной рамки" в региональную экологическую организацию.

Условные обозначения:

- медиатор

- абхазская NGO

- грузинская NGO

- NGO, действующие в регионе

- условные рамки

- связи (контакты)

- активные контакты между NGO противоборствующих сторон

- международная экологическая организация, действующая в регионе

I-VI – шаги в реализации симметричных параллельных проектов

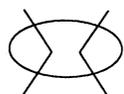
- результат симметричного проекта (публикации, акции и др.)

- встречи, конференции NGO

- работа сторон над симметричным проектом

- выработка общей идеи экологического проекта

Экологические проблемы восточной части Чёрного моря и их роль в народной дипломатии

Посвящается памяти безвинных людей,
погибших в бессмысленной войне.

Введение

На долю современного поколения выпала особая участь - жить в условиях стремительного прогресса научно-технических достижений с одной и глубокого экологического кризиса с другой стороны. Разница в одном, если экономика и научно-технический прогресс могут развиваться внутри одного государства, экологические кризисы распространяются независимо от политических границ и могут охватывать огромные территории.

Экономика и экология - явления взаимосвязанные и вместе с тем взаимоисключающие. В целом, развитие общества вызывает нарушение в среде обитания, но экологически развитые страны в состоянии платить за сохранение и улучшение природы. Нарушение взаимодействия между человеком и окружающей средой особенно тяжело отражается на судьбе развивающихся стран, где природные ресурсы часто бывают единственным средством существования, истребление которых только усугубляет кризис.

Нарушение природного равновесия особенно опасно на морях и водных пространствах и прежде всего близ берегов, где скорость обмена веществ на порядок выше по сравнению с сушей. К сожалению, экологические катастрофы чаще всего наблюдаются именно в береговой зоне морей и это не удивительно, так как преобладающее большинство населения земного шара живёт близ морей и океанов. С промышленной и транспортной точки зрения, берега также максимально освоенные регионы, не напрасно вся история человечества теснейшим образом связана с побережьем. Несомненно, берега обладают особой силой притяжения и надо всегда помнить, что и жизнь и цивилизация зародились именно в береговой зоне.

Чёрное море, одно из колыбелей цивилизации и история человечества тесно связана с её побережьем. Само море и её берега всегда при-

влекали особое внимание, что было определено особым богатством природных ресурсов и важным стратегическим положением. Эта тенденция продолжается до сих пор.

Интерес к Чёрному морю вызван не только особенным расположением и богатством природы его бассейна, но и большим экономическим значением. Экономическая роль Чёрного моря особенно возросла в последние годы, когда после развала Советского Союза и Социалистического лагеря, Причерноморские государства фактически заново устанавливают свои интересы на морскую акваторию. К сожалению, этот процесс проходит не всегда в дружелюбной форме. В экономике Чёрного моря на передний план выходят перевозка грузов по древнему «шелковому пути», а также добыча и транспортирование нефти. В связи с этим уже начато расширение существующих портов, планируется также строительство новых.

Общеизвестно, что вокруг Чёрного моря расположены важные промышленные и военные объекты. Нельзя забывать также, что в недалёком прошлом Чёрное море имело важнейшее курортное и рекреационное значение. Несмотря на то, что в последние годы эта роль снизилась, черноморские курорты в зоны отдыха вновь привлекают туристов.

Для регулирования сложных экономических проблем Черного моря в 1992 году сослано Черноморское экономическое содружество (BSEC), куда кроме шести причерноморских государств (Болгария, Грузия, Россия, Румыния, Турция, Украина), входят – Азербайджан, Албания, Армения, Греция и Молдова.

Исходя из всего этого, можно заключить, что уже наступил новый этап в освоении Черного моря. Естественно, это требует тщательного изучения природы моря. Тем более что новый и потяжелевший антропогенный пресс крайне отрицательно отразится на и так незавидном экологическом состоянии моря.

За последние годы, с изменением политической ситуации, наступили новые времена в изучении Чёрного моря, исследования принимают международный характер. При Межправительственной океанографической комиссии ЮНЕСКО (ИОС) в 1996 году создан Региональный комитет Чёрного моря (BSRC). Целью этого комитета является координация научных исследований по Чёрному морю. По программе этого комитета уже выполняются два пилотных проекта - 1) Black Sea International Observation System и 2) Black Sea Sediment Fluxes. В работе проектов участвуют видные специалисты причерноморских стран. ЮНЕСКО ра-

боту не финансирует, средства выделяются только на совместные экспедиционные работы и конференции. Кроме BSRC совместные работы по Чёрному морю проводят МАГАТЭ и другие международные организации.

По инициативе Black Sea Environmental Programme опубликована книга "Black Sea Bibliography", издана дискета Black Sea Geographic Information System, публикуются журналы и газеты.

В результате совместных работ изданы книги «Практическая экология морских регионов - Чёрное море», "Coastlines of the Black Sea", "Black Sea Fluxes" и т. д.

Совместные работы осуществляются на основе следующих межправительственных соглашений:

- 1) Бухарестская конвенция о защите Чёрного моря (1992 г.).
- 2) Одесская декларация министров охраны природы (1993 г.),
- 3) Стратегия действия по реабилитации и защите Чёрного моря (1996 г.) и других международных соглашений.

Роль экологических исследований в народной дипломатии

Экологические проблемы носят глобальный характер и распространяются независимо от политических границ, особенно опасны они для таких замкнутых водоёмов, каким является Чёрное море.

В введении уже отмечалось, что после развала Советского Союза и Социалистического лагеря исследования Чёрного моря принимают международный характер. Несмотря на отсутствие финансов, общими усилиями уже достигнуты значительные результаты, что было практически исключено при старом режиме. Совместные работы сыграли исключительно положительную роль в области обмена информации и сближения специалистов разных стран.

Абхазские специалисты в совместных исследованиях не участвуют, в связи с чем в первую очередь сами оказались в убытке. Нет также информации о том проводят они или нет морские исследования собственными силами. До 1992 года научно-производственное объединение «Грузберегозащита» проводила регулярные режимные наблюдения по всей береговой зоне. Хорошо устроенные стационарные лаборатории действовали в Пицунде, Очамчира, Ноги и Батуми. В Аджарии и Колхиде, хоть и в уменьшенном масштабе, но работы продолжаются. О судьбе Пицун-

дской и Очамчирской лаборатории ничего не известно. Нет сведений также о Сухумских управлениях - «Абхазберегострой» и «Карьерландшафтстрой». Усилиями сотрудников этих учреждений, в течение почти 20 лет проводились исключительно полезные исследования в береговой зоне. Результаты этих исследований легли в основу всех береговосстановительных работ. Следует отметить, что как в научных лабораториях, так и в производственно-строительных управлениях работали специалисты разных национальностей и за время длительной совместной работы не было ни одного конфликта на национальной основе.

Опыт совместной работы показал, что когда есть общая цель, для достижения этой цели тратится максимум энергии и для конфликтов не остаётся времени. В 70 и 80 годы такой целью было - создание искусственных берегов. Надо отдать должное так же высокой культуре и образованности работающих там сотрудников.

Современный мир находится на грани опасности, нынешнее состояние природной среды, в том числе атмосферы и океана, довольно тяжёлое. Спасти Мир можно только общими усилиями и это должно превратиться в главную и основную цель нынешнего поколения.

В нашей ситуации основной целью надо поставить спасение и улучшение природы Чёрного моря. Наше море нельзя рассматривать по кускам, оно одно целое, одна природная система. Чем масштабнее будет подход, тем лучше будут результаты.

Восточную часть Чёрного моря можно рассматривать как отдельную и самостоятельную автономную область. Здесь однотипные берега, сформированные под совместным влиянием речных наносов и волнений. По всей береговой дуге преобладают волны подходящие с запада. Вынесенные реками наносы распространяются внутри этого сектора, где и происходит их седиментация, этим они даю начало новым осадочным породам. Течение и вдольбереговые потоки также быстро распространяют опасные загрязнители, чем создаётся опасность для населения всего восточного Причерноморья. Количество нефтяных загрязнителей возрастает после ввода в эксплуатацию Супсинского терминала и в случае аварии они быстро распространятся в сторону Абхазии.

С твёрдой уверенностью можно сказать, что только в совместных работах и в общих усилиях таится наше спасение. Прежде всего, надо разработать единую методику для мониторинга. В начальной стадии по общей методике можно проводить самые простые наблюдения на состоянии пляжей и русел рек. Желательно, чтобы с обеих сторон принимали

участие школьники, студенты, активисты защиты природы и все желающие. Инициативная группа при периодических встречах будет обрабатывать и сверять результаты наблюдений. Желательно работу поощрять материально или в какой-либо другой форме. В дальнейшем, с улучшением общей ситуации, можно увеличить число участников и распространить мониторинг на большие территории.

Совместная работа будет способствовать сближению людей, в результате чего повысится уровень доверия и взаимопонимания.

Мониторинг необходимо осуществлять в морской части, на берегу, в устьях рек и в береговой зоне в целом. Результаты наблюдений надо издавать в виде бюллетеней, а оперативными данными, особенно метеорологическими, постоянно обмениваться.

Необходимо также, чтобы абхазские специалисты принимали участие в интернациональных программах исследования Чёрного моря. Их отсутствием создаются «белые пятна» в общем банке информации. Ведь после 1992 года о состоянии моря в пределах Абхазии отсутствует всякая информация, нет сведений о климате, режиме рек, а также о состоянии природной среды.

О совместных работах надо постоянно информировать население, это повысит доверие к народной дипломатии, и жители прибрежных районов будут осведомлены о состоянии окружающей среды.

Наше поколение обязано так использовать природные ресурсы, чтобы они остались нашим детям и вместе с тем заботиться об их воспроизводстве. Надо всегда помнить мудрые слова древних стоицистов, что надо «жить в соответствии с природой», а для этого необходимо глубокое и всестороннее изучение окружающей среды, в противном случае человек из *Homo sapiens* превратится в «разрушителя с большим мозгом» (термин американского палеонтолога В. Грегори).

Человек любой национальности частица природы и вместе с тем венец его развития. Природа может развиваться без человека, но человек не может прожить ни одного дня без окружающей среды. Наше поколение стоит перед Шекспировской альтернативой «быть или не быть» - выбор за нами.

Ниже приводятся данные о географии и экологии восточной части Чёрного моря, которые могут принести пользу при дальнейших совместных исследованиях.

География восточной части Чёрного моря

Расположенное между Европой и Азией, Чёрное море, одно из самых интересных и специфических частей Мирового океана. Бассейн моря имеет асимметричную форму и впадающие в него реки формируются в совершенно разных природных условиях двух континентов. Площадь самого моря 423 тыс. кв. км, площадь бассейна - 2,5 млн. кв. км, длина береговой линии достигает 4,1 тыс км.

Чёрное море, или Понт Эвксинский, всегда привлекало внимание путешественников и исследователей. Оно было хорошо известно народам, населяющим берега восточной Средиземноморья. Первые сведения о Понте относятся к VIII веку до нашей эры. В мифе об Аргонавтах довольно правдоподобно описано путешествие Ясона в Колхиду. Сведения о Понте Эвксинском можно найти в «Одиссее» Гомера. Более подробные данные о Понте Эвксинском приводят: Геродот, Страбон, Птоломей и др. Детальное описание берегов и устьев рек даётся во «Всеобщей истории» Полибия (201-12 гг. до н. э.)/1/.

Инструментальные гидрографические работы на Чёрном море проводятся с конца XVIII века. Первые точные карты, охватившие всё море, были составлены в 1825-1836 гг. капитаном Е.П. Мангарани, а лоция Чёрного моря издана в 1851 году. Со второй половины XIX века начинается всестороннее научное исследование Чёрного моря, его побережья и бассейна в целом. В настоящее время Чёрное море одно из самых изученных морских бассейнов из всех существующих на планете. Вместе с тем некоторые отрасли требуют уточнения и дополнительных исследований. Обстоятельство осложнено ещё тем, что в последнее время сильно возрос уровень загрязнения моря, что в свою очередь связано со стоком воды и наносов с прилегающей суши.

К северо-восточной части моря прилегает Кавказский хребет со своими отрогами. Восточная часть граничит с Колхидской низменностью, а юго-восточная - с малым Кавказом. К южному Анатолийскому побережью прилегают Понтийские горы. Западная часть граничит с Балканским полуостровом, а северная - со степями Восточно-европейской низменности.

Современная береговая зона восточной части Чёрного моря образована в результате совместной деятельности рек, выносящих песчаный, галечный и валунный материал, и волнений, разносящих речной и аллювий вдоль морского берега. Часть обломочного материала безвозвратно теряется в подводных каньонах, а мелкозернистая непляжеобра-

зующая фракция отчуждается и участвует в процессе осадконакопления на шельфе и в глубоководной части моря/3, 5, 6, 7, 8,10,11,15,18, 19,20,21,23/.

Согласно А.К. Кикнадзе /10,11/, в ходе развития восточной части Чёрного моря, с начала голоцена (10-12 тыс лет назад), с окончанием последнего материкового оледенения сменились три основных -этапа В первой половине древнечерноморского берег имел преимущественно риассовый характер, и длинные заливы внедрялись вверх по долинам крупных рек. Эстуарии быстро превращались в сушу, так как преобладающее большинство речных наносов оставалось в них и не доходило до моря. По мере заполнения заливов аллювием берег стал ровным и постепенно принял плавную окружную форму. Поступавшие на взморье речные наносы формировали два мощных и вдольбереговых потока, которые были направлены к центру Колхиды. Перемещение береговых наносов осуществлялось за счёт энергии господствующих западных волнений. Эти два потока вместе с наносами Риони способствовали заполнению залива на месте нынешней Колхидской низменности. Ко времени стабилизации уровня моря (5-6 тыс. лет назад) большое количество речных наносов сформировало сложные приустьевые дельтовые выступы. Мысы и береговая зона оказались разделённой на несколько динамических систем, имеющих собственные источники питания и участки потерь наносов.

Переходная зона между Кавказом и Черноморской впадиной отличается высокой тектонической активностью и вполне вероятно, что в плейстоцене тут образовались мощные срывы, чем определено отсутствие шельфа на большинстве участков берега /11/.

Шельф шириной до 20 км прилегает к берегу между Пицундским заливом и г. Сухуми (Гудаутская банка). Узкий шельф прилегает также к району г. Очамчира. Неширокий Колхидский шельф (до 10-15 км) сильно расчленён подводными каньонами, приуроченных к устьям рек Ингури. Риони и Супса. Кроме них подводные каньоны расположены близ устьев Бзыби, Кодори, Чорохи, а также у Батумского мыса.

Речной аллювий в устье доставляется в виде взвешенных и влекомых наносов, вид перемещения которых почти полностью зависит от крупности самих наносов. Обычно донные наносы почти полностью являются береговыми (пляжеобразующими). Также береговыми могут быть крупные взвешенные наносы, особенно часто это наблюдается на горных реках. Разделение наносов на береговые и морские правильное всего по крупности обычно на приглубых галечных берегах Абхазии и

Аджарии пляжеобразующими являются наносы крупнее 0,25 мм, а на песчаных пляжах Колхиды крупнее 0,1 мм

Вынесенные на устьевое взморье наносы оказываются под влиянием морских факторов. Крупная составляющая аллювия в виде донных наносов образует подводные конусы выноса и авандельты. Пресные речные воды, транспортирующие во взвешенном состоянии большое количество наносов, не смешиваются с морской водой, а растекаются по поверхности слоем 2-3 метра. Пресная речная вода, даже насыщенная наносами всегда легче морской воды. В морской части, взвешенные наносы выпадают из речной струи в виде «песчаного дождя». Интенсивность и крупность этого «дождя» тем выше, чем ближе к устью происходит выпадение. Речной поток доставляет только глинистые непляжеобразующие фракции.

Характерно, что каждая река в береговой зоне выносит свойственные только для её бассейна маркирующие породы, что облегчает установление границ распространения выносов каждой отдельной реки /10/.

Таким образом, формирование побережья восточной части Чёрного моря становится зависимым от прилегающей суши. Роль связывающих «артерий» суши с морем выполняют реки, доставляющие в береговую зону моря продукты разрушения горных пород. В итоге, речные долины, устья рек, побережье и море представляются единым комплексом. В связи с этим систему река-устье-море можно рассматривать как единое целое.

Начиная от устья Мзымты до устья Чорохи, в береговой зоне речными наносами сформированы восемь самостоятельных береговых динамических систем, которые представлены в виде отдельных вдольбереговых потоков. В северной части потоки Северо-западный, Бзыбский, Мюссерско-Хипстинский, Гумистинский, Келасурский и Кодорский направлены на юг. Чорохский поток имеет северное направление. Колхидская динамическая система, где наносы р Риони растекаются в обе стороны, не имеет постоянного направления. /11/

В Мюссерско-Хипстинском потоке выделяются две подсистемы, в районе Мюссерских холмов значительную роль играет абразия клифов, после чего поток полностью переходит на аллювиальное питание. Незначительную роль играет также донное питание в районе Гудаутской банки /2/. В настоящее время вдольбереговые потоки Кодорской и Чорохской систем прерваны портовыми молами, и они развиваются как отдельные самостоятельные подсистемы. Разделена пополам Потийским портом и Колхидская динамическая система.

В современной динамике морских берегов Восточного Причерноморья всё более возрастающую роль играют антропогенные вмешательства в естественном режиме. В результате чего береговая зона испытывает сильный дефицит пляжеобразующих наносов, и берег повсеместно размывается и отступает. Буны, волноломы, подпорные стены, блоки, тетраподы, которые длительное время применялись для укрепления побережья, не только нарушали режим движения наносов, но и вызывали сильные низовые размывы.

Гранулометрический состав пляжевых отложений полностью зависит от крупности поступивших влекомых наносов рек. В Абхазии и Аджарии в береговой зоне преобладает галька, в направлении Колхиды крупность уменьшается и в районе впадения рек Ингури, Хоби, Риони и Супса их наносы образуют пологие песчаные пляжи. Таким образом, пляжевые наносы своей крупностью отображают особенности рельефа прилегающей суши и морфодинамику речных русел.

Устьям рек Кавказского Причерноморья свойственен широкий диапазон размеров, разнообразие мощности аллювиальных отложений и гидролого-морфологических процессов. В зависимости от состояния дельтовых и устьевых участков рек определяется динамика аккумулятивных берегов, в том числе и их стабильность. На Кавказском побережье можно выделить три основные группы речных устьев:

1. Устья рек, откуда в море поступают пляжеобразующие наносы, в несколько раз превышающие по объёму ёмкость вдольберегового потока. Этот тип устья формируется под преобладающим влиянием речных факторов. Таковыми являются устья рек - Чорохи, Риони и Кодори (р.Ингури относилась к ним до сооружения плотины Ингури ГЭС).

2. Ко второй группе относятся реки, выносящие наносы соразмеримые с ёмкостью вдольберегового потока наносов. Из года в год, в зависимости от штормовой активности или обилия речных наносов. Преобладает один из факторов, но в многолетнем разрезе влияние речных или морских факторов здесь можно оценить равнозначно. К таким относятся Взыбь, Гумиста, Псоу и Супса.

3. К третьей относятся реки, выносящие наносы в значительно меньшем количестве мощности вдольберегового потока наносов. Их устья всегда формируются под преобладающим влиянием морских факторов.

В первом случае баланс наносов на устьевом взморье всегда положительный. Второй тип в многолетнем разрезе можно отнести к устьям со сбалансированным взморьем, а в третьем случае количество речных

наносов в большинстве случаев оказывается недостаточным для поддержания баланса.

Реки, выносящие в море пляжеобразующие наносы и формирующие берега, в преобладающем большинстве случаев характеризуются одорукавными устьями. Обусловлено это тем, что речные наносы не расходуются на формирование и наращивание дельт, а вовлекаются во вдольбереговые потоки. При избытке наносов, они начинают накапливаться, и формируется мыс, что является аналогом дельтообразования, только смещенного вдоль морского берега. Такими являются мысы - Пицундский, Кодорский, Сухумский и Батумский. Единственная река, которая образует двухрукавную дельту, это Риони, в устье которой преобладают волны, подходящие к берегу по нормали.

С реками и обильным стоком их наносов связаны также подводные каньоны, наличие которых является характерной чертой восточной части Чёрного моря. Несколько групп и ряд одиночных каньонов сосредоточены между устьями рек Мзымта и Чорохи. Вершины большинства каньонов лежат на глубинах 15-25 м. некоторые же врезаются в береговую зону, и их крутой свал начинается с 6-10 м. Уклоны ложа варьируют в пределах 6-20°, встречаются также отвесные уступы, крутизна которых достигает 45°, а на отдельных участках наблюдаются вертикальные стенки. В морской части каньоны прослеживаются до глубины более 1000 м /13, 15. 17/.

Волнение моря - основной источник энергии на Черноморском побережье. Все береговые процессы (движения наносов, абразия, аккумуляция и др.) в преобладающем большинстве случаев определяются влияниями волн.

Штормовая активность моря в течение года распределяется неравномерно, активность моря достигает максимума в феврале, затем резко уменьшается и в мае становится минимальной. После незначительного увеличения в июне и июле она снова уменьшается, и следующий пик максимума штормовой энергии наступает в октябре-ноябре, и в декабре и январе море сравнительно утихает. Основными энергонесущими штормами являются волны пяти и выше балльности. Массовая переработка берега происходит именно при таких волнениях. Волны выше восьми баллов наблюдаются в среднем раз в 10-12 лет. По направлению, основными энергонесущими волнами для берега восточного Причерноморья являются шторма западного, юго-западного и северо-западного направлений.

Поверхностные течения Чёрного моря зарождаются в устьях больших рек и в проливах, а также индуцируются полем ветра. Течения носят характер циклонического круговорота, охватывающего всё море по периферии кольцевым течением, направленным против часовой стрелки. В восточной части моря генеральное направление с юга на север в районе Батуми и Сухуми образуются небольшие круговороты. Близ берегов часто создаются местные компенсирующие течения. Следует отметить, что течения не играют существенной роли в формировании и динамике берегов.

Таким образом, согласно В.П. Зенкевичу /8/, решающее значение в формировании облика береговой зоны и подводного склона восточного Причерноморья принадлежит обилию аллювиального материала. Наличие рек, доставляющих в море большое количество крупных наносов, качественно меняет морфологию берега. Аллювиальные и дельтовые равнины, речные террасы, затопленные дельты, вдольбереговые потоки и целый комплекс образований, связанных с речными наносами, указывает на то, что основная черта развития береговой зоны восточной части Чёрного моря - процесс аккумуляции речных наносов. Этот процесс имеет большую давность и берег выдвинут настолько, что им перекрыт шельф.

Экология восточной части Чёрного моря

Экологическое состояние Чёрного моря довольно тяжёлое, вызывает тревогу также состояние его восточной части, а в некоторых локальных районах уровень загрязнения относится к катастрофическим. В большинстве случаев симптомы неблагополучия являются результатом длительного нарушения и многоступенчатых перестроек экосистем, вызванных рядом природных, а чаще антропогенных факторами. Различные виды воздействия, связанных с загрязнением морской среды, можно сгруппировать на четыре основных вида: биогенными веществами, взвешенными частицами, высокотоксичными веществами и редокс-активными веществами.

Основными источниками поступления биогенных веществ в морскую среду являются - коммунальные сточные воды, поверхностный сток с сельскохозяйственных полей, сток животноводческих комплексов и зоны рекреации. Загрязнение взвешенными частицами происходит за счёт смыва с почвы и сброса недоочищенных сточных вод. Высокотоксичные вещества всегда антропогенной происхождения и образуются они в промышленных предприятиях (тяжёлые металлы, радионуклиды, хлорорганические соединения, нефтепродукты, красители и т.д.). Редокс-

активные вещества образуются в сточных водах, и они могут быть как окислительной, так и восстановительной природы

Степень загрязнения восточной части Чёрного моря можно оценить как нежелательное, но не тревожное. Есть районы, где загрязнители в 10-15 раз превышают норму. Одним из таких мест является Батумская бухта, где коммунальные сточные воды опускаются в море без предварительной обработки. Сточные воды превышают норму близ всех населённых пунктов. В ближайшее время загрязнение нефтепродуктами повысится в районе устья р. Супса. Следует отметить, что поверхностными и волновыми течениями загрязнители распространяются довольно быстро и в разной степени охватывают всю восточную часть Чёрного моря.

Важной проблемой для восточной части Чёрного моря является размыв и отступление береговой зоны. Эрозия берегов глобальная проблема и ею одинаково страдают все приморские государства. Основная причина размыва - дефицит береговых наносов, особенно интенсивно этот процесс протекает на аллювиально-аккумулятивных берегах.

Первые признаки размыва берегов были отмечены в конце XIX века, что было связано со строительством порта в Батуми. Переброской устья Риони севернее города начались интенсивные размывы суши в пределах Поти. Строительством портового мола в устье р. Моква был перекрыт вдольбереговой поток Кодорской динамической системы, чем были спровоцированы размывы в пределах г. Очамчира и в Гальском районе.

Кроме строительства портов в 40-60-ые годы в качестве строительного материала с береговой зоны изымались наносы. В общей сложности было изъято до 40 млн. куб. м. пляжевых отложений. В результате всего этого с 50-ых годов размыв берегов принял катастрофический характер.

С 1960 по 1980 годы берега укрепляли разными гидротехническими сооружениями. В общей сложности было истрчено 125 млн. рублей. Вопреки ожиданиям, результат был отрицательным. Длина размыкаемых берегов увеличивалась, а бетонные сооружения рушились. К 1980 году общая длина размываемых берегов достигла 220 км.

В 1981 году на базе лаборатории береговой зоны моря Института географии Академии наук Грузии было создано научно-производственное объединение «Грузберегозащита». Сотрудниками объединения был разработан принципиально новый метод защиты берегов - вместо строительства берегоукрепительных гидротехнических сооружений, восстанавливался баланс наносов береговой зоны путём создания искусствен-

ных пляжей. Необходимо отметить, что новый метод обходился в два раза дешевле. В результате 10 летней работы (с 1981 по 1991 годы) были восстановлены берега в Гагра, Сухуми, Очамчира, Поти, Чакви, Махинджаури и т. д. Протяжённость новых пляжей составляла почти 100 км, а общая площадь искусственных пляжей превысила 150 га.

Принцип искусственного восстановления пляжей состоял в том, что они повторяли естественный процесс. Принимая удар волн на себя, они перемещались и гасили волновую энергию. Таким образом, восстанавливалась природа береговой зоны. Кроме защиты побережья искусственные пляжи приносили пользу рекреационным зонам, а также способствовали чистоте воды, так как морская вода фильтровалась в песчано-галечных отложениях.

Разработанный в Грузии метод был успешно применен на Кубе, при восстановлении пляжей курорта Варадеро, в Болгарии, России и Прибалтике.

С 1991 года работа по берегозащите практически прекратилась. Полностью размылся песчаный пляж в Поти. В Абхазии и Абхазии галечные пляжи пока сохраняют стабильность, но в ближайшие годы они тоже начнут деградировать.

Кроме размыва берегов из-за дефицита береговых наносов, в ближайшие годы в береговой зоне появится новая глобальная проблема. В связи с накоплением в атмосфере углекислого газа на нашей планете начинается «тепличный» эффект, что вызовет общее потепление, в результате чего начнут таять полярные и горные ледники, повысится уровень Мирового океана. Согласно прогнозам, в середине XXI века уровень океана повысится на 50 см. что вызовет интенсивный размыв берегов. В случае если в ближайшее время не будут приняты меры по защите берегов, процесс примет необратимый характер со сложнейшими последствиями.

Древние жители Средиземноморья называли Чёрное море «Понт Эвксинский», что означает доброжелательное море. Думаю, наше поколение обязано помнить мнение наших далёких предков.

Аннотация

В статье предлагается использовать совместные экологические исследования в качестве народной дипломатии.

Совместная работа для достижения общей цели должна положительно повлиять на развитие конфликта. В качестве общей цели надо

выбрать спасение Чёрного моря и осуществление полноценного мониторинга в её восточной части. Предлагается, по общей методике, проводить самостоятельные наблюдения на состояние пляжей и русел рек. В дальнейшем необходимо увеличивать ареал и объём работ и с улучшением общей ситуации проводить совместные экспедиции и тренинги. Результаты наблюдения надо издавать в виде бюллетеней, а оперативными данными постоянно обмениваться.

О совместных работах надо постоянно информировать население, чем повысится доверенность к народной дипломатии и жители прибрежных районов будут осведомлены о состоянии окружающей среды.

Литература

1. Античная география. Москва: Географгиз, 1953. 375 с.
2. Алпенидзе М.Д. Донное питание вдольберегового потока наносов. Геоморфология. 1985, №2. С. 65-70.
3. Гидрология реки Бзыби. Тбилиси: ТГУ, 1981. 142 с.
4. Джанелидзе Ч.П. Палеогеография в Грузии в голоцене. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 177 с.
5. Джаошвили Ш.В. Сток наносов реки и пляжеобразования (на примере р. Кодори). Сообщения АН ГССР, 1985. 158 с.
6. Джаошвили Ш.В. Речные наносы и пляжеобразования на Черноморском побережье Грузии. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1986. 158 с.
7. Джаошвили Ш.В. Роль речных наносов в динамике морских берегов. Известия АН СССР, 1989, №4. С. 92-97.
8. Зенкович В.П. Берега Чёрного и Азовского морей. Москва: Географгиз, 1958. 373 с.
9. Каплин П.А. Новейшая история побережья Мирового океана. Москва: МГУ, 1973. 265 с.
10. Кикнадзе А.Г. Применение литологического метода к исследованиям динамики береговой зоны (на примере Черноморского побережья Кавказа). Вестник МГУ. География, 1970, №6. С. 88-92.
11. Кикнадзе А.Г. Динамические системы и бюджет наносов в потоках вдоль Черноморских берегов Грузии. Динамика морских берегов. XXIII Международный географический конгресс. Тбилиси: Мецниереба, 1976. С. 68-70.
12. Кикнадзе А.Г., Меладзе Ф.Г., Сакварелидзе В.В. Защита Черноморского побережья Грузии от размыва морем. ОИ ГРУЗНИИТИ, Тбилиси: 1984. 52 с.
13. Ломинадзе Г.Ф. Изменение приустьевоего взморья р. Ингури. Сообщения АН ГССР, 1984, т. 113., №1. С. 77-80.
14. Меладзе Ф.Г. Инженерные решения защиты Черноморского побережья Грузии от размывов. Природные основы берегозащиты. Москва: Наука, 1987. С. 52-56.
15. Меньшиков В.А., Пешков В.М. О величине стока пляжеобразующих наносов р. Бзыбь. Сообщения АН ГССР, 1978, т. 90. №2. С. 393-396.
16. Сакварелидзе В.В. Методические рекомендации по проектированию берегозащитных пляжей на Черноморском побережье Грузии. ОИ ГРУЗНИИТИ, Тбилиси: 1984. 116 с.
17. Сафьянов Г.А. Береговая зона океана в XX веке. Москва: Мысль, 1978. 263с.
18. Сванидзе Г.Г., Алавердашвили М.Ш., Хмаладзе О.Г., Кочиашвили Д.П. Твёрдый сток реки Жове-Квара. Сообщения АН ГССР, 1981, т. 104, №1. С. 85-88.
19. Халатьян О.И. Влияние гидроузлов Западной Грузии на береговую полосу Чёрного моря. Гидротехническое строительство. 1977, №3. С. 31-33.
20. Хмаладзе Г.Н. Выносы наносов реками Черноморского побережья Кавказа. Ленинград: Гидрометеиздат, 1978. 166 с.
21. Хмелёва Н.В., Виноградова Н.Н., Шевченко Б.Ф., Самойлова А.А. Денудация и наносы горных рек Черноморского побережья Грузии. Геоморфология, 1988, №1. С. 78-83.
22. Чалов Р.С. Географические исследования русловых процессов. Москва: МГУ, 1979. 232 с.
23. Чёрное море. Ленинград: Гидрометеиздат, 1983. 408 с.
24. Jaoshvili Sh., Kiknadze A., Sakvarelidze V. Modern Problems of Georgian Coastal Zone. Black Sea 97, Varna, 1997. P. 47-49.

О причинах малой эффективности народно-дипломатического процесса в грузино-абхазском конфликте

Народная дипломатия не может быть эффективной, если процесс поиска взаимопонимания между двумя народами ограничивается узким кругом лиц. Общественность по обе стороны конфликта должна быть по меньшей мере хорошо информирована о развитии диалога. В противном случае, даже при успешной работе процесс позитивной трансформации затронет лишь участников встреч, не имея "пространства" для дальнейшего развития.

Единичные попытки предотвратить разрастание конфликта посредством встреч представителей абхазской и грузинской интеллигенции осуществлялись еще перед войной 1992-93 гг. Но даже если не считать этот предвоенный опыт уже после завершения военных действий процесс народной дипломатии насчитывает четырехлетнюю историю. С 1995 года с той или иной частотой организовываются и проводятся встречи представителей абхазской и грузинской общественности. Однако вопрос об отношении абхазского общества к народной дипломатии и о степени его информированности о ходе абхазо-грузинских встреч до сих пор никем специально не ставился и не изучался.

Поскольку для анализа факторов, влияющих на успешность народной дипломатии необходимо представлять контекст, в котором происходит этот процесс, первая часть нашего исследования была посвящена эмпирическому сбору данных, отражающих отношение к неофициальной дипломатии, сформировавшееся в абхазском обществе. С этой целью на базе Центра Гуманитарных Программ в феврале 1999 года был проведен небольшой пилотажный социологический опрос, состоящий из трех частей. Первая часть исследования включала в себя проведение 104 блиц-интервью, состоящих из следующих вопросов:

1. Известно ли Вам что-либо о двусторонних неофициальных встречах представителей абхазской и грузинской общественности?
2. Приносят ли эти встречи вклад в урегулирование конфликта?
3. Полезны ли эти встречи для Абхазии?

Мы разделили 2 и 3 вопросы, поскольку для абхазского общества урегулирование конфликта не всегда означает удовлетворение нужд Абхазии.

Респондентами были жители Абхазии (преимущественно сухумцы), мужчины и женщины в возрасте от 17 до 75 лет. Выбор респондентов происходил в случайном порядке.

Результаты опроса приводятся в таблице № 1.

Таблица №1.

	вопрос	1	2	3
ответ				
ДА		24%	48%	76%
НЕТ		76%	52%	24%

Данные опроса отразили низкую осведомленность населения о текущем процессе неофициальной дипломатии. (Очевидно, что в сельской местности этот показатель мог быть еще ниже). При этом уточняющие вопросы позволили определить, что из числа респондентов (24%), знавших о существовании контактов с представителями грузинской стороны, более половины имели в виду лишь Афинскую встречу. Абхазо-грузинская встреча общественности, организованная и проведенная в Афинах по инициативе миссии ООН осенью 1998 года несомненно занимает важное место в поиске способов урегулирования конфликта, однако при этом очень слабо связана с процессом взаимодействия сторон на неправительственном уровне, дящемся с 1995 года. Согласно результатам нашего исследования опрошенные мало верят в возможности урегулирования конфликта средствами народной дипломатии (48%), но большинство при этом все же считают народную дипломатию полезной для Абхазии (76%).

Вторая часть социологического исследования проводилась среди участников двусторонних народно-дипломатических контактов. Им задавались следующие вопросы:

1. Верите ли Вы в народную дипломатию?
2. Приносит ли она ощутимый вклад в разрешение конфликта?
3. Какие цели Вы ставили перед собой, принимая решение об участии в двусторонней встрече?

Было опрошено 9 участников народно-дипломатического процесса. Практически все опрошенные ответили положительно на первый вопрос и выразили сомнение по поводу второго. Ответы на второй вопрос чаще всего звучали так: «В какой-то мере».

Иногда уточняли, что отсутствие видимых результатов объясняется зачаточной стадией развития процесса народной дипломатии в абхазо-грузинском конфликте. Среди заявляемых целей можно было выделить 3 категории - собственно миротворческие цели, цели связанные с информацией и цели, направленные на односторонний результат. Наиболее общим и чаще упоминаемым было желание обменяться, получить или передать информацию. Часто ответы были такими: «Обменяться достоверной информацией», «Донести истинную с моей точки зрения информацию», «Получить информацию о положении в Грузии в различных областях». Миротворческие цели редко расшифровывались и обычно звучали так: «Внести вклад в позитивное разрешение конфликта», к этой категории принадлежат и ответы, отражавшие простое желание установить контакты и вести диалог. К третьей категории мы отнесли высказывания такого типа: «Утвердиться в своих представлениях о ситуации», «Раскрывая свою позицию, дать возможность оппоненту переоценить свою собственную».

Заключительная часть опроса была ориентирована на сотрудников различных неправительственных организаций Абхазии. Этот выбор был обусловлен наибольшей активностью НПО в процессе народной дипломатии. Подавляющее большинство участников двусторонних встреч являются сотрудниками НПО. Было опрошено 24 человека. Каждого участника опроса просили выделить в порядке предпочтения 5 приоритетных сфер деятельности для вложения средств, полученных от гипотетического Фонда. Выбор осуществлялся из списка 10 предложенных направлений:

- 1 - Научные исследования
- 2 - Гуманитарная помощь незащищенным слоям населения
- 3 - Проекты в сфере образования
- 4 - Проекты в сфере культуры
- 5 - Медицинские проекты
- 6 - Развитие малого бизнеса
- 7 - Организация встреч в рамках народной дипломатии

- 8 - Проведение конференции по вопросам соблюдения прав человека
- 9 - Организация тренингов по развитию неправительственного сектора
- 10 - Создание нового печатного органа.

Таким образом, каждый опрошенный фактически оценивал перспективность предложенных направлений деятельности. Результаты данного опроса мы перевели в баллы, причем направление, отмеченное первым получало 5 баллов, второе - соответственно 4 балла и т.д.

Ниже приводится таблица № 2, в которой представлены суммарные результаты по данным 24 респондентов.

Таблица № 2

Направлен.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Баллы	34	65	77	22	80	25	2	20	17	18

Как видно из таблицы, наименьшее количество баллов (2) соответствует направлению 7 - «организация встреч в рамках народной дипломатии». Лишь один из 24 участников опроса на четвертом месте отметил народную дипломатию в качестве желательной сферы деятельности неправительственной организации. Таким образом, согласно полученным данным можно предположить, что из предложенных десяти направлений наименее продуктивной и перспективной с точки зрения сотрудников абхазских НПО является работа в области неофициальной дипломатии. При этом нужно отметить, что многие участники этого опроса в недавнем прошлом сами были вовлечены в процесс неофициальной дипломатии. Очевидно, что мы никогда не получили бы подобных ответов, если бы сформулировали вопрос прямо. Но в том-то и состоит ценность недирективных опросов, что они дают возможность косвенно получить информацию, не всегда сознаваемую и часто скрытую за проговариваемыми открыто суждениями. С другой стороны, вспомним, что в первой части исследования мы получили 76% положительных ответов на вопрос о полезности процесса народной дипломатии. Таким образом, результаты двух опросов существенно различаются. Одно из возможных объяснений этого расхождения данных по вопросу о полезности процесса народной дипломатии на наш взгляд может заключаться в следующем. Сотрудники неправительственных организаций успели почувствовать, что заботу о развитии народно-дипломатического процесса взяли на себя иностранные организации и международные центры. Эта область гуманитарной деятельности сравнительно хорошо финансируется

в отличие от многих других. Вполне возможно, что ответы были бы другими, если представители абхазских НПО чувствовали свою ответственность за продолжение процесса.

Понятно, что проведенное исследование носит предварительный характер, однако полученные данные все же дают возможность сделать следующие заключения:

1) Информация о народно-дипломатическом процессе остается практически неизвестной обществу. (В силу не востребоваемости, малодоступности или по какой-то другой причине - предстоит изучать в дальнейшем).

2) Большинство участников опроса считают народную дипломатию полезной.

3) Опрошенные сотрудники абхазских НПО, в том числе и участники процесса неофициальной дипломатии, не склонны выбирать народную дипломатию в качестве одного из направлений деятельности своих организаций.

Противоречивость второго и третьего пунктов, на наш взгляд, снижается, если иметь в виду содержание первого пункта: при существующей положительной установке относительно полезности народной дипломатии, деятельность в этой области представляется малопродуктивной в силу оторванности данного процесса от жизни общества в целом.

Действительно, если нет механизмов влияния на общество, неофициальная дипломатия становится слишком «абстрактной» для того, чтобы осуществлять позитивное воздействие на процесс мирного разрешения конфликта.

Для того, чтобы лучше понять причины, сдерживающие в настоящее время продуктивное развитие неофициального миротворчества, обратимся к историческому опыту, попробуем понять какие факторы в прошлом способствовали успеху процесса. Существует некоторая предыстория народной дипломатии и не только в зарубежной, мировой практике, но и конкретно в отношениях абхазов с другими кавказскими народами. Понятно, что примеры действия традиционной народной дипломатии могли стать известны потомкам именно благодаря своей успешности. Реальностью в прошлом являлись не только войны, но и примирения народов. Легко при этом предположить, что число войн и примирений практически совпадает. При знакомстве с историческими свидетельствами об успешных примерах действия народной дипломатии в прошлом, возникает соблазн перенести в современность традиционные

способы восстановления мирных взаимоотношений. Но мнение о том, что простое повторение традиционных приемов приведет к успеху, нам представляется ошибочным. Под использованием ценного опыта из прошлого часто понимают копирование внешней формы, которая в наше время может выглядеть только архаичной. Мы часто забываем о том, что участники исторических событий были очень современны для своего времени. И для того, чтобы быть похожими на своих предков в их лучшие моменты, мы тоже должны быть очень современны. Поэтому изучая продуктивный опыт прошлого, очень важно выделить именно существенные, внутренние признаки успешной традиционной народной дипломатии, знание которых может быть полезно для современного народно-дипломатического процесса.

Мы попытались определить моменты расхождения в традиционной народной дипломатии и современной неофициальной дипломатии. Остановимся на трех основных факторах.

1. Локус инициативы. В традиционном миротворчестве инициатива возобновления взаимоотношений с противоположной стороной исходила изнутри общества. В современной неофициальной дипломатии - извне. Часто инициаторами миротворческой деятельности становятся международные организации, конфликтологические центры, по отношению к которым в народе еще не сформировалось достаточно доверительное отношение.

2. Время возобновления контактов. Традиционное народное миротворчество вступало в действие не раньше осознания в обществе необходимости осуществления шагов в сторону возобновления каких-либо взаимоотношений с противоположной стороной. В неофициальной же дипломатии наших дней время установления первых контактов между вчерашними врагами определяют представители далеких политических или научных центров. Обычно это происходит гораздо раньше того срока, когда общество созревает к подобного рода активности.

3. Выбор миротворческого процесса. Приведенные выше факторы диктуют выбор участников в рамках современной неофициальной дипломатии не на основе наибольшего авторитета или доверия народа. Участниками первых двусторонних встреч становятся те немногие представители общества, чья ориентация на долгосрочные миротворческие цели еще не может разделяться эмоционально заряженным большинством.

Во всех трех перечисленных выше моментах расхождения традиционной народной дипломатии с текущим процессом неофициальной

дипломатии в контексте грузино-абхазского конфликта можно выделить основной, обуславливающий фактор - это недостаточная готовность современного общества к миротворческой деятельности. Попробуем проанализировать возможные причины этой неготовности общества к полноценному участию в процессе народной дипломатии.

1. Исторические или идеологические причины. Возможно, здесь сказываются последствия особенностей преподавания истории в Советском Союзе, следы воздействия советской концепции исторического развития. Для советской истории характерно перенесение акцента с этнических на социальные конфликты. Определение природы всех конфликтов как социальной делает народы неподготовленными к деятельному участию в собственно этническом примирении. В угоду идеологии интернационализма опускались те исторические периоды, когда между народами, населяющими СССР, происходили войны. Источник вражды всегда интерпретировался как внешний по отношению к народу. Это могли быть классовые противоречия, конфликты представителей царских фамилий и т.д. Соответственно не было информации и о том, что вражда преодолевалась, трудные периоды проживались и восстанавливалось мирное сосуществование народов. В случае абхазо-грузинского конфликта противостояние с Грузией очень многими в Абхазии воспринимается как необратимая катастрофа. Возникло представление о вечном враге, которого не было ни у одного государства (надо надеяться, не будет и у Абхазии).

2. Психологические причины: Определенную роль играет инерция военного мышления. В народе очень трудно происходит трансформация мотивации от «нам нужна только победа» до «мир - самая большая ценность, которую мы должны делить со вчерашним врагом». Второй момент - сложно отказаться от психологически комфортного состояния, когда есть официально одобряемая возможность канализировать все свои вытесняемые в мирные времена агрессивные импульсы. Для рядового человека подобные обстоятельства могут быть привлекательны. Говоря словами психоанализа, строжайшая цензура, действующая в мирное время, в ситуации войны вдруг вскрывает часть своих заслонов (сам этот процесс несомненно заслуживает отдельного серьезного научного исследования). Тысячелетиями формировавшиеся запреты с началом войны смыываются хлынувшим потоком подавляемых ранее инстинктов, и в измененном сознании возникает зона, свободная от соблюдения десяти заповедей.

3. Стереотипы народных дипломатов: Как раньше было хорошо! Давайте вернемся в прошлое! Да, в недавнем советском прошлом мы не

воевали, и это хорошо. Но войны не было не в силу мудрого устройства государства, а благодаря жесткости структуры, в которой не было места свободному проявлению политической воли граждан. Возвращаться в прошлое, даже если бы это было возможно, нельзя, потому что именно противоречия и болезни прошлого общества привели к войне. Война никак не может разразиться неожиданно, случайно, как впрочем и прекратиться. Война, на наш взгляд, чрезвычайно инерционный социальный процесс. Войну всегда предвещает достаточно длительный предшествующий период. Непонимание, неуважение, вражда и ненависть, ставшие достаточными условиями для вступления в смертоносное противостояние, взрастались именно в те прошлые годы, куда нас часто приглашают разнообразные миротворцы. Я уже не говорю об обществе 30-х, 40-х, 50-х годов, многое было сказано об этом. Но и общество 60-х, 70-х и 80-х гг. было далеко не здоровым. Круги близкого общения абхазов и грузин редко пересекались. Нам могут возразить, что абхазы и грузины часто общались, принимали участие в свадьбах и похоронах. Однако, хорошо известно, что взаимодействие в рамках ритуальных действий далеко от подлинной близости. В недрах каждого из сообществ рождались и формировались предрассудки и стереотипы относительно друг друга. Как оказалось, живя в одном обществе, абхазы и грузины почти не говорили между собой о тех ценностях, ради которых они вскоре готовы были отдать свои собственные жизни. В этой связи кратко остановимся на проблеме беженцев. Распространено мнение о том, что единственным способом решения проблемы беженцев является их возвращение в Абхазию. Это упрощенное поднимание проблемы беженцев, механистичное понимание процесса восстановления мира. Можно бесконечно возвращать разведенных супругов в одну квартиру, и этим самым бесконечно воспроизводить скандальные ситуации, если не разобраться в причинах конфликта, не попытаться изменить характер их взаимоотношений.

4. Заинтересованность властей в процессе примирения. Существует жесткая взаимозависимость заинтересованности властей и общества. Только тогда, когда по политическим причинам примирение становится желательным у народной дипломатии появляются шансы на успех. Все встречи, организованные до того момента несомненно имеют смысл, но с точки зрения возможных политических последствий и влияния на общество преждевременны.

Пока существует угроза силового решения конфликта, в абхазском обществе не будет полной поддержки народной дипломатии, т.к. этот процесс не способствует готовности к войне и противодействию агрессии. У воинов, которых готовят быть хорошими защитниками своей стра-

ны, напротив, специально усиливают образ врага для того, чтобы они хорошо выполняли свои функции.

Таким образом, на наш взгляд, сама по себе народная дипломатия не может заведомо обеспечить успех миротворческого процесса. Очень многое зависит от степени развития демократических институтов, от уровня профессионализма и свободы прессы и других СМИ по обе стороны конфликта. В условиях же, когда жесткая позиция властей продиктована стремлением добиться выгодного для своей страны решения на политических переговорах, где серьезным аргументом могла бы стать жестокость и непримиримость общества, тогда деятельность народной дипломатии может восприниматься даже как противоречащая национальным интересам государства, если и вовсе не как враждебная.

Что же получается? Не заниматься народной дипломатией в жестких полувоенных обществах? Нам представляется, что ответ все же должен звучать в пользу народной дипломатии в любых условиях. Ценность подобных контактов не исчерпывается только политическими результатами. Через обмен и получение новой информации, через знакомство с видением ситуации с иной точки зрения, через соприкосновение с примерами доброй воли с противоположной стороны народно-дипломатический процесс приносит немалый вклад в развитие гражданского общества, демократических ценностей, в становление демократического государства. Но повторим, что эта польза становится достоянием тем более широкого круга общественности, чем свободнее СМИ в государстве. Если же результаты встреч остаются известными только участникам народно-дипломатического процесса, то и продуктивность этой деятельности очерчивается этим же узким кругом.

Процесс народной дипломатии в любых обществах может служить прекрасным, надежным профилактическим средством. Преодоление стереотипов и образа врага в интеллектуальной, пишущей среде обязательно даст отсроченный эффект. Народная дипломатия не является способом разрешения актуального конфликта, основные средства преодоления которого сосредоточены в руках властных и законодательных структур. Минибаталии на нейтральной территории с мудрыми и объективными фасилитаторами похожи на прививку с отсроченным действием, дающую шанс сообществам устоять при очередной провоцирующей интервенции национал-радикалов. Хочется предложить образное представление о процессе народной дипломатии, который подобно паруснику порой даже против ветра все же движется к цели, не всегда прямо, а галсами, через развитие гражданского общества и укрепление демократических институтов.

Лиана Кварчелия
Добровольцы ООН

Неправительственные организации и народная дипломатия *(на примере абхазо-грузинских взаимоотношений)*

Грузино-абхазская война 1992-1993 г. как и любая другая война имеет свою предысторию. Если не обращаться вглубь веков, то можно утверждать, что наиболее серьезное обострение ситуации, приведшее впоследствии к вооруженному противостоянию, началось во времена перестройки (1989 г.) и продолжалось по нарастающей в период распада СССР, вплоть до 1992 года, когда оно достигло своей кульминации. В течение ряда лет официальные переговоры, затрагивающие жизненно важные вопросы грузино-абхазских взаимоотношений, шли параллельно с неофициальными контактами. Процессы, происходившие на уровне официальной политики, являются темой для отдельной статьи и не будут затрагиваться в данной работе. Что касается неофициальной или народной дипломатии, то следует отметить, что на протяжении указанного выше периода времени делались неоднократные, хотя и, как оказалось впоследствии, безуспешные попытки предотвратить открытые столкновения и найти взаимоприемлемую формулу сосуществования Грузии и Абхазии. В этих процессах участвовали, с одной стороны, представители научной и творческой интеллигенции двух республик (Абхазии и Грузии), с другой - представители грузинской и абхазской общин (вскоре к абхазской стороне присоединились армяне, русские и др.) внутри самой Абхазии. В отдельную группу можно выделить представителей так называемых около политических кругов (ученых, представителей парламентских комитетов, общественно-политических движений), которые имели непосредственное отношение, если не к принятию решений, то, по крайней мере, к тем, кто эти решения принимал, и поэтому их деятельность можно обозначить скорее как неофициальную официальную дипломатию.

Неформальные контакты не прекращались даже в 1992 г., когда грузино-абхазские противоречия вылились в крупномасштабные военные действия. Наиболее результативными они были в тех случаях, когда речь шла о необходимости решения, зачастую немедленного, практических вопросов гуманитарного характера (обмен заложниками, выдача трупов и т.д.)

Окончание боевых действий в 1993 г. перевело грузино-абхазский конфликт в новую стадию. Послевоенные реалии (существование де-факто независимой Абхазии; массовое перемещение населения, в первую очередь грузинского; политические, экономические и коммуникационные санкции против Абхазии с целью принуждения последней к урегулированию в рамках единого грузинского государства; деятельность грузинских диверсантов в приграничных районах Абхазии и ответные меры абхазской милиции; этническая нетерпимость, взаимное недоверие и жажда мести) стали определять характер взаимоотношений между сторонами в конфликте и, соответственно, характер, цели и предмет обсуждения на встречах в рамках народной дипломатии.

В соответствии с целями народной дипломатии подобные контакты можно условно разделить на:

1. ориентированные на решение краткосрочных задач. По-прежнему наиболее результативным оказывается именно взаимодействие в решении представляющих взаимный интерес практических проблем гуманитарного и экономического характера (например, совместная эксплуатация ИНГУРГЭС, поставляющей энергию в обе республики; контакты между главами местных администраций, жителями приграничных районов по вопросам безопасности, обмена заложниками, наконец, для обеспечения условий для развития торговых отношений);

2. ориентированные на решение долгосрочных задач. Цели подобных встреч чаще всего формируются в рамках мер по укреплению доверия. Положительный эффект от подобных контактов не столь очевиден, и это понятно, поскольку речь идет о восстановлении доверия между двумя сообществами после кровопролитной войны и к тому же в условиях неурегулированного конфликта со всеми вытекающими из этого последствиями. Ясно, что в данном случае усилия могут быть рассчитаны скорее на долгосрочную перспективу.

Послевоенная народная дипломатия характеризуется тем, что к ней активно подключились неправительственные некоммерческие организации (НПО или НКО). Именно они оказались задействованными чаще всего в инициативах, рассчитанных на долгосрочную перспективу. Сами НКО в Абхазии да, пожалуй, и в Грузии – явление относительно новое (в данной статье проводится различие между общественными организациями, унаследованными от эпохи тоталитаризма, и организациями нового поколения, функционирующими на принципиально иной основе и ориентированными на развитие гражданской инициативы). Появление

некоммерческих организаций нового типа на всем постсоветском пространстве связано, прежде всего, с процессом демократизации общества и необходимостью решения проблем, порожденных переходным периодом от тоталитарных форм правления к демократическим. В Абхазии появление некоммерческих организаций было стимулировано, в дополнение к сказанному выше, необходимостью реагировать на проблемы поствоенной ситуации: потребность в психологической и физической реабилитации населения, сложное экономическое положение республики и, соответственно, острые социальные проблемы, наконец, осознание необходимости трансформирования конфликта с целью предотвращения нового всплеска военных действий. Именно потребность принимать активное участие в поисках путей предотвращения дальнейшего насилия в урегулировании абхазо-грузинских отношений послужила, на мой взгляд, основным импульсом в подключении НКО к деятельности в рамках народной дипломатии. При этом у различных НКО или их представителей могли быть и дополнительные или другие мотивы, на которых мы остановимся ниже.

Для того, чтобы более четко представить себе место и роль (потенциальную и реальную) неправительственного сектора в неофициальной дипломатии, следует обратиться к контексту, в котором осуществляют свою деятельность НКО и который в значительной степени влияет на мотивацию неправительственных организаций, участвующих в мероприятиях по линии народной дипломатии. В данной статье предпринята попытка на основе личного опыта автора (участника ряда встреч НКО в рамках народной дипломатии) проанализировать условия, в которых предпринимаются усилия в области неофициальной дипломатии, цели и возможную мотивацию участников, а также перспективы на будущее.

Обычно встречи грузинских и абхазских неправительственных организаций по мерам по укреплению доверия организуются международными посредниками, как в западных странах, так и на территории стран СНГ. Участие абхазских НКО в мероприятиях под эгидой международных организаций, в особенности на территории западных государств, воспринимается некоторыми критиками в Грузии как предоставление абхазской стороне международного форума для изложения абхазской точки зрения на истоки конфликта, современное положение, а также перспективы урегулирования. Абхазия сегодня находится в изоляции, неудивительно поэтому, что для представителей абхазских организаций участие в подобных встречах – это еще одна возможность заявить о проблемах Абхазии на международном уровне. Однако, вряд ли следует преувеличивать «опасность» подобной возможности, тем более, что кон-

фликт давно перестал быть «внутренним делом Грузии», и официальный переговорный процесс проходит под эгидой и при участии ООН, ОБСЕ, России и ряда западных государств. Кроме того, несмотря на изолированность Абхазии от внешнего мира, а также отсутствие в Абхазии доступа к мировым информационным сетям, существуют, тем не менее, иные возможности для распространения информации.

Рассуждая о возможной мотивации участников неофициальной дипломатии, хотелось бы отметить, что не исключен в определенной степени и прагматический интерес со стороны некоторых участников к подобным встречам, поскольку чаще всего семинары-диалоги, круглые столы и пр. организуются не просто в виде разовых акций, а в рамках достаточно длительных и дорогостоящих проектов. Что касается абхазских НКО, то долгое время они находились под давлением международных организаций и фондов, большинство из которых выражали готовность поддержать в Абхазии лишь те проекты, которые непременно основывались бы на взаимодействии двух сторон. При этом полностью игнорировалась реальная ситуация: психологический настрой в обществе; острая необходимость решать в первую очередь проблемы, отражающие внутренние потребности Абхазии (ведь военные действия происходили именно на ее территории); наконец, необходимость построения гражданского общества независимо от того, когда и каким образом будут достигнуты политические договоренности на официальном уровне.

По сути дела, со стороны международных организаций имела место попытка своего рода «принуждения к примирению» на уровне ответственности. К примеру, представитель одной международной неправительственной организации, безуспешно пытавшийся убедить свое начальство в необходимости поддержать проект внутри абхазского значения (по развитию скаутского движения в Абхазии), вынужден был, в конце концов, признать, что его организация наряду со многими другими финансируется Советом Европы, поэтому ее мандат определяется в соответствии с общей политикой западноевропейских государств в отношении Абхазии. В этой связи можно сказать, что если сегодня абхазский некоммерческий сектор отстает в организационном развитии и техническом обеспечении от коллег в Грузии, Армении или Азербайджане, то происходит это, в частности, по той причине, что абхазские организации занимают принципиальную позицию в определении своих приоритетов и выборе программ. Справедливости ради следует отметить, что за последний год произошли позитивные сдвиги во взаимоотношениях зарубежных фондов и местных организаций, выразившиеся в том, что,

наконец, стали получать поддержку проекты внутреннего значения (образовательные, экологические, по развитию некоммерческого сектора и т.д.).

Что же касается взаимодействия с грузинской стороной, то, если у кого-либо из представителей абхазских НКО все же возникал прагматический интерес, то он достаточно быстро исчерпывался одной-двумя встречами. Говоря о грузинских организациях, можно, в свою очередь, предположить, что существование в Грузии более двухсот НКО создает определенную конкуренцию в некоммерческом секторе. Можно также предположить, что весьма выигрышными с точки зрения перспективы на финансирование оказываются проекты, как раз включающие всевозможные контакты с партнерами с абхазской стороны. Однако, они же чаще всего оказываются малопривлекательными для предполагаемых партнеров. Как показал опыт, выжили те инициативы, за которыми стояла осознанная обеими сторонами необходимость использовать диалог как альтернативу силовому решению конфликта.

Таким образом, важным мотивом неофициальных дипломатов является понимание того, что именно диалог может создать предпосылки для взаимопонимания и достижения согласия как внутри двух сообществ, так и для установления между этими сообществами добрососедских отношений. Соответственно, особое значение приобретает возможность обмениваться информацией о настроениях в обществах, степени осознания истоков и последствий войны, а также о понимании новой послевоенной реальности и перспектив на урегулирование. В этой связи вспоминается одна из первых встреч представителей грузинских и абхазских НКО в Шляйнинге (Австрия), посвященная вопросам построения демократических институтов в странах, переживающих переходный период. Участникам семинара была предложена ролевая игра «Аквариум», во время которой грузинские представители рассуждали о двух важных вопросах урегулирования: государственно-правовых взаимоотношениях между Абхазией и Грузией и о проблеме возвращения грузинских беженцев в Абхазию с точки зрения абхазов; последние, в свою очередь, должны были играть роль грузин и, соответственно, озвучить возможный спектр мнений в грузинском обществе в отношении тех же самых вопросов. Интересно, что грузинские участники были гораздо разнообразнее в представлении существующих с их точки зрения в абхазском обществе мнений (от радикальных до в высшей степени либеральных) относительно возможных решений. Другое дело, что продемонстрированная некоторыми «абхазами» в исполнении грузин лояльность в отношении Грузии скорее всего основывалась лишь на мнении отдельных

граждан Грузии и России абхазского происхождения. Со своей стороны, представляя грузинское общественное мнение, абхазские участники обозначили несколько более узкий диапазон - от радикализма до прагматизма, не выходя за рамки принципа территориальной целостности. В связи с этим один из грузинских участников выразил сожаление о том, что из-за дефицита информации абхазское общество плохо знакомо с грузинской либеральной мыслью. У абхазов, имеющих печальный опыт взаимоотношений со своими восточными соседями, возникает вопрос, не заканчивается ли этот либерализм там, где начинается независимость Абхазии? Можно, конечно, предположить, что в Грузии есть, к примеру, пацифистское движение, о котором в Абхазии ничего не знают. Но насколько можно быть уверенным в том, что те же пацифисты не выступают за ненасильственное возвращение Абхазии в состав Грузии? В этом смысле встречи на уровне неофициальной дипломатии в значительной степени восполняют дефицит информации. К тому же, у участников складывается более реалистичное представление об отношении общества по ту или иную сторону границы к целому ряду важных проблем.

Следует отметить, что грузинские и абхазские НКО предпринимают усилия в области народной дипломатии в разных условиях. Очень часто международные организации отмечают гораздо большую готовность грузинских организаций к сотрудничеству с абхазской стороной в совместных проектах, в то время как абхазские организации упрямо сопротивляются. Многие представители абхазских организаций объясняют это тем, что у грузинских НКО стремление к единым проектам и тесному взаимодействию совпадает с общим стремлением к объединению на государственном уровне. У абхазских же участников готовность взаимодействовать на уровне народной дипломатии сочетается со стремлением к независимости собственного государства.

Кстати говоря, среди абхазских НКО нет однозначного мнения относительно контактов с грузинскими представителями. К примеру, в печати высказывалось мнение о том, что контакты на любом уровне способствуют лишь восстановлению единого пространства с Грузией: политического, экономического, культурного. Автор настоящей статьи придерживается иной точки зрения, считая, что, поскольку конфликт у нас произошел именно с Грузией, с ней в первую очередь и необходимо говорить об урегулировании. И это вовсе не означает отказа от независимости. Следует лишь четко представлять цели того или иного мероприятия. Конечно, наивно предполагать, что народная дипломатия может решить глобальные проблемы и найти единственно правильный путь к урегулированию (она, собственно говоря, и не ставит таких целей). То,

что за несколько лет НКО смогли добиться всего лишь скромных результатов, как мне кажется, подтверждает данную мысль. Например, за прошедшие несколько лет контакты на уровне неофициальной дипломатии вылились во взаимодействие по очень узкому, но, представляющему взаимный интерес, кругу вопросов: это проблемы охраны окружающей среды, в особенности, состояния Черного моря, и социологические исследования по выявлению общественного мнения по тем или иным вопросам общественно-политической жизни. Многие другие инициативы были достаточно искусственны и не учитывали сложившихся реалий, вследствие чего остались лишь на бумаге.

Решения на политическом уровне или очередное обострение ситуации на границе могут разом перечеркнуть все усилия по достижению взаимопонимания, не говоря уже о доверии, и отбросить народную дипломатию далеко назад. Поэтому важно учитывать фон, на котором происходят неофициальные контакты. В абхазском обществе Грузия воспринимается как постоянный источник угрозы его безопасности. Призывы к реваншу, тиражируемые грузинскими средствами массовой информации, угроза применения силы, достаточно часто звучащая из уст высших государственных чинов Грузии, не говоря уже о представителях так называемого «правительства автономной республики в изгнании», экономические санкции, введенные с подачи Грузии, ноты протеста со стороны грузинских официальных лиц в связи с намерением абхазских детских фольклорных ансамблей или спортсменов участвовать в международных фестивалях или соревнованиях имеют крайне негативный резонанс в абхазском обществе и создают весьма неблагоприятную атмосферу для ведения каких-либо переговоров с грузинской стороной. Если общество в целом достаточно толерантно воспринимает официальный переговорный процесс, то контакты на неформальном уровне (если они становятся достоянием общественности) в лучшем случае вызывают недоумение. Достаточно пассивное наблюдение общества за ходом официальных переговоров (публично критиковали переговорный процесс лишь отдельные представители интеллигенции, считающие, что официальная позиция абхазской стороны не отражает реальных настроений в обществе) объясняется, по-видимому, тем, что общество пока еще доверяет власти, не веря в искренность намерений последней объединиться с Грузией в единое государство. Другое дело – встречи на уровне различных общественных групп. Возникает вопрос, зачем встречаться с грузинами, если Грузия не признает нашего права на самоопределение, а, говоря проще, нашего права на свободу. Этот вопрос, как мне представляется, связан со вполне

понятной тенденцией отождествлять официальную грузинскую позицию с мнением всего грузинского народа. Я, конечно, далека от мысли, что сегодня в Грузии есть достаточно большая и влиятельная группа людей, готовых поддержать независимость Абхазии. Тем не менее, оказывается, есть все-таки узкий круг людей, не исключаящих признание независимой Абхазии как способ урегулирования грузино-абхазского конфликта. Есть также группы, осуждающие такие меры, как антиабхазские санкции. Как мне кажется, основным результатом народной дипломатии все же заключается в том, что сложилось сообщество людей, считающих, что диалог – это предпочтительный путь к достижению мира и безопасности, каким бы долгим он ни был.

Однако этот путь может оказаться бесперспективным, если круг участников народной дипломатии будет замкнут на тех, кто неоднократно встречался за последние несколько лет в рамках ряда проектов. В этой связи нельзя недооценивать роль средств массовой информации. По-видимому, грузинское общество гораздо лучше информировано о результатах встреч в рамках неофициальной дипломатии в первую очередь потому, что грузинские участники не пренебрегают средствами массовой информации. Правда и само общество готово воспринять идеи, которые с их точки зрения могут приблизить урегулирование (другое дело, что общество может считать непереносимым условием примирения сохранение территориальной целостности Грузии). Ясно также, что в Грузии всегда найдутся критики, в особенности среди тех, с кем вообще никто не хочет встречаться, и кто призывает к применению силы. В абхазском же обществе, в силу указанных выше причин, реакция на народную дипломатию не столь оптимистична, но и информировано общество в гораздо меньшей степени. Притчей во языцех стала Московская встреча трехгодичной давности, когда впечатления грузинских участников были в искаженном виде представлены грузинскими журналистами. В Абхазии на комментарии грузинских СМИ отреагировали до того, как абхазские участники успели поделиться собственными впечатлениями. Один из представителей общественности Абхазии выразил, мягко говоря, сомнения по поводу целесообразности каких-либо контактов с грузинами. Недопонимание целей и итогов Московской встречи, с моей точки зрения, произошло именно в силу того, что общество не было вовремя проинформировано о том, что именно происходит в сфере неофициальной дипломатии. Боюсь, что на тот период оно вообще не знало о том, что неофициальная дипломатия имеет место. А после уже упомянутой выше встречи в Австрии, зрители абхазского телевидения узнали от участников семинара не более того, что абхазская делегация побыва-

ла в Шляйнинге. Мне кажется, нам следует больше доверять здравому смыслу общества, в котором живем.

Что касается официальных структур, то они хотя и не мешают (а в ряде случаев и помогают в организационном плане, например, выезд абхазской делегации в Австрию не состоялся бы, если бы не помощь Президента Абхазии), но и особого интереса к результатам неофициальной дипломатии не проявляют. Показателен в этом смысле тот факт, что ни один представитель НКО, имеющий достаточно богатый опыт неофициальных контактов, не был приглашен на Афинскую встречу, посвященную мерам по укреплению доверия. Интересно, что сама Афинская встреча была инициирована не гражданскими группами, а политическим отделом ООН – достаточно консервативной организацией. Не внушает оптимизма и то, что решения, принятые в рамках абхазо-грузинского переговорного процесса под эгидой этой организации, чаще всего не выполняются, что вряд ли может способствовать укреплению доверия в первую очередь к самой ООН.

Ясно, что никакие директивы, договоры и инструкции не могут заставить помириться два враждующих народа. Даже если сегодня будет достигнуто политическое урегулирование, стабильность и безопасность могут быть обеспечены в том случае, если та или иная модель будет принята обществом. Более того, политические решения, отражающие устремления общества, могут лишь создать благоприятную основу для восстановления доверия, но не могут его обеспечить или заменить. Восстановление взаимоотношений, а Абхазия и Грузия в силу своего географического положения «обречены» общаться друг с другом, – это достаточно долгий и деликатный процесс. Чем больше возможностей будет у двух обществ обсуждать самые животрепещущие вопросы, тем больше вероятности, что для силовых решений не останется места.

Различные уровни дипломатии (официальной и неофициальной) по преодолению абхазо-грузинского конфликта

Цель статьи проследить взаимоотношения официальной и неофициальной (народной) дипломатии в формах и методах преодоления абхазо-грузинского конфликта. В какой степени действия народной дипломатии, представленной сегодня в основном различными общественными организациями, влияют на решения, принимаемые на правительственном уровне, и наоборот. Анализ работы неправительственных организаций и контактов политических элит Абхазии и Грузии выявляет определенную параллельность. При схожести конечных целей результаты, внутренняя сущность взаимоотношений в процессе переговоров значительно различаются. Обусловлено это многими факторами.

Строительство правового государства и гражданского общества в Абхазии происходит на фоне непрекращающихся вооруженных столкновений в приграничных районах и усугубляется неразрешенностью абхазо-грузинского конфликта на политическом уровне.

После завершения боевых действий в сентябре 1993 Абхазия встала на путь строительства независимого государства. И здесь она столкнулась с проблемами, многие из которых уходят корнями в прошлое.

Сразу после распада СССР, Грузия провозгласила идею создания национального государства, фактическое содержание которого - моноэтничность (грузинская нация = грузинский этнос). Такая тенденция никак не соответствовала надеждам ни абхазского народа, ни других народов, проживавших в Абхазии. Попытки Грузии с приходом к власти Гамсахурдия насильно интегрировать полиэтничное абхазское общество в «грузинскую нацию» привели к этнической конфронтации: грузины против негрузин. Вокруг абхазов объединились различные этнические группы, считавшие, что у них нет оснований верить в возможность реализации своего потенциала в рамках грузинского государства.

Во время и после войны агрессивная политика Грузии в отношении народов, проживающих в Абхазии, ознаменовала определенный этап в процессе интеграции абхазского сообщества, в основе которой была общая судьба, общий дух, общие трудности войны и послевоенного време-

ни. Как известно, чем жестче конфронтация, тем проще идея объединения одних против других. В период грузино-абхазской войны таким объединяющим стимулом в Абхазии было стремление к победе, выживанию, борьбе за независимость. Образ врага (Грузия), реально ощутимый, привел к естественной интеграции общества, за исключением основной части грузинского населения. Случаи, когда грузинское население участвовало в абхазском национально-освободительном движении, а в период боевых действий сражалось на стороне абхазов, (в частности в Ткуарчалах) не было типичным явлением.

Сегодня, спустя шесть лет после окончания войны, остро ощущается необходимость наращивания не только экономического, но и социального потенциала. Боевые действия завершились. Образ врага, общий дух, борьба за независимость хотя и остаются актуальными, однако сегодня уже не могут служить объединяющим фактором. Угроза возобновления боевых действий, экономические трудности, связанные с блокадой, стремление к признанию государственной независимости мировым сообществом, пока еще обладают консолидирующей силой, но в условиях мирного строительства этого уже недостаточно.

Общественное мнение отрицательно относится к возможности любых форм государственности с Грузией. Однако у него нет форума типа довоенного народно-патриотического движения «Айдгьлаара» («Единение»), на котором он мог бы высказывать свои идеи и видения в отношении будущего устройства абхазского государства. Поэтому многие граждане практически выключены из активной общественно-политической деятельности и лишены возможности действительно влиять на различные сферы общественной жизни, и, в частности, на перспективы дальнейшего урегулирования конфликта.

На нынешнем этапе в обществе происходит осмысление минувших событий. Многие стали осознавать эфемерность свободы, достигнутой ценой огромных усилий. Ситуация не изменится без гарантий мирового сообщества и признания грузинским обществом факта независимости Абхазии. Подтверждением тому служат неутешительные результаты на всех уровнях переговорного процесса. Перспектива возможного мира становится все более отдаленной. Однако, несмотря на тяжелейшие условия, в которых в связи с войной и поствоенной блокадой находится абхазское общество, в народе укрепляется чувство уверенности и возможности строительства государства нового типа - свободного и независимого - собственными силами. В обществе осознается необходимость использования всех возможных ресурсов для

трансформации конфликта в форму единственной альтернативы - длительный мир.

В Абхазии нет закона о партиях и общественных движениях, который регламентировал бы сферу деятельности и механизмы функционирования. И хотя партии и общественные движения все-таки есть, они не обладают тем потенциалом, который ими был наращен в период длительной национально-освободительной борьбы, предшествовавшей абхазо-грузинской войне. Опыт неофициальной (народной) дипломатии в нынешних условиях практически невостребован в полной мере. С 1994 г. в Абхазии формируются общественные организации нового типа, именуемые НПО. Первоначально они были ориентированы, в основном, на решение практических задач по реабилитации и оздоровлению поствоенной жизни республики, но постепенно начинают в своих проектах и программах заниматься исследованием конфликтов и путей их преодоления. В этом контексте развиваются контакты, как с грузинскими неправительственными организациями, так и неправительственным сектором Южного и Северного Кавказа, происходит осмысление абхазо-грузинского конфликта и осознание необходимости построения мостов доверия между двумя этносами. На первом этапе после завершения боевых действий эйфория победы исключала мысли о необходимости урегулирования конфликта непосредственно между конфликтующими сторонами, как на официальном уровне, так и на неофициальном. Однако, кризис в переговорном процессе, усиленный майскими событиями, когда Абхазия была на грани новой широкомасштабной войны, приводит определенную часть общества к мысли о необходимости установления доверительных отношений между двумя государствами и снятия синдрома этнической неприязни. Только в таких условиях, без давления различных «заинтересованных сторон», Грузия и Абхазия смогут прийти к единственному взаимоприемлемому решению своих взаимоотношений.

Многие идеи народной дипломатии, особенно не отличающиеся по форме от официальной дипломатии, тем не менее, не всегда получают однозначную оценку государственных структур. Однако, небольшой опыт, накопленный представителями неофициальной дипломатии по построению мер доверия, все же часто берется на вооружение официальной дипломатией.

Форма и содержание переговорного процесса на официальном и неофициальном уровне обусловлены определенными обстоятельствами и характеризуются тремя уровнями.

В прессе освещается, в основном, фасадный уровень официальных переговоров. Связано это с давлением, оказываемым западными и российскими посредниками, которые вынуждают политические элиты Абхазии и Грузии идти на всевозможные уступки и компромиссы, не воспринимаемые в одночасье народом. В таких обстоятельствах властным структурам приходится апеллировать к общественному мнению. При этом, разумеется, чем более радикально общественное мнение, тем больше возможностей у политических структур, политической элиты, манипулировать ходом переговоров, ссылаясь на неготовность общества принять те или иные решения в процессе разрешения конфликта.

В свою очередь общественный радикализм имеет достаточно прочные корни и исторически обоснованные аргументы. Общественное большинство отрицает диалоги любого уровня. Один из лидеров общественного патриотического движения своеобразно отразил в частной беседе данную точку зрения. Отрицание всякой возможности народной дипломатии он аргументировал отмиранием старых методов института народных посредников, в связи с чем и усилия по построению мер доверия считает неактуальными и опасными. По его мнению, между двумя обществами на длительный период должна быть воздвигнута некая китайская стена. Свои убеждения он связывает с глубоко укоренившимся в сознании абхазов отрицанием возможности установления мер доверия, базирующимся на исторической памяти прошлого. Кстати, возможная обоснованность такой точки зрения в абхазском обществе нередко наблюдается некоторой частью грузинской интеллигенции, что находит отражение в прессе.

Часто в переговорном процессе принимают участие представители сторон на уровне различных ведомств и низовых структур власти с привлечением лидеров или влиятельных (в глазах другой стороны) людей. Это смешанный тип дипломатии – официальной и народной (неофициальной). Однако данный процесс находится под контролем официальных структур, результаты его не протоколируются, носят неофициальный характер и не подлежат, до определенной поры, широкому представлению в обществе. Элементы народной дипломатии придают встречам неофициальный характер и способствуют быстрому принятию решений. Как правило, тематика договаривающихся сторон сужена, привязана к локальным проблемам и не преследует долгосрочных интересов. Но, в отличие от договоренностей на официальном уровне, результаты переговоров реализуются в ускоренном режиме.

Примером могут служить переговоры в Латах (Цебельда), приграничном горном регионе, населенном сванами (один из народов, состав-

ляющих грузинский этнос). Здесь, несмотря на то, что эта часть территории Абхазии находится под контролем военизированных подразделений Грузии, боевые действия не ведутся практически с марта 1994 года. В Гальском районе, в Зоне безопасности, также, несмотря на непрекращающиеся столкновения сторон, иногда достигаются определенные, хотя и кратковременные результаты в решении тех или иных вопросов. В частности, договор о прекращении террористических актов после майских событий 1998 г. в преддверии возможного решения конфликта на официальном уровне, обмен заложников, трупов людей, погибших в результате диверсионных актов грузинской стороны, режим пересечения перемещенными лицами границы по реке Ингур. Уникальны в этом ряду достигнутые соглашения и контакты грузинских и абхазских энергетиков. Совместное пользование энергоресурсами всегда приводится посредниками как возможная модель мирного сосуществования абхазов и грузин. Ибо ИнгурГЭС практически не прекращала свою работу ни на один день, несмотря на войну и противоречия между конфликтующими сторонами в поствоенное время. Однако надо помнить, что в данном случае были сбалансированы рычаги давления на ситуацию со стороны Абхазии и Грузии, поскольку мощности гидроэлектростанции равномерно распределены на территориях, контролируемых соответственно грузинскими и абхазскими властями. Отсутствие такого баланса сил на официальном уровне приводит к постоянному нарушению принимаемых сторонами соглашений. Немалую роль здесь играют западные и российские посредники, которые старательно проводят политику своих интересов, усугубляя и без того существующую несбалансированность возможностей сторон.

В неофициальной дипломатии прослеживаются различные уровни и возможности реагирования на трансформацию конфликта, что связано с риском: как общество воспримет предпринимаемые усилия. Некоторые уровни имеют давнюю традицию и признаны как обществом, так и властью. Наиболее популярны в обществе усилия неофициальной дипломатии по расширению контактов с родственным абхазо-адыгским (черкесским) миром и налаживанию связей с кавказскими государствами, продекларировавшими свою независимость, но не получивших признание мирового сообщества (мера доверия определяется идентификацией проблем) в контексте построения общекавказского сообщества. Установление мер доверия между грузинами и абхазами в данном ряду не очень популярно в широком массовом сознании. Многие неправительственные организации с первых дней основания занимаются как проблемами медицинской, психологической и социальной реабилитации жертв вой-

ны, так и поисками способов мирного разрешения конфликтов. У них накопился определенный опыт работы в данном направлении, и они открыты для контактов, способствующих миротворческому процессу. Однако и здесь возникают противоречия в способах влияния на формирование общественного мнения. Неправительственный сектор в Абхазии представлен в основном научной интеллигенцией и людьми, принимавшими активное и непосредственное участие в ходе вооруженного абхазо-грузинского конфликта.

После войны, когда общность судьбы, война, как бы объединили все слои населения, общественное движение стало более однородным. В 1994 году в Абхазии начинает развиваться третий сектор. Можно выделить несколько направлений.

Общественные организации старого типа, зависимые только от государственных субсидий и новые, которые формируются по такому же принципу. Многие из них стиль организационного планирования практически не меняют со времен советского периода и представляют, как правило, краткосрочные интересы, ориентированные на радикальное массовое общественное сознание. В данном случае я подразумеваю обычное право, доминирующее в пост-конфликтных обществах, когда еще не сформировались демократические и политические институты, и которое трансформируется в зависимости от существующей ситуации.

Организации, рассчитанные на массовость, теряют необходимую гибкость в реагировании на те или иные проблемы, ибо они, как правило, идеологизированы. Однако попытки санкционировать движения различного типа сверху находят отклик в обществе. Связано это с достаточно сильным авторитетом многих лидеров государства, благодаря которым, по мнению большинства народа, Абхазия сумела отстоять свою независимость в абхазо-грузинской войне.

Создание НПО в поствоенной Абхазии свидетельствует об активизации гражданской инициативы в стране. Однако в условиях политизированности общества, порожденной, прежде всего, неразрешенностью конфликта, попытка влияния на пути возможного соприкосновения двух этносов - абхазского и грузинского - является мощным рычагом воздействия на народ. Это свидетельствует о стремлении регламентировать сверху контакты любого уровня.

За пять лет роль и влияние неправительственного сектора на формирование общественного мнения значительно возросли. Несмотря на ограниченные возможности СМИ, идеи лидеров 3-его сектора, благода-

ря особенностям коммуникативного общения, получают достаточную огласку. Они пытаются сузить или ликвидировать разрыв между декларируемыми властью целями и практическим их осуществлением за счет повышения гражданской активности населения, за счет привлечения внимания общественности к тем или иным социальным проблемам и формирования общественного мнения вокруг них. Ориентированы они на международные стандарты демократического устройства и представляют долгосрочные интересы. В организациях нового типа практически занята интеллектуальная элита. Их отличительной чертой является малочисленность и быстрое реагирование на события, что не дает им раствориться в общей среде и помогает сохранять мобильность. Усилия НПО на стезе неофициальной дипломатии направлены на снятие этнической неприязни, что не может не отражаться качественно на официальном переговорном процессе. На уровне общественного сознания, на уровне простых людей, война всем давно надоела, и все хотят позитивного завершения переговоров.

Организации нового типа, сформировавшиеся на поствоенной волне, стремятся строить свои отношения с грузинскими НПО на паритетных и независимых началах. Они готовы к длительным переговорам на различных уровнях и построению мер доверия. При этом, осознают то, что идеи не должны значительно отрываться от общественного мнения.

На официальном уровне у обеих сторон увеличилось понимание необходимости двустороннего диалога, и это говорит об определенных успехах, хотя позитивного прорыва не наблюдается. Предпринимаемые шаги в этом направлении, к сожалению, зависят от позиций и интересов посреднических сторон, что вынуждает балансировать в поиске приемлемых и наиболее выгодных для себя условий. Поэтому необходим более широкий диалог. Несмотря на разочарование в отсутствии прорыва, несмотря на то, что декларация Абхазии как независимого государства отвергнута как Грузией, так и мировым сообществом, несмотря на майские события, которые многие эксперты считают значительным шагом назад в достижении мира, тем не менее, идет поиск возможных точек соприкосновения. Но на это надо время.

Усилия представителей неправительственных организаций Абхазии на пути неофициальной дипломатии дают определенные результаты. Во многих позициях они опережают шаги, предпринимаемые на официальном уровне, и не имеют резких скачков в стороны. Круг людей, стремящихся к несиловым методам решения конфликта, ширится. Происходит новое осмысление обычных слов (демократия, братья, третья сторона,

дружеская поддержка), ибо за всем этим стоит разрушенное Отечество, смерть близких и друзей, горе матерей и страдания детей. Представители народной дипломатии стараются осторожно подходить к вопросам войны и мира, проблемам миграции, эмиграции и политического устройства различных государств. Главное для них - неотъемлемое право личности на свободу выбора, равносубъектность отношений сторон в разрешении конфликтов любого порядка, размывании негативных стереотипов, сформировавшихся как войной, так и предшествовавшими ей событиями.

И поскольку все сферы деятельности НПО вплотную связаны с прошедшей в Абхазии войной, им приходится сталкиваться с проблемами конфликтологии. По мнению многих, неофициальная дипломатия призвана доводить до широкой общественности гуманные подходы, предложения, способствующие снятию напряженности и решению всех вопросов путем разумных доводов и суждений, при этом стараясь напрямую избегать обсуждения вопросов политического противостояния Абхазии и Грузии. Определенный опыт таких отношений в контексте народной дипломатии уже имеется. На неофициальном уровне диалог, как правило, идет о предварительных идеях. Он не предполагает решения сложных проблем, связанных с политическим урегулированием. В последнее время проходит много встреч, семинаров, конференций, где, в частности, обсуждаются проблемы и пути урегулирования конфликтов, в том числе и абхазо-грузинского. Но участие в них абхазской стороны не всегда обеспечено. Нам кажется странным пытаться разрешить конфликт без участия представителя одной из сторон, тем более что обе стороны стремятся к встречам. Мы не раз изъявляли желание и готовность участвовать в конструктивном диалоге, но в силу причин, связанных с блокадой Абхазии, часто лишены возможности присутствовать на многих мероприятиях. Либо нас не пускают в связи с проблемой паспортов, либо нас и вовсе не приглашают, либо просто знакомят с принятыми решениями постфактум.

Встречи народных дипломатов имеют качественно различные уровни. Немногие из них достигают положительного успеха и часто данное обстоятельство зависит от методологии. Например, в случаях, когда встречи жестко структурированы посредниками, и участники не имеют возможности сами моделировать динамику взаимоотношений. Отрицательные моменты при этом, как правило, очень долго сказываются на дальнейших шагах. Учитывая реалии сегодняшнего дня, в котором находится Абхазия - состояние «ни войны, ни мира» - их стремление к тщательному продумыванию любых действий, связанных с реализацией двусторонних проектов вполне объяснимо.

Тем не менее, список встреч, где абхазские неправительственные организации участвовали в различных семинарах, конференциях, двух и многосторонних проектах для людей, вовлеченных в процесс урегулирования этнополитических конфликтов, значителен. Наиболее значительным на этих встречах, на мой взгляд, являлись усилия сторон по построению мер доверия. Пока мы находимся на уровне тех, которые могут быть проверены. Основной целью двусторонних встреч являлись, как правило, анализ и определение круга проблем, связанных с ситуацией в регионе, предоставление равных возможностей диалога для представителей разных сторон конфликта, а также поиск перспектив на будущее в казалось бы в неперспективной ситуации. Тематами для обсуждения служили вопросы, связанные с построением демократических институтов в многонациональных обществах, переживающих переходный период, международные стандарты в области прав человека и прав меньшинств, концепции государственного устройства и разделения полномочий, рассмотрение позитивных примеров разрешения этнополитических конфликтов. Это давало участникам встреч возможность в результате мозговых штурмов и ролевых игр, касаться и вопросов конкретного характера. Это вопросы политического статуса и его признания, гуманитарные нужды, положение беженцев и перемещенных лиц, развитие мер по укреплению доверия, роль неправительственных организаций (НПО) в гражданском обществе, информационные вопросы.

Подобные мероприятия не отличались большой результативностью, но отсутствие осязаемых результатов - это тоже результат. Во всяком случае, уже знаешь, что этого делать не стоит. И никто и не предполагал, что мы можем прийти к абсолютному согласию на коротких встречах. Хотя некоторые проблемы, как, например, необходимость построения гражданского общества, не вызвали особых споров ни у кого из участников. Это все-таки говорит о стремлении позитивными методами решать проблемы поствоенного времени. Участники подобных встреч, как правило, приходят к заключению, что конфликт должен быть урегулирован только мирным путем, подчеркивая необходимость продолжения двусторонних контактов. Стремление к миру, в условиях увеличения военной конфронтации, примером которой может служить организация военных террористических актов в Гальском районе, и частые заявления в грузинской прессе о силовом решении проблемы, - уже положительный результат. Я думаю, такие стремления достойны уважения и внимания. Это дает возможность яснее представить настроения и надежды другой стороны в отношении того, как они предполагают преодолеть конфликт. И я лично пришел к выводу, что можно уже сегодня

какие-то проблемы решать на приемлемых условиях. Независимо от того, как будут решаться вопросы политических взаимоотношений, которые я мыслю как независимые (абхазы сами должны установить свой тип политического самоопределения), мы - два народа, которые географически отделены узкой полоской Ингура. Из тысячелетней истории сосуществования двух народов, иногда мирного, иногда враждебного, мне хотелось бы извлекать только положительные примеры. Ибо нельзя жить в постоянной неприязни и агрессии в отношении друг к другу. Все дело только в определении мер доверия. Только при уверенности в ответственности и надежности другой стороны, мы придем к миру и разрешению состояния войны, от которого устали все.

Что касается участия в семинарах совместно с представителями грузинской стороны, хотелось бы отметить, что, к сожалению, все попытки встреч грузинских и абхазских НПО при посредничестве ряда международных организаций имеют пока относительный успех только благодаря тому, что проводятся на территории третьих стран. Тот небольшой опыт, который нам удалось накопить, пока нельзя назвать типичным, хотя, безусловно, мы стремимся к тому, чтобы все имели возможность беспрепятственно ездить друг к другу в процессе реализации различных проектов. И поскольку одна из целей нашей деятельности - снятие этнической напряженности между двумя народами - нам приходится тщательно выбирать партнеров, когда речь идет о налаживании мостов доверия.

В частности, не так давно грузинские представители отказались ехать в Австрию на месячный тренинг по гражданскому миротворчеству только на том основании, что сотрудник Центра Гуманитарных Программ представлял Абхазию, а не Грузию. Это тем более странно, что одним из протестовавших оказался человек, с которым у нас по линии Caucasus Links была намечена так и не состоявшаяся встреча в Лондоне, во время которой предполагалось по-новому осмыслить конфликт и заняться поиском путей его разрешения. Во избежание подобных ситуаций, еще более усугубляющих существующие противоречия, мы всегда предпочитаем знать, с кем нам предстоит контактировать. Иногда мне кажется, что некоторыми грузинскими организациями параллельным проектам придается ложная мотивация, которая никак не соответствует налаживанию мостов доверия. Это и дополнительные возможности финансирования и попытка воссоздания хоть в чем-то единого пространства. Абхазским НПО ранее с трудом удавалось получать гранты на организационное развитие. При этом грузинские НПО получают гигантскую поддержку для развития различных инициатив. Но в последнее время, ис-

черпав эти возможности, грузинские НПО как лавина обрушились на абхазские НПО в поиске партнеров в параллельных проектах. Не секрет, что при условии согласия абхазских НПО, международные доноры охотнее выделяют средства на совместные проекты, даже если проект будет не очень удачным. Отношение абхазских неправительственных организаций к таким возможностям противоположное, что связано, как это уже отмечалось выше, с ложной мотивацией соответствующих импульсов. Абхазские НПО отказываются получать гранты от тех международных организаций, которые не хотят напрямую сотрудничать с ними и зарегистрированы в последнее время как национальные (в данном случае грузинские) отделения. Это создает определенный дисбаланс в организационных возможностях и установлении возможного сотрудничества.

У различных организаций неодинаковый опыт. Мне хотелось остановиться на некоторых проектах, непосредственно связанных с народной дипломатией, в которых принимал участие Центр Гуманитарных Программ.

ЦГП одним из первых НПО в Абхазии попытался наладить контакты с грузинскими неправительственными организациями для обсуждения проблем, связанных с преодолением конфликтов. В частности, вместе с Центром Гуманитарных Исследований (Тбилиси) мы работали по параллельной программе UMCOR по реабилитации женщин, пострадавших во время абхазо-грузинской войны. Это был первый опыт непосредственной встречи жертв организованного насилия. В результате нами был накоплен определенный опыт, который мы намеревались в дальнейшем углублять и развивать. К сожалению, не все наши начинания реализуются. Часто в этом повинны организации и центры, взявшие на себя миссию установления новых взаимоотношений, призванных способствовать процессам обновления и поисков гуманных методов в решении конфликтов любых уровней и программы по физической реабилитации не являются приоритетными у международных доноров. Иногда поступают предложения о совместном лечении. Но было бы очень грустно думать, что помощь для инвалидов и ветеранов из Абхазии может быть возможна только в случае согласия на совместное лечение. Я полагаю, что инвалидам войны из Грузии таких предварительных условий никто не ставил, и многие из них уже имели возможность физической и психологической реабилитации за пределами своей страны без участия в этом процессе второй, в данном случае абхазской, стороны. Такая практика, как правило, усугубляет состояние психологической изолированности и этнической неприязни, доставшейся нам как печальное следствие войны.

В свое время предполагался проект встречи ветеранов войны Грузии и Абхазии, которым занималось ОБСЕ. Но, к сожалению, он не состоялся из-за майских событий в Гале, отодвинувших на несколько лет те небольшие успехи, которые уже были достигнуты в деле разрешения конфликта. В частности, если раньше НПО Абхазии готовы были хоть как-то обсуждать определенные проблемы на двусторонних встречах, теперь они стараются их избегать. Так, например, из-за нежелания представителей неправительственного сектора Абхазии участвовать в двусторонних проектах, планировавшаяся встреча Интернэшнл Алерт по построению мер доверия между грузинами и абхазами переросла в большой формат по построению мер доверия в Обще-Кавказском пространстве. В Нальчике, где собрались представители практически всех регионов Кавказа, была принята Декларация о движении по построению мер доверия, в том числе и абхазо-грузинских, и создан Форум Неправительственных организаций Кавказа. Участники форума предложили для реализации идею встречи ветеранов и участников войн на Кавказе (в постсоветский период). На таких встречах, я думаю, и грузинские, и абхазские ветераны сумели бы в более благоприятной атмосфере обсудить волнующие их проблемы, а при желании сами в дальнейшем планировать встречи различных уровней.

Построение мер доверия весьма сложный процесс. И мы очень осторожны в этих начинаниях, так как один неверный шаг, неправильное решение могут на долгие годы отложить то хорошее, что накоплено нами в плане снятия этнической неприязни между нашими народами, и в особенности у детей.

Дети, находившиеся в зонах военных конфликтов, являются невинными жертвами войн, самой незащищенной категорией населения, испытывающей все тяготы и ужас насилия. Войны вызывают деформацию детского сознания, не готового к такому грубому вмешательству. Такие дети на всю жизнь приобретают негативный опыт и с трудом возвращаются к мирной жизни, испытывая жестокие страдания от потери родных и близких и тяжело расставаясь со сложившимся “образом врага”. С другой стороны, эти дети изначально прочно верят в разумность мира и не могут смириться с предлагаемой взрослыми грубой и жесткой реальностью. Дети - самая благодарная часть общества, жаждущая помощи и наиболее активно восприимчивая к идеям мира и добра. Дети готовы к самым широким межэтническим контактам и могут участвовать в миротворческих процессах самого различного уровня. Поэтому очень важным фактором является предоставление самой возможности для детей быть активными творцами общества будущего.

Уже четвертый год мы занимаемся координацией миротворческих лагерей для детей из зон конфликтов Закавказья и Балкан. При этом цели и участие сторон предварительно освещались в прессе. В организации проезда нам помогло абхазское правительство. Однако общественное мнение радикально отнеслось к подобной акции. На второй год проект воспринимался достаточно спокойно, во многом благодаря освещению в прессе и реакции самих детей. На третий год это воспринималось нормально даже многими из тех, кто вначале был противником данной акции. Мотивация участия в подобной акции - расширение миротворческих возможностей через детей. Предоставление детям свободы выбора в определении своего отношения к возможному сотрудничеству. Предполагаемая цель - восстановление, возрождение детской веры в разумность мира, понимание того, что мир без войн - это норма человеческого общежития, обращение к взрослым людям человечества, и в первую очередь через своих родителей, с призывом отказаться от войн, как способа разрешения конфликта. Особая задача - обучить детей мирным способам разрешения конфликтов. Совместный отдых - реабилитация детей из конфликтных зон - позволил ребятам поближе познакомиться с культурой и традициями дальних и ближних соседей, народов. Общий негативный опыт, понимание взаимных нужд поможет поиску эффективных решений в области мирного строительства. Осознание того, что вместе, сообща можно достичь больших результатов создает особую атмосферу доверительности, взаимопонимания и чувства товарищества - чрезвычайно важных моментов для психологической реабилитации. Подобные встречи позволяют устанавливать контакт между детьми различных национальностей из различных горячих точек и приобретать практические навыки по совместной работе в области миротворчества. Они зарождают в детях желание передать сверстникам миротворческий потенциал, полученный при общении, способствуют широкому распространению идей мира и добра в обществе, а также пониманию того, что поствоенное время таит в себе большой негативный потенциал. В таких встречах самими ребятами разрабатываются самые разнообразные миротворческие проекты, которые, возможно, они смогут реализовать если не сразу, то когда вырастут.

Дети должны знакомиться с особенностями быта и нрава других народов, чтобы при встрече проявлять не удивление или агрессию, а уважение. При этом большое значение имеет воспитание уважения к своей традиционной культуре, ибо, только полюбив себя, мы можем полюбить соседа.

Даже, несмотря на майское вооруженное противостояние 98 года, которое отрицательно сказалось на политической ситуации, детские миротворческие проекты, тем не менее, осуществлялись вопреки всему вскоре после этих событий. Наряду с этим был также осуществлен проект отдыха детей в Америке. Организация лагеря осуществлялась правительственными структурами. Абхазские дети отдыхали там совместно с грузинскими. Однако официальная информация о данном проекте была дана в СМИ через несколько месяцев, где в ряду детей других национальностей были названы случайно и грузинские дети. В этом году официально по телевизору было объявлено о совместном отдыхе детей грузин и абхазов. И эти нормально воспринимаются обществом.

Так что усилия неправительственных организаций, в какой то мере способствовали смягчению общественного мнения, что дало возможность использования и такой модели взаимоотношений абхазского и грузинского общества. Так было и с женщинами - жертвами войны. Вначале идея совместного лечения воспринималась неадекватно обществом. Но со временем общественное мнение становится более толерантным. Осознание обществом того, что люди, перенесшие боль и унижение с той и с другой стороны нуждаются в равной степени защиты, помимо оказания реабилитационной поддержки конкретным людям, являлось основной целью проекта. Тенденция к смягчению противостояния на общественном уровне естественно влияет на решения, принимаемые на политическом. Шаги на неофициальном уровне, несмотря на первоначальное неприятие многих, тем не менее, протаптывают дорогу к возможным контактам на различных уровнях.

Недавно абхазскими НПО была предпринята попытка проведения фестиваля детской песни в Абхазии. Многие представители неправительственных организаций Кавказа и Европы выразили желание в нем участвовать. Пафосом проведения фестиваля было участие в нем детей из конфликтных зон Кавказа, а также из относительно благополучных стран Европы. Данная инициатива нашла поддержку у руководства Абхазии. Однако, реализация любой миротворческой идеи в условиях неразрешенного конфликта всегда затрудняется теми или иными проблемами. Проект пока не находит отклика у международных организаций и связано это с проблемой обеспечения безопасности. Думается, что в скором времени и акции такого рода будут уже пройденным этапом.

За эти пять лет, роль и влияние неправительственного сектора на формирование общественного мнения значительно возросли. Несмотря на ограниченные возможности СМИ, идеи лидеров 3 сектора, благодаря

особенностям коммуникативного общения в обществе, получают достаточную огласку. Общественное мнение зачастую формируется на улице, в кафе, в местах собрания людей, откуда информация, хоть и в искаженной форме, достигает всех уровней. Показателен в этом случае пример, когда на экранах местного телевидения был показан цикл передач о третьем секторе. Для многих это было первым знакомством с работой неправительственных организаций, с самим понятием третьего сектора, о существовании которого знает, как оказалось, сравнительно незначительный круг. И связано это отчасти с немногочисленностью неправительственных организаций и сравнительно небольшим ресурсным потенциалом, слабостью организационного развития НПО. Формирование гражданского общества - длительный процесс и новое явление в странах, воспитанных на принципах советского равноправия и отягощенных конфликтами в соревновании по молниеносному построению демократических обществ по западному образцу. Нам еще предстоит столкнуться с перехлестами в построении свободного общества, поэтому даже незначительные усилия, предпринимаемые сегодня - завтра могут принести вполне приемлемые результаты. Ибо, для того чтобы провести в жизнь, какую-то идею, ты должен ее вначале принять для себя и совершенно быть в ней уверен. На это нужно время, люди и определенные усилия.

Грузино-абхазский конфликт и деятельность неправительственных организаций: изучение накопленного опыта и возможные перспективы

Грузино-абхазский конфликт, как, пожалуй, большинство насильственных конфликтов, не может быть исчерпан лишь заключением политического соглашения. Этот конфликт охватил все уровни отношений между двумя народами, двумя общностями. Глубокая пропасть пролегла между массами людей и, если не устранить, не преодолеть существующие противоречия и обиды на всех уровнях, то политическое соглашение окажется не более чем латанием дыры над бездной. Да и само оно не представляется достижимым без предварительной серьезной и масштабной работы по примирению. Отсюда вытекает вся важность и все значение народной, неформальной дипломатии в урегулировании грузино-абхазского противостояния. Наиболее активно в этом отношении заявили о себе неправительственные организации (НПО) Абхазии и Грузии. Собственно, вся неформальная дипломатия в данном случае едва ли не исчерпывается отношениями между третьими секторами обеих сторон.

Само возникновение НПО в Абхазии относится к концу 1994- началу 1995 гг. К тому же времени относятся и первые контакты с соответствующими грузинскими организациями. Для полной ясности замечу, что под НПО я подразумеваю, прежде всего, организации прозападного образца, о которых в основном и пойдет речь.

Круг вопросов, обсуждаемых на встречах представителей НПО Абхазии и Грузии, довольно широк: возможности и способы урегулирования конфликта, меры по укреплению доверия, проблемы беженцев и др. На сегодняшний день контакты между третьими секторами обоих республик приняли уже регулярный характер, несмотря на то, что беспроблемными их не назовешь.

НПО двух сторон взаимодействуют между собой на общекавказском уровне и на уровне непосредственных двусторонних отношений. Это разделение несколько условно, поскольку оба уровня нередко взаимосвязаны. Причем, если для абхазской стороны предпочтительнее обще-

кавказские (многосторонние) проекты, то грузинская сторона обнаруживает большее стремление к двусторонним проектам. Этот момент является составной частью более общей проблемы - проблемы взаимозависимости между отношениями двух конфликтующих сторон и общекавказской интеграцией. Существует распространенная точка зрения, что кавказская интеграция является необходимой предпосылкой и условием решения двусторонних конфликтов. Другой подход, напротив, считает урегулирование двусторонних конфликтов условием для кавказского объединения и начинать надо, прежде всего, с этого. На мой взгляд, здесь нет противоречия. Интеграция на Кавказе невозможна без разрешения существующих конфликтов и, в то же время, объединительные, общекавказские движения создают благоприятный фон и климат для мирных инициатив в горячих точках. В Абхазии более популярна первая точка зрения, разделяемая и многими, если не всеми, деятелями неправительственных организаций, и сформулированная в статье сотрудника НПО фонда «Гражданская инициатива и человек будущего» Лейлы Тания: «Так же, как безопасность на Кавказе является частью проблемы общеевропейской безопасности, безопасность отдельных государств и народов на Кавказе связана с их коллективной безопасностью».¹

Еще одной причиной, по которой абхазские НПО предпочитают многосторонние проекты, является идеологическая и моральная обстановка в Абхазии, где общественное мнение в целом настроено агрессивно и непримиримо по отношению к Грузии. В массовом сознании образ грузин прочно ассоциируется с образом врага, поэтому контакты и встречи с ними часто вызывают подозрительность и недоверие. Двусторонние встречи и конференции выставляют связи между абхазскими и грузинскими НПО в неприкрытом, оголенном виде и вследствие этого более уязвимы для нареканий и нападков со стороны непримиримых и ретроградов. Кавказский контекст позволяет, помимо всего прочего, набросить покров на эти связи и отношения и облегчить реализацию тех или иных начинаний. С грузинскими партнерами легче иметь дело в рамках общекавказских инициатив, на фоне общекавказских движений. Поскольку на этом фоне контакты с грузинскими организациями воспринимаются общественным мнением более терпимо, то и абхазским НПО легче идти на них без особого риска для своей репутации.

Собственно уже первые встречи имели многосторонний характер. Так 14-27 ноября 1994 года в Голландии состоялась весьма представительная молодежная конференция «Мир Кавказу» под эгидой Объеди-

¹ Лейла Тания. Коллективная безопасность на Кавказе и Абхазия. // Эхо Абхазии, 1998, 26 марта, с. 1.

ненных Наций Молодежи (YNOY), посвященная ненасильственному урегулированию и разрешению межэтнических конфликтов и примирению. От Абхазии в ней принимало участие четыре человека. На этом представительном форуме собрались участники из разных регионов. По итогам работы конференции была принята Молодежная программа мира на Кавказе, ставившая перед собой долгосрочные цели, такие как: организация молодежного информационного центра «Кавказ», организация и проведение Конгресса молодежи Кавказа; правозащитная деятельность, создание конфликтологической сети на Кавказе. Кроме этого, представители НПО из Абхазии сумели договориться с Институтом этнологии и антропологии РАН о подключении к неправительственной сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.

К сожалению, многое из того, что было намечено, не удалось осуществить. Уже на этой стадии выявились и обозначились те слабости, тот риск, связанный с долгосрочными проектами, прежде всего имеющими непосредственное практическое приложение. Они наталкиваются на политическую нестабильность и непредсказуемость ситуации в регионе во взаимоотношениях конфликтующих сторон. Вскоре после конференции санкции со стороны России по отношению к Абхазии были ужесточены, установлены жесткие ограничения на выезд людей из республики, из-за чего представители Абхазии лишились возможности участвовать в работе следующей конференции «Мир Кавказу – II», где планировалось продолжить работу по достигнутым соглашениям. Не удалось реализовать также и план подключения к электронной сети этнологического мониторинга из-за полного отключения телефонной связи с Россией, осуществленного в рамках все тех же санкций.

Другой пример негативного влияния нестабильной ситуации на планы и проекты НПО относится уже к 1998 г. Так, в мае этого года была запланирована

встреча грузинских и абхазских комбатантов, участников войны с той и с другой стороны. Но тут разразились известные майские события в Гальском районе, вошедшие уже в историю, как «шестидневная война». Резко обострилось противостояние между Абхазией и Грузией. В этих условиях проведение запланированной встречи могло быть воспринято едва ли не как соглашательство с врагом. Реакция даже официальных кругов была примерно такой: «Вот, дескать, мы воюем, а они там собираются мило беседовать». Пришлось организаторам конференции отказаться от идеи ее проведения.

Возвращаясь к инициативам по созданию общекавказской молодежной структуры или некоего союза, отмечу, что эта идея продолжает носиться в воздухе. 2-4 октября 1998 года в г. Рустави в Грузии состоялась конференция «Молодежь за мирный Кавказ», в которой приняли участие лидеры и представители как правительственных, так и неправительственных организаций из нескольких республик Кавказа, в том числе из Абхазии. На встрече были подписаны протокол о намерениях и обращение, где целями и задачами объявлялись создание общественных организаций по защите прав молодежи и оргкомитета для разработки устава Кавказского молодежного Союза по защите прав молодежи. Этот процесс находится пока в самом начале и сейчас еще сложно сказать, какое развитие он получит, особенно в плане взаимодействия между абхазскими и грузинскими организациями. Но, как несомненно положительный фактор, следует отметить участие в работе конференции, проходившей на территории Грузии, абхазского представителя, которым являлся автор этих строк. Обычно встречи абхазских и грузинских НПО происходят на третьей территории. В этой связи следует отметить, что встречи, семинары и конференции НПО, на мой взгляд, будут обладать большим резонансом, большим миротворческим потенциалом, если будут проводиться на территории как Абхазии, так и Грузии, хотя тут и возникают проблемы обеспечения безопасности. Во всяком случае, к этому следует стремиться и стараться почаще практиковать, по мере возможности, такого рода мероприятия. В частности, во время поездки в Тбилиси и Рустави в октябре 1998 года, я был свидетелем того, какой интерес там вызвало сообщение о том, что в работе молодежного форума принимает участие абхазский представитель.

И тут мне пришлось столкнуться с проблемой общего свойства, с которой часто сталкивались НПО и до этого. Грузинские журналисты, освещавшие работу конференции, попросили у меня интервью. Для меня создалась довольно щекотливая ситуация, т.к. я понимал, что появлением на экране грузинского телевидения я рискую вызвать обструкцию со стороны «патриотов» и националистов, формирующих в Абхазии идеологический климат, тем более что поездка в Рустави не была санкционирована официальными властями. По этой причине я предпочел воздержаться от каких-либо интервью, и по грузинскому телевидению просто прошла информация о присутствии на конференции абхазского представителя. Этот шаг был вынужденным, т.к., на мой взгляд, в принципе, подробное освещение и информация о деятельности НПО в масс-медиа как Абхазии, так и Грузии, совершенно необходима.

Миротворческие инициативы и усилия НПО в значительной степени теряют оттого, что не становятся зачастую фактом коллективного сознания, не становятся достоянием гласности, не звучат так, как следовало бы. Проходят незаметно, третьим, а то и четвертым планом для общественного мнения. Но, если не будет основательной, подробной, ясной информации о деятельности НПО и их работе, если массовое сознание не поймет и не усвоит, что с грузинами можно работать нормально и конструктивно, то невозможно разобрать барьеры между двумя народами, невозможно сломать «берлинскую стену» недоверия и подозрительности.

Отсутствие информации, недостаток знаний и понимания относительно побудительных мотивов и причин тех или иных действий противоположной стороны вообще является важнейшим негативным фактором в любом конфликте. Позволю себе привести в этой связи большую цитату из известного философа Мераба Мамардашвили, в свою очередь, ссылающегося на книгу Владимира Лефевра «Конфликтующие структуры»: «Представьте себе домино, но не обычное, а с цифрами, написанными на обеих сторонах фишек. Причем на одной (скажем, видимой нам стороне) одни цифры, а на другой, невидимой нам стороне, но видимой другому существу, которое и двигает фишки домино, - другие цифры. Оно двигает их по законам арифметики и сообразно своим написаниям. Например, там написано на одной фишке - один, на другой - два, и оно хочет получить три и соответственно складывает их. Но на нашей стороне пришли в движение совсем другие цифры. И в совсем другом порядке и последовательности - для нас непостижимом. Не видя лицевой стороны фишек, мы в принципе не можем увидеть никакого умопостижимого порядка движения цифр на нашей стороне. На нашем экране»². По сути дела здесь дано описание ситуации, характерной для любого конфликта, присущего любому конфликту. Описанная особенность является, на мой взгляд, одновременно и причиной и следствием конфликтных отношений. Следовательно, для того, чтобы их преодолеть, необходимо давать себе труд, попытаться взглянуть на лицевую сторону фишек, на другой экран, то есть ясно и по возможности полно понять причины и побудительные мотивы действия противоположной стороны. Поэтому так важна полная, обстоятельная информация о многочисленных уже встречах и конференциях НПО. Так важно ставить в известность общественность, широкие круги о достигнутых соглашениях или реализуемых проектах. Без этого невозможно устранить существующее отчуждение между народами.

² Мераб Мамардашвили. Как я понимаю философию. Москва, 1990, с.46.

В этом отношении показательны события, последовавшие вслед за двусторонней встречей представителей абхазских и грузинских НПО в Москве 11-12 июня 1996 года. Она положила начало процессу, во многом отразившему в себе характерные черты и особенности взаимоотношений неправительственных организаций обеих сторон. Конференция была посвящена построению мер доверия. Эта цель остается насущной до сих пор. Организатором этого мероприятия выступила британская неправительственная организация «Международная тревога». На нем обсуждались возможность проведения совместных исследований по построению моделей государственных отношений между Абхазией и Грузией, экологические проекты, проекты по восстановлению архивов, преодолению стереотипов и др. С абхазской стороны участвовало пять, с грузинской шесть человек. Работа была результативной и участники конференции разъехались с намерением после возвращения на родину продолжить ее в начатом духе.

Чрезвычайно характерной является реакция на состоявшуюся конференцию, последовавшая на местах, показавшая какое значение имеет степень и характер освещения такого рода мероприятий в средствах массовой информации. Дело в том, что абхазская сторона совершила ошибку, попросту говоря, оставив широкую общественность в неведении. До этого, как правило, после очередной встречи с грузинскими НПО, посвященной тем или иным вопросам, в какой-либо местной газете появлялась небольшая статья с компактно изложенной информацией по этому поводу, или кто-нибудь из участников встречи давал интервью телевидению. Это стандартная, устоявшаяся подача информации и по сей день. После московской конференции этого, однако, не произошло. Грузинская же сторона, напротив, проявила активность, дав в прессе и на радио несколько интервью и сообщений. Результат, тем не менее, получился примерно одинаковый - реакция как в Абхазии, так и в Грузии на московский форум была отрицательной. В Абхазии о конференции узнали из тех интервью и сообщений, которые появились в Грузии. Та же информация, которая прошла в грузинских СМИ и исходила от участников встречи, носила не вполне адекватный характер, некоторые акценты были смещены, некоторые окрашены в слишком розовые тона и пр. В принципе не приходится особенно удивляться тому, что когда такая информация проникла в Абхазию, то она оказалась полной неожиданностью, поскольку, как выше уже было сказано, абхазская сторона никак не осветила московское событие, и реакция последовала крайне отрицательная. «Кто уполномочил этих людей вести какие-либо переговоры с грузинами, кто вообще эти люди? - раздавались голоса. «Мы не хотим

принимать никаких благодеяний от шовинистов». Весьма сходная была и реакция в Грузии на действия своих НПО, особенно со стороны т.н. «правительства в изгнании». «Кто уполномочил и дал право этим людям встречаться и о чем-то договариваться с сепаратистами?» Вот что писал по этому поводу Паата Закареишвили, один из участников московской конференции: «Я хорошо помню реакцию общественности на наши первые встречи с представителями абхазских НПО: на нас вешали разные ярлыки, призывали привлечь к правовой ответственности. Против нашей деятельности боролись разными заявлениями и с помощью прессы».³

Однотипная реакция на деятельность НПО, последовавшая после московской встречи, как в Абхазии, так и в Грузии, свидетельствует о том, что им приходится сталкиваться со схожими, одинаковыми проблемами. Это диктует необходимость более тесной кооперации между неправительственными организациями, осознанию необходимости совместной работы над рядом существующих проблем и их разрешением. Эта работа будет плодотворнее и решительнее, если будет осознано такой кардинальной важности обстоятельство, как то, что никакой конфликт не может быть решен только одной стороной и не решаться другой. Этим я хочу сказать не только то, что любая, какая бы ни была добрая воля, стремление к согласию и миру, идущее только с одной стороны, но не встречающее ответного движения с другой, могут ни к чему не привести. Эта истина довольно элементарна и общеизвестна. Я хочу сказать нечто другое, а именно: есть стороны в конфликте, и есть сам конфликт, со своей особой логикой. Со своей «автономией», со своими «внутренними» соотношениями и как таковой он един и неделим. Почему его и невозможно разрешить на одной стороне и не разрешить на другой, разрешать в какой-то одной части и не разрешать в другой.

Конфликт возникает из столкновения сторон, преследующих различные, противоположные цели, движимых несовместимыми интересами. Для того, чтобы привести эти стороны к согласию, достичь мира, надо сформулировать и обозначить такие цели и приоритеты, которые являются более общими, более фундаментальными, чем узкие, эгоистические требования сторон, приведшие к конфликту и, тем самым, способными объединять, а не разъединять. Например, приоритеты безопасности или прав человека. Как говорил болгарский мыслитель Цветан Тодоров: «Всеобщее - это горизонт согласия между двумя частностями». Но для того, чтобы увидеть этот горизонт согласия, а тем более

³ Паата Закареишвили. НПО, как эффективное средство содействия разрешению конфликтов. // Диалог. Тбилиси, 1998, с.4-5.

достичь его, нужно уметь выходить за пределы односторонней предвзятости, за пределы той частности, к которой ты принадлежишь. То есть не быть полностью, без остатка определенным, заданным исключительно интересами своей стороны.

Именно представителям НПО легче достигать этого. Будучи деятелями неправительственного, негосударственного сектора, они менее ангажированы или, по крайней мере, должны быть таковыми. Справедливости ради надо признать, что не всегда так. Сами представители неправительственных организаций зачастую разделяют стереотипы, идеологию, мифы и искаженные представления, имеющие хождение в обществе, а также довольно смутно представляют себе свою собственную роль и возможную миссию в ходе разрешения конфликта, совершенно нерефлексируя по этому поводу, не осмысляя в должной мере свои цели и задачи в этом отношении. Приведу один, на мой взгляд, характерный пример. В ходе подготовки к реализации проекта «Исследование роли народной дипломатии», в рамках которого написана данная статья, состоялось обсуждение целей и задач абхазской группы, участвующих в этом проекте. В перечне прозвучала и такая формулировка: обеспечение безопасности абхазского общества. Хотя сама по себе такая постановка вопроса, конечно, законна, на это последовали возражения троякого рода. Первое было чисто эмоциональным. Тот, кто его выдвинул, заявил, что он чувствует себя ущемленным вследствие такой постановки вопроса, поскольку тем самым расписывается в своем страхе перед грузинами. Второй обратил внимание, что такая постановка вопроса в рамках совместного грузино-абхазского проекта звучит некорректно. И, наконец, третий заметил, что безопасность абхазского и безопасность грузинского общества - взаимосвязанные вещи. Абхазцы не могут чувствовать себя в безопасности со стороны Грузии, если и Грузия одновременно не будет чувствовать себя в безопасности со стороны Абхазии. В итоге формулировка была изменена, но главным образом по причине, как сочли, ее некорректности. Между тем самым важным являлось третье мнение, мнение о взаимосвязанности безопасности Абхазии и Грузии, о невозможности чувствовать себя в безопасности от своего соседа, если сосед не чувствует себя в безопасности от тебя самого. Но такое адекватное представление о проблеме безопасности, как и о некоторых других проблемах, может возникнуть только, если происходит выход за пределы односторонней предвзятости, о которой говорилось выше, за пределы одной только своей стороны.

Следует отметить, что позитивного эффекта в миротворческой деятельности НПО можно добиться только, если будет выработан самосто-

ятельный, альтернативный официальному подход к урегулированию конфликта и к грузино-абхазским отношениям в целом, поскольку официальный подход обнаруживает свою полную несостоятельность, во всяком случае так, как он проявляется до сих пор. Для характеристики последнего приведу выдержку из работы, касающейся положения в России, но которая почти полностью может быть отнесена и к ситуации в Абхазии. «Официальный дискурс в России (читай в Абхазии - А.Л.), имеющий отношение к «национальной политике», развивается под влиянием представлений (зачастую нерефлексируемых и нечетко артикулируемых) об этнических общностях как своего рода «коллективных индивидах», наделенных волей, интересами и способностью делать выбор... Из парадигмы «коллективной личности» естественно следует, что действия и лозунги группировок или общественных движений, претендующих на этническое представительство, могут и должны восприниматься как выражение «коллективной воли» и «интересов» этнических групп, а структуры власти - как персонификация «доминирующих» этнических и территориальных коллективов».⁴

Подобный подход разделяется в основном и НПО, то есть и в их представлении структуры власти персонифицируют в себе этнический коллектив, как и в представлении общества в целом. Впрочем, и в реальности положение таково, что структуры власти обладают полной монополией на выражение «народной воли». И эта монополия, в принципиальном смысле, еще ни кем не оспаривалась и не ставилась под сомнение, в том числе и НПО, и тем самым молчаливо допускается, что власти имеют единственное право представлять «коллективную волю» и «интересы» этнических групп. Из этого вытекает несколько осторожный, конформистский подход неправительственных организаций к необходимости выдвижения независимых альтернатив в отношениях с грузинской стороной. Если власти иногда и критикуются, то не за исключительное право вещать от имени народа, а за то, что они, в том или ином случае, плохо выполняют свои функции представительства за народ, за этнос, в то время как само это право на исключительное представительство сомнению до сих пор не подвергалось. В силу этого, а также других причин (о которых ниже), НПО не смогли стать серьезным фактором, с которым могли бы считаться стороны, вовлеченные в конфликт.

По существу это уже внутренняя проблема Абхазии, но выходящая на внешние проблемы, в первую очередь, на грузино-абхазские отноше-

⁴ Александр Осипов. Официальные идеологиемы регулирования межнациональных отношений как фактор развития этнической конфликтности (региональный аспект). // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. Москва, 1997, с.252.

ния, и непосредственно с ними связанная. Состоит же она в существовании идеологического монополизма, выражающегося в отсутствии плюрализма, множественного подхода к решению важнейших дел, стоящих перед республикой. И абхазские и грузинские НПО не стали серьезной, воздействующей на трансформацию конфликта силой, несмотря на внешнюю активность, потому что они не смогли, во всяком случае, пока, стать серьезной силой внутри своих сообществ, с которой должны были бы считаться, которую невозможно было бы игнорировать. Но до тех пор, пока неправительственные организации, гражданское общество в целом не станут силой, с которой невозможно не считаться, их ошутимое влияние и воздействие на трансформацию конфликта весьма сомнительно.

Одной из важнейших функций неформальной, народной, дипломатии гражданского общества, стремящегося к миру, является организация общественного давления. «Организация общественного давления, чтобы стороны конфликта прислушались к стремлению народа к миру. Действуя как сторонники мира, группы людей могут создать широкую мирную коалицию, которая придаст моральный авторитет мирным инициативам, предпринимаемым различными организациями, сообществами и церквями. Эта коалиция поддерживает усилия сторонников мира, имеющих дело с казальсь бы неразрешимыми проблемами и держит открытыми линии коммуникаций».⁵ Но в ситуации существующего монополизма предпринять такого рода действия невозможно. Всякого рода инициативы, буде они возникнут, по организации общественного давления, создания с этой целью коалиции, будут восприняты государственными структурами как покушение на их «священные» прерогативы и вызовут острую ответную реакцию. Это, повторюсь еще раз, в первую очередь, внутренняя проблема, как абхазского, так и грузинского общества. Организация общественного давления будет воспринята крайне болезненно не столько потому, что у официальных властей нет склонности к мирному решению конфликта, сколько потому, что оно будет расценено как стремление к ограничению полномочий и прав «государства», правительства.

Следует подчеркнуть, однако, что на сегодняшний день ни сами неправительственные организации, ни какие-либо иные общественные институты не готовы, да и не стремятся ни к организации давления, ни к формированию коалиции. Об этом можно говорить только в возможной перспективе. И не только из-за нынешней слабости гражданского обще-

⁵ Разрешение конфликтов. Пособие по обучению методам анализа и разрешения конфликтов. Москва, 1997, с.152.

ства. Некоторая парадоксальность ситуации заключается в том, что, несмотря на частые встречи и контакты с грузинскими НПО, абхазские неправительственные организации по ряду вопросов занимают более радикальные позиции по отношению к Грузии, чем официальные власти. Они настороженно относятся, например, к возможности формирования общего экономического и информационного культурного пространства с Грузией. Некоторые из них в корне отвергают саму эту идею и даже с некоторым подозрением относятся к тем инициативам международных неправительственных организаций, за которыми им чудится фон или контекст «общего пространства». НПО Абхазии считают себя ответственными за построение независимой государственности, разделяют с официальными лидерами и общественным мнением базовые установки сепаратизма на отделение и суверенитет.

Если взять треугольник отношений: государство - НПО - общественное мнение, то картина в целом выглядит таким образом. В общественном мнении, в массовом сознании устойчиво доминирует представление о Грузии как о враге, противнике, с которым надо быть начеку. Усилиями местной историографии Грузия возведена в ранг своего рода исторического антагониста, постоянно помпшляющего о вытеснении абхазов из Абхазии. Этому способствуют продолжающиеся диверсионные акты и провокации грузинских боевых групп в Гальском районе, а также периодически появляющиеся на страницах некоторых грузинских газет антиабхазские публикации, способствующие поддержанию недоверия и враждебности. Поэтому контакты и встречи с грузинами, участвуют ли в них официальные лица или неофициальные лидеры, можно сказать, лишены своего рода презумпции невинности. Требуют какого-то оправдания и легитимации в общественном мнении.

Позицию официальных властей в отношениях с общественным мнением нельзя представлять себе однозначно. С одной стороны официальная пресса и государственное телевидение сами являются сильнейшими факторами, формирующими господствующую идеологию. С другой стороны, в тех случаях, когда правительство готово пойти на некоторые уступки, чтобы договориться с грузинской стороной, оно сталкивается с подозрительностью и нетерпимостью доминирующего в обществе мнения, реакцию которого можно выразить в этом случае словами: «нас продают» или «за нашей спиной торгуются». Например, когда шли разговоры о возможности прокладки через Абхазию нефтепровода, многие опасались, что ценою за это станет ее «свобода». На Западе часто не понимают того обстоятельства, что если бы не радикальное настроение в обществе, то официальное руководство было бы более склонно

к компромиссу. Вместе с тем власти не предпринимают серьезных попыток изменить существующую идеологическую ситуацию, психологический климат. По нескольким причинам. Во-первых, именно на основе национально-патриотической идеологии утвердился абхазский политический истеблишмент, поэтому он не может изменить сколько-нибудь серьезным образом принятый курс, не рискуя скомпрометировать сам себя. Во-вторых, властям выгодно сохранять существующее положение вещей, т.к. это помогает сохранению монополизма и «единению» перед лицом врага. Наконец, власти возможно просто не в состоянии предложить конструктивную, положительную программу, всесторонне разработанную и обоснованную концепцию развития. Таким образом, позиция правящих кругов неоднозначна - желание пойти на определенный компромисс сталкивается с националистическими настроениями в обществе, но изменять идеологическую ситуацию они не хотят, поскольку патриотическая риторика стала неотделима от монополии, стала необходимым инструментом сохранения власти, «единства».

Что касается неправительственных организаций, то и здесь положение очень неоднозначно. С одной стороны, НПО не менее, а иногда и более радикальны по принципиальным вопросам отношений с Грузией, но в то же время более открыты к диалогу и контактам с грузинской стороной, исповедуя необходимость цивилизованного подхода к разрешению конфликта независимо от расхождения во взглядах. Неправительственные организации находятся в значительно более сложных отношениях с общественным мнением, чем официальные структуры, но в отличие от последних, у них нет эффективных рычагов воздействия на массовое сознание. В обществе до сих пор нет ясного представления о том, что такое НПО, третий сектор. Восполнить этот пробел был призван цикл передач: «Третий сектор», прошедший в конце января 1999 года по абхазскому телевидению, а также бюллетень неправительственных организаций под тем же названием.

Эффективность участия НПО в урегулировании конфликта в немалой степени зависит от их способности быть «третьей стороной». Как правило, мирное урегулирование насильственных конфликтов не обходится без участия в этом третьей стороны или сторон. Обычно они выступают в роли посредников. Есть таковые и в грузино-абхазском конфликте в лице международных организаций или других стран. Этим посредников можно назвать внешней третьей стороной. Но есть и те, кого можно назвать (это очень условное определение) внутренней третьей стороной, т.е. организации и сообщества людей, являющихся гражданами конфликтующих стран, но организующих давление в пользу мира

или посредничающих. Для результативной деятельности посреднику необходимо иметь кредит доверия у конфликтующих сторон, которое можно приобрести только, не будучи излишне политизированным, не только на словах, но и на деле, подтверждая свое стремление к миру, проявляя внимание и терпимость, прислушиваясь к аргументам сторон. Такого рода внутренней третьей стороной в грузино-абхазском конфликте могут стать в перспективе, прежде всего неправительственные организации.

Однако до того, как НПО смогут стать реальной силой, с которой не смогут не считаться противоборствующие стороны и прежде, чем сами неправительственные организации смогут определиться как посредники, из их среды могут выдвинуться заинтересованные инсайдеры. Заинтересованный инсайдер третьей стороны обычно принадлежит к коренному населению страны или региона, в котором происходит конфликт, и он известен конфликтующим сторонам. Именно тот факт, что они известны конфликтующим сторонам и пользуются их доверием, а также знакомы с проблемами, определяет то, что они могут выступать как третья сторона. Такие люди часто являются религиозными деятелями или лидерами общин, чьи позиции и личные качества обеспечили им всеобщее уважение и доверие. Они представляют заинтересованную часть того общества, в котором происходит конфликт. Они останутся в стране или регионе после того, как их роль будет выполнена». ⁶ Заинтересованный инсайдер не обязательно должен быть только из религиозных деятелей или лидеров общин. В условиях Абхазии они выдвинутся в первую очередь из третьего сектора. Сегодня именно в этом секторе работают специалисты, занятые поиском выхода из грузино-абхазского противостояния и в некоторых из них, заслуживающих доверия и уважения по обе стороны баррикады, уже сегодня можно рассмотреть будущих инсайдеров.

Недооценивать роль заинтересованных инсайдеров в трансформации конфликта нельзя, особенно в условиях Абхазии и Грузии, где личный момент всегда играл особую роль. Дело в том, что для таких обществ, как Абхазия, подходит замечание Ролана Барта, сказанное им относительно обществ с низким демографическим уровнем развития (таковой является Абхазия) или племени. Этим обществам свойственны персонификация и номинация тех или иных событий, тех или иных акций, действий. В таких обществах (где «все знают всех») население зачастую склонно рассматривать не саму суть каких-либо инициатив, а то

⁶ Там же, с.142.

кто их инициировал, кто их проводит. Поэтому здесь ответственность, которую берут на себя лидеры, более велика, чем в обществах с высоким демографическим уровнем, с многочисленным населением, сложной разветвленной инфраструктурой, где происходящие события не имеют такой прямой, жесткой привязки к персонам.

Причина по которой НПО в целом на сегодняшний день еще не готовы выступить как «третья сторона», то есть как посредник, помимо прочего сводится к фундаментальной проблеме идентичности, самосознания. Конфликт с Грузией стал в определяющей степени фактором, усиливающим национальное самосознание абхазов. Едва ли не весь строй духовной, культурной, научной жизни в Абхазии свелся к выяснению грузино-абхазских отношений в разных контекстах. Выяснение этих отношений, уяснение того обстоятельства, что Абхазия это не Грузия, что это отдельная страна и отдельное государство, стало сердцевинной самооценки и самосознания абхазов. Несколько утрируя и заостря проблему, можно сказать, что мера отношения к Грузии стала мерилем отношения абхазов к самим себе. В этом смысле мы имеем дело с феноменом, названным в свое время Бердяевым «отрицательной зависимостью», то есть отрицание, отталкивание от Грузии, есть движущая сила абхазского самосознания и идентичности, через это оно становится. При этом парадоксальным образом зависимость все равно сохраняется, впадают в зависимость от того, что отрицают, что отвергают.

Этот процесс непосредственным образом затрагивает и представителей НПО, самосознание которых формируется таким же образом. Попытка же выйти за эти рамки - значит пойти на риск поставить, себя вне уже реально существующей и заявляющей о себе идентичности. Вместе с тем, неправительственные организации предпринимают шаги в сторону формирования новой идеологии, новой ментальности. Стремятся предложить позитивные ценности, способствуя становлению гражданского общества. С этим связана организация конференции «Долгосрочные интересы и приоритеты Абхазии» в Гагре 16-18 апреля 1998 года. Круг поставленных вопросов был широк - от проблем экономики и геополитики до культуры и образования. Представители НПО часто выступают в прессе по актуальным проблемам внутренней жизни республики. На первый взгляд это не имеет прямого отношения к конфликту, но чем скорее, как в Абхазии, так и в Грузии, возникнет гражданское общество, тем быстрее удастся преодолеть противостояние. Структуры гражданского общества, в первую очередь НПО, разделяют ценности, многие из которых являются общими как для абхазских, так и для грузинских организаций - права человека, открытое общество, плюрализм и др.

Тем, кто разделяет общие ценности, всегда легче найти общий язык. Людям, исповедующим цивилизованные формы общения и поведения, нормы и законы, признанные в международном сообществе, легче прийти к согласию друг с другом. В этом плане важно подчеркнуть, что НПО и Абхазии, и Грузии, в смысле устройства гражданского порядка, социально-культурной и политической жизни, ориентируются на Запад. В Абхазии процесс вестернизации (как он ни слаб) идет через неправительственные организации. Эти общие ориентации, в случае успешного роста гражданского общества, могут частично перекрыть «несовпадение государственных геополитических ориентаций в посттоталитарный период (Грузия - Запад, Абхазия - Россия)».⁷

В то же время либеральные, демократические ориентиры переплетаются в сознании многих активистов НПО с заблуждениями, фикциями и мифами, образуя вместе с ними разнородный сплав. Происходит это оттого, что многие положения просто берутся на веру, считаются само собою разумеющимися, не осмысляются, не исследуются. В этой связи вспоминается высказывание Мамардашвили: «Мне все этнические конфликты кажутся фиктивными, хотя это и реальные индукции, мобилизующиеся темными страстями внутрипривиденческой жизни».⁸ Атмосфера подобной внутрипривиденческой жизни проникает и в сознание многих деятелей третьего сектора, причудливым образом соседствуя с ориентацией на ценности западной цивилизации. Чего стоит хотя бы утверждение о достаточности того, что в конституции Республика Абхазия провозглашена суверенным государством. Тот факт, что это государство ни кем не признается, игнорируется. Самопровозглашение приравнивается к самопризнанию. Попросту говоря, достаточно того, что мы сами себя признали. Это утверждение является совершенно солипсическим и умаляет важность акта внешнего признания, которое возможно лишь в случае нахождения такого статуса для Абхазии, который, соответствуя ее подлинным, реальным интересам, в то же время вписывался бы в общепринятые рамки международных отношений.

Немаловажным элементом урегулирования насильственных конфликтов является признание ответственности и ущерба. Трудно переоценить то значение, какое имело бы признание со стороны грузинского руководства если не преступного характера т.н. ввода войск в Абхазию,

⁷ Тания Л.И., Аргун А.Ю., Тания А.Г. Проблема возвращения грузинских беженцев в Абхазию: конфликтогенный аспект.// Перспективы. Бюллетень фонда «Гражданская инициатива и человек будущего». Выпуск 1. Сухум, 1995, с.21.

⁸ Мераб Мамардашвили. Верю в здравый смысл.// Молодежь Грузии, 1990, 21 сентября.

то, по крайней мере, оценка его как непоправимой, роковой ошибки. То же касается в части признания ответственности и по отношению ко многим фактам вандализма, проявленным во время войны, как с одной, так и с другой стороны. На важность признания нанесенного ущерба указывает и эпизод, последовавший после московской встречи в июне 1996 года, на которой в числе прочих, обсуждался и проект по восстановлению архивов. Во время боевых действий в Абхазии были полностью уничтожены, сожжены Центральный государственный архив и Абхазский институт языка, литературы и истории. Всю ответственность за это абхазская сторона, вполне естественно, возлагает на грузинские оккупационные власти, т.к. произошло это на территории, контролируемой ими. Последние отрицают свое отношение к этому варварскому акту. По упомянутому проекту предполагалось, что при содействии грузинских НПО из архивов и хранилищ Тбилиси будут получены, имеющиеся там материалы по истории Абхазии. Данная акция призвана частично восстановить документальную базу абхазоведения. Но в самой Абхазии она встретила резкий отпор, как со стороны официальных кругов, так и со стороны самих сотрудников института. Лейтмотив был таким - мы не примем никакой помощи со стороны тех, кто уничтожил наши архивы, а теперь лицемерно предлагает свою помощь. Если бы с грузинской стороны последовало в какой-либо форме признание нанесенного ущерба, то данный проект, вне всякого сомнения, встретил бы более теплый прием. На конференции в Ереване 16-17 декабря 1996 года «Сотрудничество между неправительственными организациями: возможности», где также прозвучала тема восстановления архивов, один из грузинских участников отметил, что он знаком с группой независимых ученых, готовых высказаться по этой теме, принять обращение, призванное создать благоприятный климат для реализации этой инициативы.

Со стороны официальных кругов актов покаяния, каких-либо нестандартных, нетривиальных подходов ждать, как показал опыт, не приходится, но неправительственные организации, не связанные с политикой, могут пойти на принятие заявлений и обращений нестандартного свойства, преследующих миротворческие цели, не дожидаясь пока договорятся политики.

Хороший пример этого - обращение группы представителей НПО и интеллигенции Грузии под названием «Надо найти выход». В этом обращении, получившим положительный резонанс в Абхазии, констатируется, что «создавшееся положение требует поиска новых форм сосуществования грузин и абхазов... Что касается проблемы возвращения

перемещенных лиц и беженцев, она должна решаться в контексте определения политического статуса».⁹

В обращении прозвучала мысль о снятии экономической блокады с Абхазии, а также о необходимости нравственной оценки трагических событий в Абхазии. Налицо конструктивный, компромиссный подход к узловым проблемам грузино-абхазского конфликта, способный повлиять на общее состояние умов.

1-4 апреля в Сочи прошла конференция «Меры по восстановлению доверия между Грузией и Абхазией», в которой приняли участие представители и из других регионов Кавказа. На расширении формата встречи настаивала абхазская сторона. По этому проекту предусматривается проведение целого ряда встреч представителей гражданского общества, некоторые из которых уже состоялись. Партнерами по проекту выступают британская неправительственная организация «Международная тревога», фонд «Гражданская инициатива и человек будущего» (Сухум) и «Международный Центр Конфликтологии и Стратегии Переговоров» (Тбилиси). На встрече в Нальчике 19-25 июня 1998 года процесс трансформировался в «Построение Общекавказского Форума НПО для активизации их роли и участия в предотвращении и урегулировании насильственных конфликтов». По итогам работы в Нальчике была принята «Эльбрусская декларация», где основные задачи форума сформулированы следующим образом:

1. обеспечение возможности регулярного контакта и диалога между участниками форума, заинтересованными лицами и организациями;
2. установление общей эффективной коммуникационной сети участников форума;
3. оказание поддержки НПО - участникам форума;
4. поддержка конкретных проектов, инициируемых в рамках основных направлений деятельности форума.

Если, как уже отмечалось, абхазская сторона отдает предпочтение многосторонним встречам, то грузинская сторона склоняется, прежде всего, к двусторонним. Но, независимо от этого, понимая важность и, в какой-то мере, неизбежность кавказского контекста, необходимость кооперации усилий в общекавказских масштабах, грузинская сторона охотно идет на сотрудничество в этом направлении. Вот как высказывается

⁹ Надо найти выход.// Диалог. Бюллетень неправительственных организаций. Тбилиси, 1998, с.7.

по этому поводу директор Центра Конфликтологии и Стратегии Переговоров Георгий Хуцишвили: «Ни на одном этапе грузинская сторона не была против многосторонних кавказских встреч с участием представителей кавказских регионов в рамках проекта по восстановлению доверия между Грузией и Абхазией. Были, правда, опасения, не окажется ли в стороне грузино-абхазская проблема? Но, поскольку, на сочинской встрече в апреле 1998 года мы увидели, что фактор участия представителей из других регионов Кавказа положительно повлиял на ход переговоров, мы сразу же начали развивать это направление и пришли к идее создания форума».¹⁰ Что касается двусторонних проектов, то они могут реализовываться, что и было сформулировано в одном из пунктов, в рамках основных направлений деятельности форума. Некоторые из особо сложных планов и проектов могут при поддержке форума перейти на общекавказский уровень, что только облегчит реализацию их замысла.

Из различного рода встреч и конференций абхазских и грузинских неправительственных организаций, кроме уже названных, упомянем наиболее примечательные из них: абхазо-грузинский диалог-семинар 25 января - 1 февраля 1997 года в Штадтшляйнинге (Австрия); встреча 8-10 мая 1997 года в Варшаве абхазских, грузинских и осетинских журналистов; наверняка в будущем предстоит еще не одна подобная встреча, не одна конференция НПО Абхазии и Грузии. «Участники подобных семинаров, круглых столов и встреч могут придерживаются диаметрально противоположных взглядов, у них могут быть свои политические симпатии и антипатии, но эти мероприятия, по крайней мере, для представителей из Абхазии, еще одна возможность быть хотя бы услышанными, заявить о своих интересах и опасениях».¹¹

Очевидно, что на данный момент неформальная дипломатия неправительственных организаций подошла к определенному рубежу. Ее дальнейшее развитие зависит от двух факторов: во-первых, оттого в какой степени будет возрастать удельный вес третьего сектора внутри своих сообществ, и во-вторых, оттого насколько сами представители неправительственного сектора в состоянии эмансипироваться от господствующих в общественном сознании идеологий и некритически усвоенных представлений, что прямо пропорционально росту осознания своей ответственности.

¹⁰ Конфликты и переговоры. Бюллетень Международного Центра по исследованию конфликтов и переговоров. № 4. Тбилиси, 1998, с.7.

¹¹ Манана Гургулия. Дневник двусторонних встреч.// Третий сектор. Информационно-аналитический бюллетень. Сухум, 1998, с.10.

Статья посвящена различным аспектам деятельности неправительственных организаций. Автор концентрирует свое внимание вокруг таких проблем, как сложные, неоднозначные отношения между неформальной дипломатией НПО, общественным мнением и официальными властями. Анализирует причины, по которым абхазские НПО отдают предпочтение многосторонним, общекавказским проектам. Приводит наиболее примечательные примеры из взаимоотношений абхазских и грузинских НПО. Автор также указывает на те причины, в силу которых, несмотря на внешнюю активность, неофициальная политика неправительственных организаций еще не стала весомым фактором, влияющим на грузино-абхазский конфликт. Подчеркивается настоятельная необходимость доведения до сведения широкой общественности сути и характера миротворческих инициатив НПО, как можно более широкое освещение в прессе их деятельности. Сама эта деятельность самым непосредственным образом связана с внутренней ситуацией в Абхазии и трансформация конфликта в значительной степени зависит от трансформации конфликтующих сторон в сторону демократии и гражданского общества.

Народная дипломатия в грузино-абхазском конфликте: пути развития глазами участников

Целью данной статьи является изучение и анализ личного опыта участников процесса народной дипломатии в грузино-абхазском конфликте. Это попытка увидеть процесс как бы изнутри. К сожалению, это будет попытка увидеть её только с одной, грузинской стороны. Тем не менее, есть надежда, что она внесёт определённый вклад в более успешное развитие народной дипломатии в грузино-абхазском конфликте.

Изучение личного опыта происходило методом углублённого интервьюирования участников. Метод углублённого интервьюирования является качественным методом в социологии. Он опирается на модель открытых вопросов. Респондентам задаётся серия вопросов, на которые они могут ответить свободно, ничем себя не ограничивая. В зависимости от ответов им задаются дополнительные вопросы. Этот метод даёт возможность поднять на поверхность такие мысли и впечатления, которые раньше, может быть, и не совсем до конца осознавались респондентами.

Личный опыт, это понятие очень широкое. Поэтому мы выделили несколько аспектов, которые могут оказаться полезными для понимания процесса народной дипломатии в грузино-абхазском конфликте.

Настоящее интервью состояло из следующих блок-вопросов:

- Что ожидали респонденты от себя, от другой стороны, от результатов и насколько оправдались их ожидания;
- Как они оценивают своё участие и саму встречу (или встречи) с абхазами;
- Изменилось или нет у них отношение к абхамам и народной дипломатии в грузино-абхазском конфликте после их участия в этом процессе;
- Продолжают ли они свою активность и каким образом;
- Как они считают, есть ли такие моменты в культуре, традициях и интересах абхазов и грузин, которые могут играть роль в полезном разрешении грузино-абхазского конфликта;

- Что и как влияет на эффективность встреч с абхазами;
- Как может народная дипломатия взаимодействовать с официальной дипломатией и какой вклад она может внести в урегулировании грузино-абхазского конфликта. Что ещё на их взгляд можно и нужно сделать в этом направлении.

Интервьюировались десять участников процесса народной дипломатии.

Четыре из них принимали участие в встречах с абхазами один раз. Остальные по несколько раз. Четыре из них члены разных НПО работающих в этом направлении. Двое из участников перемещённые лица из Абхазии, остальные из Тбилиси. Все респонденты с высшим образованием. Среди них три журналиста. Из десяти респондентов четыре женщины, остальные мужчины.

- Что ожидали участники от себя, от абхазов, от результатов и насколько оправдались и ожидания.

Большинство из респондентов призналось, что нервничали перед встречей, так-как ожидали некоторой напряжённости с обеих сторон. Так и оказалось. Вначале все встречи отмечались отчужденностью и напряжённостью. Это касается первых встреч. Когда при повторных переговорах встерчали знакомых, дело обстояло иначе. Отчужденности и напряжённости уже не было. Во всяком случае не в той степени.

Что касается ожидания агрессии, почти все участники сказали, что не ожидали её. "Если бы я чувствовал агрессию в себе, то не пошел бы на эту встречу!" цитата из интервью. И еще другая "У меня раньше никогда не было конфликтов с абхазами, поэтому я не мог себе представить ничего подобного."

Но вспышки агрессии на встречах конечно были.

"Это вполне закономерно и не должно нас пугать, ни грузин ни абхазов."

"Это даже полезно выплеснуть эту агрессию которая так или иначе сидит в нас, после этого общение становится более конструктивным."

"Бывало, что после острых дебатов дело кончалось общим застольем и мы все вместе распевали абхазские и грузинские песни."

Почти все респонденты ожидали больше доверия и взаимопонимания со стороны абхазов - " Но, как видно, этого нельзя ожидать от одной

единственной встречи, видимо это должно происходить шаг за шагом".

"Для того, чтобы восстановить доверие и нам и абхазам нужно время, но не время само по себе, а время наполненное действием."

От результатов вначале все участники ожидали большего, но потом увидели что путь народной дипломатии это долгий но верный путь, который не закончивается даже после разрешения конфликта.

"Доверие возникает не на уровне сторон, как я ожидала, а на уровне отдельных людей."

"Мы на первой встрече договорились осуществить уйму совместных проектов. Я порхала на седьмом небе, но потом ничего из этого не получилось. Тогда я подумала что надо запастись терпением и считать достижением каждый маленький шаг, если удастся его сделать."

"Это оказалось труднее, чем я ожидала."

- Как оценивают респонденты своё участие и саму встречу (или встречи) с абхазами?

Несмотря на некоторые неприятные моменты и переживания, а порой и фрустрацию, результаты встреч с абхазами все респонденты оценивают как успешные.

"Я не могу оценить в целом все акции, разные акции имеют разный эффект."

"Я их лучше узнал, и думаю что они меня тоже."

"Я приобрела друга которому доверяю полностью, этого я ожидала меньше всего, и это для меня результат."

- Изменилось или нет у них отношение к абхазам и народной дипломатии в грузино-абхазском конфликте после их участия в этом процессе?

У большинства участников отношение к абхазам изменилось к лучшему.

"Я увидела, что мы все стали жертвами одной и той же ошибки."

"Когда узнаёшь человека лично и он тебе нравится, то это неосознанно распространяется на весь народ. А я встретил абхазов которые мне понравились, особенно некоторые из них."

"У меня не сложилось общего отношения к абхазам, к каждому из них есть отдельное отношение."

"Конечно изменилось, раньше абхазы были для меня абстрактным народом а сейчас они стали конкретными, реальными людьми" - сказал один респондент, который до этого никогда не встречался с абхазами.

"До этого они были врагами, а сейчас стали обыкновенными, нормальными людьми."

Только у двоих респондентов мнение об абхазах изменилось в худшую сторону ! " слышном уж они агрессивные."

Отношение к народной дипломатии в грузино-абхазском конфликте после своего опыта у всех изменилось в лучшую сторону.

"Сейчас я больше верю в народную дипломатию. Она действительно работает. Только не надо останавливаться, надо чтоб было как можно больше встреч и как можно больше людей участвовало в ней."

"Верю намного больше, но мне кажется, что надо быть более активными".

- Продолжают ли они свою активность и каким образом?

На это все ответили по разному. Общим было лишь то, что все много и охотно рассказывают о своем опыте своим друзьям и знакомым. Некоторые написали статьи и опубликовали их в прессе. Двое участвовали в пресс-конференции которую устроила группа участников одной из встреч.

Наиболее активно и плодотворно свою деятельность продолжают те респонденты, которые являются членами НПО, занятых вопросами народной дипломатии. Это происходит в рамках конкретных программ проводимых НПО.

- Как они считают, есть ли такие моменты в культуре, традициях и интересах абхазов и грузин, которые могут играть роль в полезном разрешении грузино-абхазского конфликта?

Почти всеми респондентами культура и традиции абхазов и грузин воспринимаются как очень схожие, очень родственные.

"Если не это, то встречи между нами проходили бы более тяжело, это такая основа, которая действительно может играть значительную роль в урегулировании конфликта" ! цитата из интервью.

Но как? На это никто конкретно не смог ответить. Может быть тем что, как сказал один из респондентов, " мы одинакого смотрим на многое, у нас один корень."

Самым главным общим интересом грузин и абхазов все считают желание жить в мире.

"Я думаю, что в глубине души, и абхазы и грузины, которые жили там, все хотят одного, жить также как жили до конфликта, в мире, спокойствии и достатке. Уверена, что у всех есть ностальгия по ушедшему."

"Думаю, что всё-таки и абхазы, которые там остались, и грузины, которым пришлось оттуда уехать, всё же предпочитают чтобы рядом жили прежние соседи, а не совершенно незнакомые люди."

Почти все респонденты общим считают экономические интересы, экологию, морскую акваторию, Ингургэс. Главным общим интересом женщины считают то, чтобы молодое поколение расло здоровым.

- Что и как влияет на эффективность встреч с абхазами?

Почти все единодушны в том, что организованные третьей, нейтральной стороной переговоры более эффективны. В любом случае предпочтение отдаётся структурированным встречам, которые проходят по определенному плану и имеют свою конкретную цель и задачи.

Только один респондент считает, что лучше, когда абхазы и грузины встречаются без медиаторов, а встреча не структурирована. "В этом случае не чувствуешь себя в рамках и высказываешь больше инициативы."

Большинство респондентов считает, что рамки переговоров не должны быть очень жесткими, Это мешает сближению. Должно быть достаточно времени и для неформальных контактов. Многие считают что совместные маленькие экскурсии или пикники в этом очень помогут, так как это даёт возможность вместе получить новые положительные впечатления и эмоции, а это, как известно, очень сближает людей.

"Встреча была чересчур жёстко структурирована, чересчур насыщена, у нас почти совсем не было времени для установления неформальных отношений. Мы не могли сказать лишнего слова, если это не соответствовало плану организаторов. Давались какие то готовые рецепты. Всё это оставляло впечатление военной казармы. Это раздражало и абхазов и нас и мы даже как- то объединились в нашем недовольстве."

Большое значение придается фасилитаторам. От того как фасилитатор ведёт встречу зависит многое. Особенно много об этом говорили те, которые участвовали в нескольких встречах с разными фасилитаторами и имели возможность сравнения. Как рассказывают респонденты,

иногда фасилитатор хорошо владеет техникой, но совершенно не знает конфликта, не знаком с культурой и менталитетом ни абхазов ни грузин.

Плохо оцениваются участниками и то, когда фасилитаторы навязывают готовые рецепты и не дают им возможность свободно выражать свои мысли и эмоции. Здесь они не подразумевали что процесс совсем не должен контролироваться. Имеется в виду то, когда фасилитаторами процесс прерывается в очень важный для участников момент. Бывали такие моменты, что когда при эмоциональном обсуждении какого-то вопроса стороны "доходили до сути", и та и другая сторона была готова сказать главное, и "это был шанс наконец-то открыто высказаться," а их прерывали. Фасилитаторы это объясняли так ! мы приехали сюда не для того чтобы ссориться, а для того чтобы сотрудничать. Но, как отмечает большинство респондентов невозможно сотрудничать с человеком, если хоть раз не выскажешь то что накопилось внутри.

" Им надо высказаться перед нами и нам тоже, и в этом нет ничего плохого. После того как нас прерывали мы продолжали обсуждать эту тему во время кофе-брейков и ничего страшного не происходило."

Один респондент сказал, что он испытывал (и испытывает поныне) очень неприятные чувства после встречи с абхазами - " Там было слишком много агрессии". Как ему потом объяснили это было спровоцировано фасилитаторами специально, чтобы абхазы и грузины осознали свои стереотипы друг о друге. Встреча на этом и закончилась. Он согласен, что нужно пройти через всё это, но тем не менее его отрицательные эмоции не изменились. Он думает, что встреча не должна была закончиться на такой ноте.

Неодинаковое отношение у респондентов к присутствию представителей кавказского региона. Некоторые считают что их присутствие не меняет ход переговоров. У некоторых нет определённого мнения, так как не имеют возможность сравнения.

Некоторые респонденты считают, что присутствие кавказского элемента желательно, потому что обстановка бывает менее напряжённой, тем более, что абхазы охотнее идут на переговоры с участием представителей народов северного кавказа.

Эти респонденты участие в переговорах кавказских представителей считают очень позитивным, здоровым фактором, потому что сегодня северный кавказ уже не думает только об абхазских и своих узких интересах а уже начинает принимать во внимание важность добрососедских отношений в пределах всего региона. Но как отмечается, минус

таких встреч состоит в том, что контакт между абхазами и грузинами получается более поверхностным, не происходит сближения.

Довольно таки важное значение придаётся тому где лучше проводить встречи. Все думают что на первой фазе встречи должны происходить на нейтральной территории. Но таковым не считают Россию. Россия респондентами воспринимается, как заинтересованная сторона.

Все считают, что на второй фазе встречи лучше проводить в Сухуми и Тбилиси а потом уже и в других местах. Мнения расходятся в том уже настала вторая фаза встреч или ещё нет, готовы ли стороны к этому. Часть респондентов считает что нет, что стороны к этому ещё не готовы.

Другая часть, а их больше, думает, что уже пришло время для этого, если бы абхазские власти не препятствовали этому. Но желание поехать туда и принять здесь абхазов есть у всех.

Было высказано предположение о полезности проводить более малочисленные встречи в благоустроенных странах, " чтобы и абхазы и грузины увидели, что они лишают себя возможности жить так же спокойно и хорошо."

Респонденты, которые участвовали в нескольких встречах, большое внимание уделяют сохранению опыта народной дипломатии.

"Надо чтоб всё больше и больше людей участвовало в ней, но не так что сегодня я, завтра ты, а после завтра он. Так опыт теряется. Мы сегодня чего-то добились, а завтра приходят другие и начинают с нуля. Так теряются контакты которые уже установились. Конечно это не значит, что в этом процессе должны участвовать одни и те же люди, наоборот. Но человек уже участвовавший в встречах больше разбирается в проблеме, более готов найти общий язык."

Респонденты с опытом считают, что группы должны комплектоваться частично людьми с опытом встреч и частично новыми, которые этого опыта не имеют, " надо чтоб была преемственность. Это одновременно помогает сохранению опыта и расширению масштаба народной дипломатии."

"Новые люди - это новые идеи, новая энергия."

Один респондент имеет другое мнение насчёт такого структурирования групп. Респондент считает, что отдельно должны встречаться те, которые уже определили какую форму сотрудничества и что конкретно они хотят и отдельно те, которые впервые встречаются. Иначе выходит,

что люди общаются на разном уровне и на это тратится много времени, которую можно использовать для решения конкретных задач"! говорит он.

Респонденты, с опытом нескольких встреч, больше склоняются к мысли, что для участия в процессе народной дипломатии людей надо отбирать. По их мнению участники должны отбираться по степени их информированности, мотивации, подготовленности, по тому насколько они готовы и хотят и впередь что-то делать для благополучного разрешения конфликта.

"Надо чтоб все, кто вовлечены в проектах народной дипломатии работали целеустремленно". Респонденты, с опытом участия в разных проектах, долгосрочные проекты считают более перспективными чем одна или две встречи, после которых контакты прерываются и не развивается достигнутое. Причины этого, по их мнению, лежат частично в отсутствие инициативы с обеих сторон, а частично в том, что власти Абхазии чинят этому препятствия.

Несколько респондентов думает что встречи людей одной профессии дают больше эффекта - " Такие встречи дают больше возможности осуществления конкретных программ." Очень эффективными респонденты, также считают детские, молодежные и женские программы.

Один из респондентов уверен, что наибольшая польза будет от множественных мини-проектов, в ходе которых обеими сторонами будет выполняться совместная конкретная работа, которая лежит в сфере общих интересов.

Многие респонденты считают что к процессу народной дипломатии более активно надо подключить перемещённых лиц из Абхазии.

"Мы, из Абхазии лучше знаем проблему, лучше знаем где мы споткнулись, и потом нам легче устанавливать доверие, потому что когда мы встречаемся то они либо мои знакомые, либо знакомые моих друзей. У нас при встрече возникает чувство землячества и это очень помогает."

Есть и такое мнение, что конфликт по разному коснулся разных людей. они всё по разному воспринимают и это надо учитывать при комплектовании групп.

Респонденты с большим опытом участия в процессе народной дипломатии все как один жалуются на отсутствие координации в этом процессе.

"Главная проблема сегодня в том, что есть много проектов, которые проводят разные организации и нет никакой координации, даже нет информации о том, кто что делает. Если бы это было не так проекты стали бы более продуктивными, они бы дополняли друг друга."

"Бывает что встретились один раз, потом в другой и люди те же и программа та же, только координаторы другие."

"Может быть стоит создать конференцию всех организаций, которые принимают участие в народной дипломатии, чтобы лучше узнать кто что делает, выработать общую стратегию. Можно провести серию встреч по одной конкретной тематике а потом общую."

Большое значение придаётся тому что любая деятельность в народной дипломатии должна быть тщательно подготовлена. Людей, участвующих в этом процессе, надо к этому готовить, их надо обучать.

"Я бы сделала ставку на обучение" - говорит один из респондентов.

Другой респондент думает, что будет хорошо если на некоторых встречах фасилитаторами будут абхазы и грузины вместе. Несколько респондентов считает, что среди лиц перемещённых из абхазии надо выявить таких людей к которым есть доверие с обеих сторон и обучить их для участия в процессе народной дипломатии.

"Я бы приветствовала собрать семинар из всех людей которые присутствовали на переговорах. Очень важно собрать рабочую группу из людей, которые имеют теоретические идеи, которые занимаются этими проблемами достаточно давно, которые имеют связи на той стороне, которые воспринимаются положительными фигурами и с той и другой стороны. Это один из путей создать концепцию, которая бы учитывала интересы всех этнических групп проживающих в Абхазии. Почему-то все забывают, что там кроме абхазов и грузин живут другие национальности. Надо наладить с ними связь. Надо разработать несколько концепций и вынести их на широкое обсуждение и не надо пугаться этого."

- Как может народная дипломатия взаимодействовать с официальной дипломатией и какой вклад она может внести в урегулирование грузино-абхазского конфликта; Что ещё на их взгляд можно и нужно сделать в этом направлении;

По мнению респондентов народная и официальная дипломатии не могут существовать одна без другой, они должны действовать сообща. Народная дипломатия должна подготовить плодотворную почву для официальной дипломатии, тем что должна создавать общественное мнение.

ние. Но в этом, по мнению респондентов, грешат как власти, так и народная дипломатия в Грузии, а также журналисты.

Официальная и народная дипломатии в Грузии как бы существуют отдельно. Народная дипломатия не выработала механизмы своего воздействия на официальную дипломатию.

Народная дипломатия должна быть более активной и по отношению властей и в создании общественного мнения. Была высказана такая мысль, что она должна иметь свое лобби в правительстве, чтобы доносить свой голос до официальных властей.

В Грузии официальные власти не помогают народной дипломатии, но и не мешают, а власти Абхазии мешают этому процессу, говорят респонденты. У них создалось такое впечатление, что люди приехавшие для участия в переговорах из Абхазии находятся под прессом, что их инструктируют, они не свободны в своих действиях, высказываниях. Это мешает во время встреч. "Встречи народной дипломатии тем и хороши что ты представляешь самого себя а не какую то структуру, можешь свободно критиковать власти." Таково мнение респондентов.

Респонденты считают, что одна из задач народной дипломатии, способствовать изменению "образа врага", и она, в грузино-абхазском конфликте, в этом преуспевает, но только в маленьком круге людей, которые причастны с ней. Она должна того же добиться на общественном и правительственном уровнях. Политики тоже люди, у них тоже есть стереотипы, от которых им тоже не мешало бы освободиться, и народная дипломатия должна приложить к этому больше усилий.

В том, что народная дипломатия, в первую очередь, должна подготовить свою общественность и сформировать общественное мнение все респонденты единодушны. Но они единодушны и в том, что как раз в этом она себя проявляет слабо.

"Мы должны быть более активными".

"Народная дипломатия должна создать погоду, подготовить общественность, чтобы появилась возможность пойти на компромиссы. А без этого не обойдётся ни та ни другая сторона, поэтому мы все должны активно работать на местах."

По мнению респондентов большая ответственность лежит на журналистов. Они не играют той роли которую должны играть. Это говорят и сами журналисты, которые были среди респондентов. Недостаточно освещается в масс-медии процесс народной дипломатии, её достиже-

ния и роль в трансформации конфликта. Вообще как освещать конфликт в средствах массовой информации это довольно сложное дело, которое требует определенной подготовленности. "Но, как правило, журналисты ею не обладают".

"Нет никакой стратегии и тактики по созданию общественного мнения и поэтому люди ориентированы только на политиков."

Народная дипломатия должна активно работать для формирования общественного мнения. Это её главнейшая задача. Она должна искать механизмы сотрудничества с масс-медией. Многие респонденты считают, что народная дипломатия в этом конфликте уже накопила достаточно опыта и теперь настало время для того, чтобы представители НПО которые активно участвуют в народной дипломатии начали организовывать регулярные встречи с представителями масс-медии с тем чтобы убедить их в важности проведения правильной информационной политики, а также с тем, чтобы совместно выработать её стратегию и тактику.

Несмотря на пессимизм и фрустрацию после отдельных встреч и на то, что еще очень многое надо сделать, все респонденты верят в то, что народная дипломатия играет и впредь должна сыграть большую роль в трансформации грузино-абхазского конфликта.

Анализ результатов интервьюирования респондентов даёт возможность обратить внимание грузинской стороны на ряд вопросов которые требуют их особого внимания.

- Создание информационного банка куда войдёт информация: о местных и международных организациях и частных лицах участвующих в этом процессе, о проектах которые имели место в прошлом, о текущих проектах, об участниках проектов и др.;
- Выработка механизма координации процесса;
- Выработка стратегии и дальнейшей тактики народной дипломатии в грузино-абхазском конфликте;
- Поиск путей и механизмов сотрудничества с официальной дипломатией;
- Налаживание тесного и рабочего контакта с журналистами;
- Выработка стратегии и тактики для формирования правильной информационной политики;

- Информирование общественности о своей деятельности.
- Усовершенствование модели участия людей в встречах и проектах;
- Расширение программ обучения участников процесса народной дипломатии;
- Расширение круга участников процесса.

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является изучение и анализ личного опыта участников процесса народной дипломатии в грузино-абхазском конфликте. Изучение личного опыта происходило методом углублённого интервьюирования. Анализ результатов показал некоторые аспекты процесса народной дипломатии в грузино-абхазском конфликте, в сторону которых грузинской стороне следует направить свои усилия. Самыми важными из них являются: координация процесса, выработка её стратегии и тактики, налаживание сотрудничества с представителями официальной дипломатии и журналистами, создание общественного мнения благоприятствующего справедливому разрешению конфликта и информирование общественности о своей деятельности.

Народная дипломатия глазами грузинского беженца из Абхазии

За последние два года (1997-1998 гг.) встречи граждан Грузии и Абхазии с народно-дипломатической миссией стали более интересными и разнообразными. Особо важная роль в этих встречах отводится представителям неправительственных организаций (НПО), усилиями которых в июле 1998 г. в г. Нальчик был сформирован Кавказский Форум Неправительственных Организаций. Безусловно накоплен определенный опыт построения мостов доверия и совместного осуществления определенных проектов. Однако субъекты народно-дипломатических отношений – участники тех или иных встреч регулярно ощущают необходимость обратной связи оценки результативности своих усилий, а также обмена опытом в сфере народной дипломатии. Автор этих строк был участником нескольких встреч представителей НПО Тбилиси, на которых обсуждался вопрос оценки народно-дипломатических усилий НПО (семинар организованный НПО "Партнеры ради демократических перемен" в апреле 1998 г.; встреча, организованная в декабре 1998 г. международным Центром Стратегии Переговоров и Разрешения Конфликтов; встреча, организованная в ноябре 1998 г. Фондом Развития Человеческих Ресурсов). Само по себе подобный обмен опытом и коллективная рефлексия о ценности и результативности народной дипломатии по крайней мере повышает мотивацию вовлеченности в этот процесс.

Взгляд на процесс народной дипломатии может иметь множество ракурсов. Эти ракурсы видения по критерию иерархичности и занимаемой позиции на лестнице политической власти можно делить на (1) взгляд сверху и (2) взгляд снизу. Взгляд сверху – это взгляд политического деятеля или государственного служащего, вовлеченного в процесс принятия государственного или политического решения и ответственного за подобные решения. Взгляд снизу – это взгляд простых граждан, от которых в малой степени или вовсе не зависит принятия государственных или политических решений. С другой стороны, по признаку степени вовлеченности в конфликт, ракурсы видения народно-дипломатического процесса можно делить на (1) взгляд со стороны и (2) взгляд изнутри. Взгляд со стороны – это, например, взгляд какого-то гражданина Германии или немецкой донорной организации на Грузино-Абхазскую народ-

ную дипломатию. Взгляд изнутри – это взгляд, например, грузинского беженца из Абхазии или проживающего в Сухуме Абхазца на народную дипломатию противостоящих сторон.

Можно представить более дифференцированную и интересную картину ракурсов видения, если попытаться соотнести между собой вышеуказанные варианты ракурсов видения по признакам иерархической позиции и степени вовлеченности в конфликт. Это можно представить на следующей схеме:

		Вовлеченность-невовлеченность в конфликт	
		Со стороны	Изнутри
Иерархические позиции	Сверху	1	2
	Снизу	3	4

Определим каждый из представленных вариантов видения народно-дипломатического процесса.

1. Взгляд сверху и со стороны. Такая позиция может быть свойственна физическому или юридическому лицу, политическому деятелю или государственному служащему, международной организации и его представителям, которые прямо или косвенно принимают важные официальные решения, однако не являются вовлеченными сторонами в конфликт. Например президент или высокопоставленный государственный деятель какой-либо западной страны (США, Франции,...) или авторитетная международная организация (ООН, Совет Безопасности,...) могут иметь какие-то взгляды в отношении роли народной дипломатии в Грузино-Абхазском конфликте.

2. Взгляд сверху и изнутри. Такая позиция свойственна официозу, вовлеченному в конфликт. Например, Э.Шеварднадзе, Вл.Ардзинба, В.Лорткипанидзе или С.Багапш могут иметь определенные позиции относительно процесса народной дипломатии сограждан с обеих сторон, непосредственно непричастных к политическому процессу и в этом смысле непополитизированной части населения. Функцией такой позиции является регуляция и контроль народно-дипломатического процесса.

3. Взгляд снизу и со стороны. Подобная позиция относительно Грузино-Абхазского конфликта свойственна рядовым гражданам стра-

ны, никак не связанных с конфликтом, или НПО какой-то страны (например International Alert или NRC) и международным организациям, непосредственно не занимающимися политическим процессом или официальной дипломатией. Например, Пола Гарб из Ирвинского Университета Калифорнии имеет свои специфические видения Грузино-Абхазской народной дипломатии, она не является вовлеченной стороной в конфликте и смотрит на народно-дипломатические переговоры и мероприятия "как бы со стороны". Функционально такая позиция выражается в фасилитационной или медиационной деятельности. Более того, в роли фасилитатора или медиатора может быть только тот субъект (физическое или юридическое лицо), взгляд которого, в силу ролевых предписаний, определяется как "взгляд снизу и со стороны".

4. Взгляд снизу и изнутри. В народно-дипломатическом процессе вовлекаются граждане, которые не идентифицированы ни как члены политической и государственной верхушки, ни как чиновники государственно-управляющего аппарата. С одной стороны, они в этот процесс включаются на основе личного волеизлияния, с другой стороны, они регулярно находятся в поисках единомышленников и партнеров как в своем, так и в противоположном лагере конфликта. Подобное личное волеизлияние и поиск единомышленников довольно болезненный, нелегкий, негладкий, в определенном смысле неодобряемый со стороны социума процесс. Взгляд снизу и изнутри на народную дипломатию – это видение данного процесса рядовым гражданином, находящегося в том или другом лагере конфликта и в той или иной степени пострадавшего в результате войны. Наиболее пострадавшая часть Грузино-Абхазского конфликта – это беженцы из Абхазии и вынужденно перемещенные лица. Они имеют свое отношение как к войне, так и к миру.

Данная работа посвящается взгляду на народную дипломатию снизу и изнутри, частично же, видение данного процесса вынужденно перемещенными лицами из Гальского Района Абхазии в результате майских событий 1998 г.

Данное исследование проводилось в рамках психореабилитационных программ, проводимых Фондом Развития Человеческих Ресурсов с вынужденно перемещенными лицами из Гальского района в местах их компактного проживания (сентябрь, октябрь, ноябрь 1998 г.). Нас интересовал тот общий контекст, в котором вписываются установки к народно-дипломатическому процессу. Этот контекст: насущные проблемы беженцев, их долгосрочные и краткосрочные планы на жизнь.

КОНТИНГЕНТ ОПРОШЕННЫХ БЕЖЕНЦЕВ.

Слово "опрос" не совсем подходит к нашему исследованию, соответственно термин "опрошенный" в данном случае является неточным и условным термином. Беженцы участвовали в дискуссионных группах и выражали свои мнения. Они скорее были дискутантами или собеседниками, нежели опрошиваемыми. Исследование проводилось в двух городах Грузии: 1. Тбилиси и 2. Зугдиди. Как в Тбилиси, так и в Зугдиди исследование проводилось в центрах компактного проживания беженцев. В Тбилиси такими центрами были расположенные на территории Тбилисского Моря гостиницы и турбазы, заселенные беженцами. Здесь были укомплектованы 2 группы мужчин и 2 группы женщин, по 8 человек в каждой группе. В итоге количество участников фокусированных групп в Тбилиси составляло 32 человека. Они в основном были беженцами из Сухуми, Гагры и ближайших поселений.

В Зугдиди участниками фокусированных групп были беженцы из Гальского района, которые после известных майских событий 1998 г. стали жертвами повторного процесса изгнания из родных деревень и очагов. Проживая в ужасных условиях временного размещения (в школах, в заброшенных зданиях и т. д.) беженцы из Гали участвовали в 8 дискуссионных группах: в 4-х мужских и 4-х женских группах по 8-10 человек в каждой из них. Общее количество беженцев, участвовавших в фокусированных группах в Зугдиди - 70 человек. В итоге в Тбилиси и Зугдиди в целом в фокусированных дискуссионных группах участвовало 102 лиц, из них 48 мужчин и 54 женщины. Дискуссионные группы беженцев комплектовались по половому признаку, а возрастные различия не брались в расчет. Ведущими-психологами или модераторами в женских группах были специалисты-женщины, в мужских же группах – специалисты-мужчины.

В данной статье излагаются материалы фокус-групп беженцев из Гальского района, проживающих в Зугдиди. Все участники этих групп были повторными беженцами и жертвами майских событий 1998 года. Фокусированные группы проводились в октябре 1998 года. Что же касается остальных материалов, отражающих мнения вынужденно перемещенных лиц, проживающих в Тбилиси, находятся в процессе обработки и будут излагаться в последующих статьях.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Методом исследования служил метод фокусированных групповых дискуссий. Известно, что этот метод нацелен на сбор преимущественно качественной информации, а количественным параметрам не уделяется

внимание. Нас интересовало именно качественное разнообразие мнений о народной дипломатии. Поэтому названный метод соответствует задаче исследования. Есть и другая причина, в силу которого был определен наш выбор. Дело в том, что беженцы, проживающие в общежитиях тех или иных городов Грузии, находятся в своеобразной психологической изоляции. Они часто жалуются о том, что никто о них не заботится, никто не приходит к ним чтобы узнать об их нуждах и условиях жизни, их голос не услышан ни правительством, ни обществом в целом. Поэтому совместное групповое обсуждение их же насущных проблем, беседа с ними по проблемам путей разрешения конфликта и примирения противостоящих сторон, дает им ощущение того, что контакт с обществом сохранен, с ними считаются и их голос услышан. Подобные дискуссионные встречи не только знак внимания, но и составная часть гуманизации психологической атмосферы бытия беженцев, являющимися жертвами насильственного изгнания из домашнего очага, а также объектами манипуляции со стороны политических и правительственных кругов Абхазии и Грузии. Так как Фонд Развития Человеческих Ресурсов за последние годы работает над проблемами психо-социальной реабилитации беженцев и вынужденно перемещенных лиц из Абхазии, подобные методические средства, способствующие гуманизации отношений и снятие социальной отчужденности, являются составными частями внедряемых программ.

В фокусированных группах групповую дискуссию ведет модератор, функция которого в основном тем отличается от функции и стиля поведения фасилитатора, что модератор как ведущий в большей степени придерживается структурированной схеме беседы и способствует участникам быть более сфокусированными на обсуждаемые вопросы, в меньшей степени отклоняться от регламента и тематики дискуссии.

Дискуссии в фокусированных группах беженцев фиксировались на аудио-кассетах. К сожалению, из-за крайне неблагоприятных условий было совершенно невозможно воспользоваться видеокамерой для записи дискуссий. Аудио-материалы бесед и дискуссий вновь прослушивались и подвергались сбору и систематизации.

ВОПРОСНИК ДИСКУССИЙ

Вопросы, которые обсуждались в фокусированных дискуссионных группах, были сгруппированы в 4 блока. Первый блок имел отношение к тем насущным проблемам, которые свойственны жизни беженцев. Второй блок вопросов касался долгосрочным планам и целям жизни

беженцев. Третий блок отражал вопросы, касающиеся краткосрочным планам и целям жизни беженцев. Четвертый блок вопросов фокусировал внимание на те действия, которые были бы нацелены на решение насущных проблем и достижение поставленных целей. Пятый блок вопросов имел непосредственное отношение к оценке возможностей народной дипломатии, обсуждаемой в данной статье. Поэтому конкретно перечислим эти вопросы:

1. Сегодня много говорят о народной дипломатии, как Вы ее понимаете?
2. Какова польза от народной дипломатии и каковы могут быть ее результаты?
3. Каковы Ваши идеи о народной дипломатии, как об одной из средств урегулирования конфликтов?
4. Включились-бы ли Вы в народно-дипломатических мероприятиях?
5. Каким был бы Ваш вклад и как бы Вы включились в народно-дипломатический процесс?
6. Если Вы не включились-бы, существуют ли в Вашем окружении лица, которые охотно приняли бы участие в подобных мероприятиях?
7. Если Вы признаете ценность и значение народной дипломатии, то какими средствами смогли бы Вы пропагандировать ее идеи в рамках Вашего общежития?
8. Как Вам представляется сосуществование Грузинского и Абхазского народов?
9. По Вашему мнению, насколько рядовой абхазский гражданин пожелает включиться в народно-дипломатические мероприятия?
10. Что следует предпринять для того, чтобы между Грузинами и Абхазами сложились отношения взаимного доверия?

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном тексте для удобства термины "беженец" и "Вынужденно перемещенные лица" не будут разграничиваться, хотя мы прекрасно понимаем существующие различия между ними.

Мы будем пользоваться термином "беженец", как более кратким и часто употребляемым словом в народе.

1. Как беженцы видят свои насущные проблемы. Центральной проблемой беженцы считают проблему возвращения в родные дома в Абхазии. Об этом все говорят единогласно. Они считают, что восстановление территориальной целостности Грузии является главной задачей страны. Возвратиться надо мирным путем: "Проливание крови ничего не дает" (женщина средних лет). Это наиболее распространенное мнение. Встречаются частные и редкие высказывания о том, что "мирное возвращение – это абсурд" (молодой мужчина), однако в этих высказываниях больше делается акцент на определенный скепсис относительно мирного процесса, нежели на мысль о разрешении конфликта военным путем. Беженцы считают, что нет никаких гарантий безопасности, если их даже разрешат вернуться в Абхазию.

В связи с возвращением в Абхазию указывается перманентная неопределенность завтрашнего дня, заброшенность беженца в мир хаоса и пустых обещаний, обмана со стороны политических деятелей, правительственных кругов Грузии и Абхазии. Они считают себя жертвами политических манипуляций.

Повсеместно упоминается тема ущемленности личного достоинства и социальной ненужности. Само слово "беженец" как ярлык вызывает неприятные ощущения: "Я бы отдала полжизни, дабы снять с себя клеймо беженца" (женщина средних лет). "Нас как скот перегнали через Ингури" (мужчина средних лет). "Мы не нужны ни грузинам, ни абхазцам" (пожилой мужчина). "Лучше умереть, чем жить так опозоренным и угнетенным" (молодой человек).

Беженцы из Гали, да и беженцы из других городов и сел Абхазии проживают в ужасных условиях. Беженцы из Гали озабочены бытовыми проблемами, такими как ненормальные жилищные условия на местах компактного проживания (школы, заброшенные здания и т. д.), плохое снабжение электричеством и водой (с чем связано изготовление пищи), холод зимой и постоянное недоедание и т. д. Денежная и материальная помощь мизерная, гуманитарная помощь либо не доходит, либо неправильно распределяется, либо явно недостаточна, либо же подают пищевые и другие продукты низкого качества.

Беженцы жалуются на резкое ухудшение здоровья, повышения смертности среди этой части населения. Они переживают нехватку медицинского обслуживания и медикаментов, их страховой полис далеко не облегчает ситуацию, надо платить за визит к врачу, а денежные средства весьма и весьма ограничены.

Все сводится к тому, что центральной задачей беженцев – это выжить. Полная неопределенность судьбы, дефицит минимальных средств существования, ущемленность личного достоинства, отсутствие гарантии безопасности – все это связано и выражается в синдроме тотального недоверия правительствам Грузии и Абхазии, международным организациям, местным органам управления, парламентариям, журналистам и средствам массовой коммуникации. "Народ никому не доверяет", "Люди полностью потеряли веру", "Больше не можем терпеть", "Все нас обманывают" – вот маленькая часть наиболее употребляемых фраз во время групповых дискуссий с беженцами. Многие считают, что повторное изгнание из Гали повторится и в дальнейшем. "Мы возвратились, 80% наших людей вернулись в Гали, построили разрушенные дома, восстановили хозяйство, но нас опять изгнали. Теперь опять вернут нас, а потом опять изгонят. Мы – дважды беженцы, станем трижды беженцами" (мужчина средних лет).

Беженцы особенно озабочены судьбой молодого поколения и детей. Они жалуются, что у детей плохое питание, нечем их одеть и обуть, нехватка учебников и школьных принадлежностей ставит под угрозу образование детей. Некоторые дети не ходят в школу.

Особо часто упомянутой темой групповых бесед является безработица и незанятость, а также неправильное распределение гуманитарной помощи. Рассказывают о боязни и страхах смерти ближнего, о том как всей общиной тяжело переживается когда из Абхазии доставляют трупы (часто зверски изуродованных) молодых и пожилых людей. Они говорят, что важным моментом является отсутствие доступа к могилам родных в Абхазии. "Мы хотим вернуться в Абхазию не ради того, чтобы жить, а для того чтобы умереть там, где похоронены наши родители, близкие и предки" (женщина средних лет, врач).

Во время перечисления проблем беженцы упоминают такие темы, как воссоединение семьи, информационный дефицит, удвоение количества проживающих в Зугдиди за счет беженцев, являющейся обузой для местного населения, невозможность получения кредитов, "растет молодое поколение, которое со временем потеряет любовь к Абхазии" (молодой человек, инвалид), трудность преодоления чувства мести среди тех, у которых убиты близкие и т. д.

Вот круг тех проблем, которые затрагиваются Гальскими беженцами в Зугдиди, когда во время фокусированных групп ставим им вопрос: "Каковы Ваши проблемы, которые для Вас являются самими важными. Расскажите, пожалуйста, о них".

2. Как Гальские беженцы мыслят долгосрочные цели и планы на жизнь. Во время фокусированных групповых бесед беженцам предлагалось поговорить о планах и целях жизни в перспективе на будущее десятилетие. Они тут же упоминают тему возвращения в Абхазию, так как все цели и планы у них связаны с оторванным домашним очагом. Когда же просили их поговорить о других планах, то они часто указывают, что они не могут строить планы на жизнь, что от них немного зависит, что будущее полностью неопределенно, "перспектива на жизнь рушится после повторного изгнания из Гали" (молодая женщина). Однако, если и перечисляются планы и цели на жизнь, то они формулируются таким образом, что как бы отсутствует личностное измерение, как бы это планы не отдельного человека, а страны в целом, как бы личность отчужден от планов и целей своей жизни и все зависит от других. Приводим некоторые фразы:

- "Мир в Абхазии в примирении грузин и абхазов"
- "Восстановление территориальной целостности в Грузии"
- "Воссоединение наших семей, чтобы дети вернулись домой"
- "Нам надо преодолеть национальную разобщенность"
- "Надо восстановить все традиционные сферы жизни, производства и обслуживания"
- "Мы должны восстановить дух взаимного уважения, веру... Правда должна восторжествовать, надо ликвидировать ложь и обман"
- "Грузия станет членом цивилизованного мира"
- "Наши дети получают хорошее образование"
- "Каждый будет заниматься своим делом, у всех будет работа"
- "Не выжужу планов на будущее если не будет форсирован успех в сфере нефти и нефтепровода"
- "Нефть ничего не дает, главное – возвращение в Абхазию"
- "Если выживем – хорошо, если нет – то Грузия и без нас обойдется"
- "Не должно быть потеряно этническое своеобразие отдельных краев Грузии, надо сохранить то многообразие характеров, что свойственна Грузии"

Когда пытаются заговорить о планах и целях жизни, беженцы также как и остальная часть населения чаще употребляют словосочетания,

говорящие о должествовании и необходимости (надо, должно, обязательно, необходимо и т. д.). Во всех перечисленных суждениях нетрудно обнаружить, что беженцы как бы возлагают ответственность за планирование их жизни на внешние силы и факторы.

3. Как Гальские беженцы мыслят краткосрочные цели и планы на жизнь. И тут беженцы чаще говорят: "От нас ничего не зависит". Суждения и тут построены по принципу должествования, а их тематика аналогично предыдущим суждениям. Вот их перечень:

- "Пусть правительство улучшит условия нашей жизни, пусть распределят в более сносных условиях"
- "Пусть государство вернет нас в Абхазию"
- "Надо восстановить территориальную целостность Грузии и укрепить ее границы"
- "Грузия должна приобрести важную международную функцию, тогда территориальная целостность восстановиться... Если крупные страны вложат в Грузию инвестиции, то они будут заинтересованы защитить ее"
- "Люди потеряли веру в возвращении в Абхазию, надо эту веру подкреплять реальными действиями"
- "Надо преодолеть недоверие народа к правительству. Сколько можно жить не доверяя ни кому?!"
- "Голос беженцев не доходит до правительства и президента, надо улучшить связь народа с правительством"
- "Если решится вопрос о возвращении в Гали, то постепенно решится вопрос о возвращении в Очамчире и других районах Абхазии"
- "В первую очередь надо восстановить школы в Гальском районе"
- "Нам надо выжить, чтобы не умереть с голоду"
- "Надо урегулировать распределение гуманитарной помощи"

4. Как Гальские беженцы мыслят действия нацеленные на решение насущных проблем. В фокусированных группах был задан вопрос: "Что Вы можете предпринять для решения поставленных проблем и реализации упомянутых Вами планов и целей жизни?" Обычно беженцы и тут говорят, что от них ничего не зависит. Вот перечень типичных суждений:

- "От нас ничего не зависит, нам никто не поверит"
- "Все могут сделать только вышестоящие"
- "Мы можем только обратиться, пожаловаться, устраивать пикетирование дорог"
- "Пусть вперед поедет правительство, мы за ними"
- "Беженцы должны объединиться и востребовать от правительства повышение денежной помощи"
- "Многое зависит от нефтепровода"
- "Во имя единства Грузии надо ликвидировать разобщенность"
- "Надо установить дисциплину в государстве"
- "Надо обеспечить свободное передвижение грузинских войск в Грузии, Абхазии, Оссетии, Аджарии"
- "Надо обеспечить занятость людей"
- "Народ объект манипулирования, и мы сами даем возможность неким силам, чтобы нами манипулировали"
- "Политизированность определила раздробленность и митингоманья, а это в свою очередь вызвало беззанятость. Надо идти обратным путем: сначала обеспечение занятости, каждый знает свое дело, а это ликвидирует раздробленность"
- "С нами воюет Россия, Абхазы не наши враги, с ними надо примириться и надо убрать российские военные силы"
- "Парламантеры Грузии должны встретиться с народом"
- "Надо получить от правительства прожиточный минимум, чтобы выжить"
- "Беженцы должны морально поддерживать друг друга, иначе погибнем"
- "Надо быть таким же единым, как абхазцы являются едиными"

5. Народная дипломатия в глазах Гальских беженцев. Многие беженцы не понимают что означает народная дипломатия. Некоторые из них определяют народную дипломатию как отношения народа к своему правительству. Соответственно, выражая недоверие к правительству, не доверяют и возможностям народной дипломатии. Однако, большая часть

беженцев сразу же с энтузиазмом подхватывают идею о народной дипломатии и высказывают самые благожелательные позиции в ее адрес. "Надо примириться", "Грузины и абхазцы должны примириться", "Надо простить друг друга". "Народная дипломатия самое хорошее средство примирения" (женщина средних лет). Однако, есть и сомнения в адрес пользы и возможностей народной дипломатии. "От нас, от простых людей не очень многое зависит. Мы ничего не можем, все зависит от верховных политиков" (мужчина средних лет).

Беженцы считают, что польза от народной дипломатии высокая. "Народная дипломатия может принести больше пользы, чем Афинская встреча политиков" (мужчина- педагог). "Народная дипломатия весьма действенна в разрешении конфликта, третьего лица не нужно. Если между нами, грузинами и Абхазами, не стоял бы русский, мы сами отрегулировали бы наши отношения" (мужчина, пенсионер).

Беженцы часто указывают, что они охотно включились бы в народную дипломатию. Однако многие из них отмечают, что те, которые идут на народно-дипломатические переговоры, часто сталкиваются со многими проблемами, они подвергаются критике, а также угрозе. "Те, которые из народа пошли на переговоры с Кишмария, сначала их объявили героями, а затем предателями" (пожилой мужчина). "Нашему правительству не устраивает народно-дипломатический процесс и процесс примирения, народ может пойти против правительства" (мужчина средних лет). "Абхазский народ больше настроен на примирение, чем Ардзинба, который боится своих же воинствующих кругов" (пожилой мужчина). "Мы сами отрегулируем свои отношения с Абхазцами, пусть не мешает правительство" (мужчина средних лет).

Беженцы хоть и с энтузиазмом относятся вопросу о вовлечении в народно-дипломатические мероприятия, однако затрудняются определить, как они, конкретно, будут включаться в этот процесс, что они будут делать, каков будет их вклад и т. д.

Беженцы считают, что надо обязательно пропагандировать идею народной дипломатии. "Надо вести агитацию примирения" (женщина педагог). "Надо вести агитацию, чтобы Абхазцы знали, что грузины хотят мир" (женщина средних лет).

"Как Вам представляется сосуществование Грузинского и Абхазского народов?" - был поставлен вопрос беженцам. Они чаще высказываются в терминах примирения, мирного сосуществования, взаимной терпимости и толерантности. "Грузины и абхазцы вместе жили и должны

вместе жить" (типовая фраза). "Не только грузины хотят примирения, но и абхазцы. Абхазцы говорят: войну начали вы, мы вынуждены были воевать; мы не хотели войны и не хотим ее в будущем; надо вместе жить, как прежде" (женщина средних лет). "Надо помнить и положительное, ведь многие абхазцы спасали грузин. Мы тоже многих абхазцев спасли" (пожилой мужчина). "Мы знаем, что сами абхазцы останавливали боевиков, чтобы они не вторглись в Гальский район в мае этого года" (молодая женщина). "Нельзя смыть то, что случилось, но объединить может любовь" (женщина средних лет). "С обеих сторон много сторонников примирения" (молодой мужчина). "Надо забыть все, что случилось" (пожилая женщина). "Мы должны потребовать от правительства и от нашего народа, что надо примириться и жить с абхазцами мирно" (мужчина средних лет). "Мы с обеих сторон многое согрешили, надо покаяться и жить вместе" (молодой мужчина).

Однако беженцы высказываются и о тех трудностях, которые выступают в качестве помех на пути к примирению. Эти трудности беженцы связывают не только с действиями политиков и правительственных кругов, но и с пролитой кровью, с человеческими жертвами с обеих сторон, что тяжелым грузом лежит на сердцах людей, определяя возникновение непереваренных переживаний, обид и чувства мести. "Примириться трудно будет тем, кто потерял близких" (типовая фраза). Отдельные лица выражали скепсис к процессу примирения и мирного сосуществования, но из 70 участников их только 2 человека. "Не верю в процесс примирения. Народ хочет возвратиться и поэтому говорят, что хотят примириться. В сердцах людей все же остается ненависть" (молодой мужчина). "Сначала надо разрешить вопрос о территориальной целостности Грузии, разъединить грузин и абхазцев, возвратить беженцев и лишь потом заняться народной дипломатией" (молодой мужчина).

Перед беженцами был поставлен вопрос: "По Вашему мнению, насколько рядовой Абхазский гражданин пожелает включиться в народно-дипломатические мероприятия?" В высказываниях беженцев часто подчеркивается, что "многие абхазцы пойдут на примирение" (типовая фраза). Однако, многие говорят о том, что "те абхазцы, которые уехали, оставили Абхазию и не воевали, они больше хотят примирения и к ним нет никаких притязаний" (мужчина средних лет). "Ардзинба имеет свою оппозицию, которая желает возвращения грузин в Абхазию и примирения" (молодой мужчина). Многие беженцы того мнения, что "те абхазцы, которые хотят мирной жизни и возвращения беженцев-грузин, обычно боятся высказать свое мнение, они находятся под угрозой и страхом" (мужчина средних лет). "В Абхазии могут быть наказаны те люди, которые

поддерживают отношения с грузинами" (молодая женщина). "В Абхазии много людей, которые хотят примирения, но они находятся под страхом воинствующих кругов, они боятся не поддерживать боевиков" (молодой мужчина). "Есть и такие люди среди абхазцев, которые размышляют о мести" (пожилая женщина).

Интересными являются те высказывания, в которых формируется мысль о том, кто должен проявить инициативу примирения. Согласно одному варианту высказывания "грузины должны дать абхазцам пример покаяния, тогда и абхазцы покаются, что приведет к примирению" (женщина средних лет). В других вариантах суждений подчеркивается, что абхазцы имеют преимущество и они должны начать примиряться. "У абхазцев - преимущество, и поэтому они должны сделать первые шаги построению мостов доверия" (мужчина средних лет). "В плане примирения грузины более готовы. Абхазцы живут в Абхазии, а у нас, у беженцев постоянная ностальгия к Абхазии и дому. Абхазцы тоже должны позаботиться о примирении" (пожилая женщина).

Некоторые беженцы отмечают, что грузинская сторона уже несколько раз предпринимала кое-какие народно-дипломатические шаги, однако с абхазской стороны эти усилия не нашли должного отклика. "Мы послали письмо грузинских матерей, у которых погибли сыновья, к абхазским матерям, которые пережили такую-же трагедию, но мы не получили никакого ответа... Грузинские молодые люди хотели встретиться с абхазской молодежью в Рухи, но абхазцы не захотели" (женщина средних лет). "Встреча грузинских и абхазских старейшин был сорван Вл.Ардзинбой" (пожилая женщина). "Мы сделали несколько шагов раскаяния, абхазцы же нет" (молодой мужчина).

По поводу усилий построения мостов доверия между сторонами одни утверждают: "от нас не зависит построение мостов доверия" (молодая женщина). Другие утверждают, что "доверие требует времени" (молодой мужчина). Иные полагают, что народы будут друг друга доверять, если политики не будут мутить воду.

Многие беженцы ссылаются на позитивные истории с обеих сторон, такие как спасение жизни друг друга, дружеские и родственные связи, общность традиций. Беженцы обычно с большим уважением относятся к Абхазским традициям, считают, что "среди абхазцев много достойных людей" (пожилая женщина). Более того, даже было отмечено: "Несмотря на то, что абхазцы прислали изуродованные трупы, все равно нет ненависти к абхазскому народу" (пожилая женщина).

Снисходительность к абхазцам как противостоящей стороне военного конфликта, некоторыми беженцами аргументируется тем, что жестокости и насилию они подвергались не только с абхазской стороны, но и со стороны своих же сограждан. "Каковы могут быть претензии к абхазцу, тогда как мой же грузин меня ограбил и убил моего близкого. Мы больше примиримся к абхазцам, нежели нашим преступникам" (женщина средних лет). "В нас стреляли не только та сторона, но и наше правительство" (молодой мужчина).

Несмотря на разногласность отношения к вопросу о построении мостов доверия, все единодушны в том, что **необходимо** восстановить доверие друг к другу (формулировка вопроса в категориях долженствования и необходимости).

В плане перспективных шагов народной дипломатии, предложения беженцев скудны, однако были упомянуты такие важные мероприятия как

- Встреча старейшин и пожилых людей.
- Встречи молодежи.
- Встречи абхазцев и грузин во время пасхи, посещение кладбищ и т. д.

Надо бережно и с уважением относиться друг к другу. "Например, нельзя сегодня их называть сепаратистами, а завтра садиться за столом переговоров" (мужчина средних лет). "Политики, ни Ардзинба, ни Шеварднадзе, не могут примирить двух матерей из противостоящих сторон, у которых погибли синовья, а также не могут вызвать чувство ненависти между грузинскими и абхазскими друзьями. Поэтому люди сами должны найти подход друг к другу" (пожилая женщина). И что наиболее важно "будущим поколениям надо внушить взаимоуважение абхазцев и грузин", а также "надо показать всех с обеих сторон, которые совершили преступления против народа, затеял войну и вражду, дабы это такой дурной пример не имел своего продолжения в будущем" (молодой мужчина).

На этом мы хотим завершить изложение материала фокусированных групп проведенных в Зугдиди с повторными беженцами из Гали... В дальнейшем изложении вопроса будем анализировать материалы бесед беженцев, проживающих в настоящий момент в Тбилиси.

Отношение к народной дипломатии (результаты социологического исследования)

В Грузии в последнем десятилетии появилось несколько очагов политических и вооруженных конфликтов. Предпринимались попытки урегулирования конфликтов как на официально-правительственном, так и на неофициальном уровне - с участием НПО и народной дипломатии.

Простое эмпирическое наблюдение позволяет нам понять, что в менталитете большей части грузинских граждан не сформировано и однозначно не определено понятие народной дипломатии; Эффективность народной дипломатии в различных ситуациях оценивается по-разному: иногда ее расценивают как единственный механизм урегулирования конфликта, а иногда скептически смотрят на ээти "неофициальные игры".

Цель нашего исследования - показать на примере грузинско-абхазского конфликта отношение грузинского (в частности тбилисского) населения к явлению народной дипломатии - насколько граждане участвуют или готовы участвовать в ней, каково, по их мнению, воздействие народной дипломатии на правительственные действия, какими путями должно оно осуществляться, видит ли население в народной дипломатии некий национально-стратегический механизм урегулирования конфликта. Мы предполагаем, что в разных социальных группах мнения и отношения к этому вопросу различны и соответственно различны ээти группы по степени включенности или готовности включиться в процесс народной дипломатии. Если мы изучим аттитюды различных социальных групп к народной дипломатии, это даст нам возможность с некоторой вероятностью прогнозировать, в каком направлении надо активизировать народную дипломатию по урегулированию грузино-абхазского конфликта.

Для нашего социологического исследования мы избрали метод фокус-групп. Определили пять социальных групп: 1) студенты, 2) интеллигенция, 3) журналисты и представители НПО, 4) безработные, 5) работающие.

Студенты были представлены Тбилисским государственным университетом, Техническим университетом, мединститутотом и другими высшими учебными заведениями. Интеллигенция была представлена сотрудниками ВУЗ-ов и научно-исследовательских институтотов. Третья

группа состояла из журналистов телевидения, радио, прессы и представителей НПО. Так как в Грузии понятия "работающий" и "безработный" - весьма условные с точки зрения материального обеспечения, то дифференциацию мы произвели по признакам обеспеченности в работе и достатка, т.е. безработными мы посчитали людей, реально не имеющих работы и материально нуждающихся, а работающими - людей, имеющих стабильную зарплату минимум \$200 (финансовый директор банка, менеджер страховой компании, менеджер молочного комбината и т.д.).

Возрастной диапазон общей выборки - от 18 до 60 лет, мужчины и женщины распределены примерно одинаково, общее количество респондентов - 48. Что касается образования, у наших респондентов неоконченное высшее (студенты) или высшее образование (разные профессии). К сожалению, наше исследование не охватило другие социальные группы и обширную географическую зону (исследование происходило только в масштабах г. Тбилиси), но мы думаем, что информация, полученная от данной выборки, тоже представляет интерес.

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Нас интересовало, как видится гражданам Тбилиси народная дипломатия, т.е. какой смысл они в нее вкладывают, какой информацией располагают, что они знают об эффективности ее действия и каково их отношение, вера в народную дипломатию. Также интересовало, готовы ли они включиться в процесс народной дипломатии, несмотря на свою малую информированность, или уже имеют такой опыт.

Вначале мы постарались выяснить их первичные эмоциональные и когнитивные реакции, первичные ассоциативные образы на термин "народная дипломатия". Реакция большей части участников была серьезной, часть реагировала шутливо или цинично, а для меньшей части народная дипломатия представляла собой диффузное, ни о чем не говорящее понятие. Серьезные первичные реакции были представлены в следующих выражениях: "здоровые отношения между людьми", "взаимоотношения на неформальном, негосударственном уровне", "решение проблем народом", "механизм воздействия на правительство" "противогосударственные силы", "встречи и беседы между НПО", "общение между представителями разных стран", "выражение воли народа", и т.д. Шутливые реакции были представлены следующими содержаниями: "воровская разборка", "митинг", "сельские мудрецы, аксакалы" и т.д.

Реакции, окрашенные иронией и скептицизмом: "перестройка", "обмен трупам", "возможность съездить за границу", "Белый платок", (женское движение в Грузии, которое автор реплики оценил отрицательно) и т.д.

Вышеуказанные реакции были представлены почти во всех группах, но с разной частотой. Надо сказать, что основная часть так называемых, "серьезных реакций" приходится на группу студентов и частично на группу безработных, а большая часть цинизма и шуток на молодежное крыло интеллигенции и группу журналистов и НПО.

Конечно, большинство понимает термин "народная дипломатия" и имеет определенное к нему отношение, но в начале наших встреч ни в одной группе не было однозначно сформировано понятие "народная дипломатия", т.к. она не входит в сферу их непосредственных занятий и интересов (за некоторыми исключениями). Поэтому уже в самом начале групповой дискуссии выявилась потребность сформулировать это понятие, так как беседа показала, что кроме различного к нему отношения, различен и смысл, который они в него вкладывают. Из использованных терминов - народная дипломатия, неформальная дипломатия, гражданская дипломатия - основными понятиями оказались "народная дипломатия" и "неправительственная дипломатия", а также "воля народа". Для меньшинства эти понятия почти равны по смыслу, для большинства они различны по смыслу и по рангу, но чувствовалось, что почти все заинтересовались и пытались определить эти понятия.

Как мы уже отметили, для большинства "народная дипломатия" и "неправительственная дипломатия" - понятия различные. Под народной дипломатией они подразумевают общение представителей разных народов, начиная отдельными лицами и кончая группами людей. Под неправительственной дипломатией они подразумевают организованную народную дипломатию на уровне неправительственных организаций. Обе эти дипломатии, и неправительственная и народная, выражают волю народа. Для одной части участников более положительным смыслом наполнен термин "народная дипломатия", для другой - "неправительственная дипломатия". Для небольшой, скептически настроенной части оба понятия неприемлемы и оцениваются как дозволенные правительством игры.

Для части безработных неправительственная дипломатия представляет среднее звено между народной дипломатией и правительственной дипломатией - это бывшая правительственная дипломатия, которая продолжает работать на правительство и состоит из групп людей, связанных с правительством. Неправительственная дипломатия у них ассоциируется с денежной или влиятельной элитой.

Естественно, возник вопрос определения народной дипломатии по количеству ее участников. Большинство называло народной дипломатией даже общение между двумя частными лицами враждующих сторон.

В качестве примера народной дипломатии они приводили взаимопомощь абхазов и грузин во время войны и после нее. Но часть участников категорически не соглашалась с этим определением, так как считала, что взаимоотношения между частными лицами не могут повлиять на взаимоотношения между народами. Например, добрые взаимоотношения и множество дружеских контактов между абхазами и грузинами, или между русскими и грузинами, не изменили отношений между этими народами. В первом случае разгорелся кровавый конфликт, а во втором, хотя и нет конфликта, но есть неприятие на уровне стереотипов и национальных установок. "Факт, что грузины и абхазы помогали друг другу во время войны, не является народной дипломатией, это просто человеческие отношения. Народная дипломатия это взаимоотношения между двумя группами разных народов, у которых выработаны общие планы для достижения общей цели. Народная дипломатия - это стремление двух групп достичь компромисса, сближения двух различных позиций, а два конкретных человека могут позаботиться только о собственных интересах."

Оппоненты такой точки зрения считают, что народная дипломатия существует все-таки и на уровне отдельных людей, что если этих людей станет много, они превратятся в группу и будут иметь влияние на решение глобальных проблем (точка зрения большинства).

Была высказана и компромиссная точка зрения: если рассматривать народную дипломатию, как влияние на общественное мнение, резонанс в общественной жизни, то и общение между двумя конкретными людьми, имеющими значительный статус и авторитет, может иметь резонанс в обществе. Но общение между двумя простыми гражданами нельзя считать народной дипломатией с точки зрения резонанса.

Каждая группа по механизму внутреннего развития сама двигалась к определению понятия народной дипломатии. В этом смысле некоторую пассивность проявляла группа работающих, которая в большинстве своем скептически относилась к народной дипломатии и во время беседы оперировала рабочими понятиями без стремления к каким-либо уточнениям и определениям.

Определение понятия "народная дипломатия" происходило, в основном, на фоне их отношения к этому явлению и его оценки, т.е. оно соответствовало их положительному или отрицательному отношению, или тому, насколько эффективным они считали влияние народной дипломатии на урегулирование конфликта. Выявились три позиции: 1) народная дипломатия управляется кем-то, сама по себе активность народа не имеет эффекта, 2) народная дипломатия эффективна в некоторых пределах, 3) сила народной дипломатии велика, и она может иметь влияние.

Отрицательное отношение к народной дипломатии и ее определение приняло следующие формы. Народная дипломатия - это одурачивание масс, создание иллюзии, что они заняты, что-то собой представляют. "Лучше обеспечить людей работой" (мнение из группы безработных). Народная дипломатия - это не стихийный процесс, не импульс, исходящий от масс, это явление, которое всегда кем-то управляется. Это способ продления конфликта в интересах конкретных лиц и структур (мнение из группы интеллигенции). Народная дипломатия не является решающим инструментом для разрешения конфликта. Она эффективна только в том случае, если допущена и запланирована сверху (мнение интеллигенции, студентов). "Я скептически смотрю на ее возможности и перспективы, интересно вообще, насколько народна народная дипломатия". По мнению скептиков, "Народная дипломатия" - советский термин и представляет собой управляемый процесс, организованный и запланированный в верхах. Управлять ею могут правительство и НПО. Естественным образом, спонтанно не наберется и 200-300 человек, которые вместе будут высказывать мирные стремления. Дипломатию планирует и направляет тот, кто добивается своих политических целей (мнение интеллигенции). Защитники этой позиции, не могут назвать фактов, говорящих об успехах народной дипломатии. Респонденты, высказывающие такую точку зрения, составляют примерно четвертую часть всех участников. В группе студентов такие респонденты представляли меньшинство.

Большая часть участников считает народную дипломатию частично эффективной. Они считают, что народная дипломатия может влиять на общественное мнение, разрушать стереотипы, уменьшать ненависть. Она не может уладить конфликт, но может сгладить острые углы, может создать определенную атмосферу, но все-таки решающую роль в урегулировании конфликта играет политика, и народная дипломатия не должна иметь на это никаких претензий. В качестве примера были приведены выборы в нашей стране. По идее, они должны выражать волю народа, но на деле в нашей стране, пребывающей в начальной стадии развития демократии, выбранное народом правительство не представляет и не выполняет волю народа. "Народная дипломатия создает определенный фон, но эффекта не имеет, если решение проблемы не происходит на уровне политики или правительства. Например, в Иране существует женское движение против ношения чадры, но результата не видно, и сколько ни старайся народная дипломатия, она не добьется никаких результатов еще 100 лет, если в правительстве не созреет решение отказаться от чадры". Также было подчеркнуто, что народная дипломатия представляет собой эмоциональный процесс, насыщенный патетичес-

кими импульсами, что делает его похожим на застолье с тостами. Народная дипломатия должна освободиться от эмоций и стать максимально рациональной.

Безоговорочные сторонники народной дипломатии (таковые имеются почти во всех группах, особенно много их в группе студентов, в том числе и люди, которые хоть раз в жизни соприкасались с деятельностью народной дипломатии) считают, что наряду с рациональностью народная дипломатия должна иметь некоторую эмоциональную искру, т.к. она направлена на создание положительных установок и на ослабление ненависти. По их определениям, народная дипломатия - это средство формирования общественного мнения, средство выражения воли народа, она дает возможность воздействовать на правительство. Цель ее - ослабление ненависти, разрушение образа врага, победа над стереотипами. Сторонники этой позиции приводят примеры из истории Грузии и других стран, как воля народа - на уровне народных масс или на уровне НПО - была осуществлена правительством. "Народная дипломатия создала государство Израиль", "народная дипломатия развалила СССР" (мнение представителя НПО), "в советский период в 1978 году, когда встал вопрос о провозглашении в Грузии русского языка государственным языком, весь народ восстал против этого и воля народа победила - государственным остался грузинский язык" (пример из группы студентов; тот же пример оппонентами народной дипломатии из группы безработных был освещен не как выражение воли народа, а как эксперимент советского правительства над грузинским народом), "во Франции де Голля свергли студенты" (мнение из группы студентов); "уход коммунистов тоже был волей народа". В сегодняшней Грузии примером успешной деятельности народной дипломатии является то, что грузины и осетины мирно общаются, открыты дороги, идет торговля. В этом случае народная дипломатия опередила политику. взаимопомощь абхазов и грузин во время войны и после нее также является примером народной дипломатии. Они считают, что не имеет большого значения, спланирована ли в верхах народная дипломатия или ангажирована ли правительством, воля народа может достичь заметного положительного результата и без давления сверху. Сторонники этой позиции еще больше расширили понятие народной дипломатии. "Народная дипломатия" - более обширное понятие, чем улаживание горячих конфликтов. Когда в поддержку грузинскому национальному движению приезжали из Прибалтики, Северной Осетии и других стран, это тоже было народной дипломатией. Урегулирование конфликта между тоталитарным и свободным обществом, решение экологических проблем и т.д. - все это тоже

народная дипломатия. Народная дипломатия имеет большую силу, если она осуществляется объединенными силами НПО и пользуется международной поддержкой.

По итогам работы с группами, народную дипломатию можно определить как межнациональную политику, средство управления межнациональными отношениями не правительством, а народом. Народная дипломатия - это механизм создания общественного мнения, а также механизм давления на правительство.

Как мы видим, те, кто положительно оценивают народную дипломатию, аргументируют ее успехи конкретными примерами в масштабах Грузии и всего мира, а те, кто отрицательно оценивают народную дипломатию соответствующих примеров привести не могут, а примеры, приведенные сторонниками народной дипломатии, часто пытаются рассмотреть под другим углом и считают, что упомянутые в них факты входили в планы правительства. Обе эти точки зрения приводят к мысли, что нужно давать населению больше информации об успешной деятельности народной дипломатии и вообще о ее сущности и возможностях.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И НАРОД

Во время беседы об абхазском конфликте и понятии народной дипломатии во всех пяти группах вопрос рассматривался в соотношении с понятием правительства. Во всех группах правительство часто рассматривалось как враждебный лагерь. "Правительство - это не народ, правительство - это правительство" (журналист). Народная дипломатия и правительственная дипломатия для большинства - противоположные понятия, также часто отрицательно оцениваются действия правительства в связи с абхазским конфликтом (об этом ниже). Этот вопрос был актуален для всех респондентов, но особый интерес и активность проявились в группе студентов.

В общей выборке одна часть респондентов оценила правительство как систему, которая сама правит всеми протекающими в стране процессами, совершенно игнорируя желания и нужды народа. Поэтому говорить об эффективности народной дипломатии в таких условиях не приходится. Они считают, что воля народа, если она не совпадает с желаниями правительства, ничего не может изменить ни в Грузии, и ни в какой другой стране. Например, в настоящее время для страны актуален вопрос о графе национальности в паспорте, но мнение народа на этот счет никто не спрашивает, это решается на уровне нескольких людей. "Общественное мнение и политика правительства противополож-

ны" (студенты). По мнению безработных, правительство обманывает народ, не осуществляет программу трудоустройства, не выдает вовремя и без того мизерные зарплаты и пенсии.

Соответственно второй позиции, правительство и народ стоят друг друга. Народ сам выбрал себе правительство и имеет правительство, которое не защищает интересы народа. Возможно, выбор такого правительства говорит о недалекости народа, а может быть, это результат обмана, народ просто обманут многочисленными обещаниями перед выборами. "Правительство не право, но и воля народа не определена" (студент). "Народ не спрашивают, но ему и нечего сказать, ни правительство, ни народ не имеют четкой позиции" (студент).

Третья позиция (меньшинство) выступает апологетом народа и правительства - правительство и народ равны с точки зрения оказываемого друг на друга влияния, правительство может быть представителем народа и защитником его интересов, такие страны существуют. Возможно, сегодня в Грузии правительство, которое она заслуживает, но народ развивается и может в будущем избрать для себя лучшее правительство. Раньше люди верили всему, что говорило правительство, сейчас они знают, что даже по телевидению их могут обмануть, и стараются это учитывать.

Как мы уже подчеркивали, студенты были самыми активными и критически настроенными, но в то же время больше всего верили в волю народа, в то, что она может воздействовать на правительство и изменить ситуацию. В подтверждение всего этого они приводят примеры. (Например, неправительственная организация, Институт свободы, своей активностью вызвала резонанс в обществе и имела влияние в связи с вопросом о правовой реформе). По их мнению в Грузии существует сила, которая может без войны и революции, цивилизованным путем, с помощью народной дипломатии и НПО изменить жизнь в стране, повлиять на правительство. Значительная часть этой силы - студенты (студенты сбросили во Франции де Голля, в 1978 году в Грузии добились государственного статуса для грузинского языка и т.д.). Реакция нескольких студентов на фразу, что они не заслуживают лучшего правительства, такова: "Не думаю, что я не заслуживаю большего, я хочу иметь правительство получше. Правда, правительство не интересуется мнением народа, но надо постараться как-нибудь воздействовать на него." Одна позиция - заинтересовать правительство, точка зрения большинства - правительство надо вынудить, надо поставить его в безвыходное положение, чтобы оно прислушалось к мнению народа. С этой позицией согласны не только студенты, но и представители других групп.

Студенты старались объяснить, почему так разграничены народ и правительство, тем более, что правительство им же выбрано. Было высказано следующее:

- может быть, потому, что в Грузии нет организованной народной дипломатии или в нее не включены думающие и образованные люди;
- народ сегодня пассивен, вроде все общество политизировано, но пассивно; информация принимается, но активность не проявляется, наверное, потому, что нет четка сформулированной точки зрения и позиции;
- народ устал и чувствуется безнадежный, нигилистический настрой; все замкнулись в свою скорлупу и думают, что дело будут делать другие;
- ценности изменились, сегодня все думают только о своем благополучии.

Чем вызвано все это: люди стали другими или проблемы стали менее значительными? Если в 1978 году народ объединился вокруг языкового вопроса, почему он не может объединиться сегодня? Сегодня нет у него таких значительных целей?

На эти вопросы, несмотря на все старания, исчерпывающих ответов получить не удалось.

ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА

После обобщения полученного опыта работы с фокус-группами, думается, что для грузинского населения важно разобраться в причинах грузино-абхазского конфликта и проанализировать эти причины. Причины конфликта, рассмотренные в ходе дискуссий, можно сформулировать следующим образом:

- "третья сила", т.е. имперская Россия;
- неправильная политика грузинского правительства;
- агрессия сепаратистского абхазского правительства;
- отрицательный настрой между абхазским и грузинским народами, образ врага.

Эти факторы были названы во всех группах, но, конечно, в разном количестве и в разных комбинациях. Основной предпосылкой конфликта, почти во всех группах, был назван фактор русской политики и идео-

логии, а также отрицательный заряд во взаимоотношениях абхазского и грузинского народов.

Примерно треть участников думает, что основной механизм конфликта заработал благодаря третьей силе, т.е. русскому империализму, основной девиз которого "разделяй и властвуй". Сторонники этой позиции считают, что с этой силой ни добрая воля народа, ни враждебный настрой между народами ничего не значат. Конфликт эмежду абхазами и грузинами не разгорелся бы, не будь политического давления извне. В таких случаях народ бессилён, он оказывается игрушкой в руках политических сил, к тому же масса народа очень легко управляема.

Противники этой позиции (меньшинство) считают, что отрицать ответственность народа в развязывании войны неправильно. Никакая третья сила не сможет разжечь конфликт, если этого не хотят обе стороны. Оба народа внесли свой вклад в эту неразбериху и должны это признать.

С другой точки зрения, виновато правительство Грузии, которое сделало неправильные политические шаги - в свое время не рассмотрело абхазский вопрос, абхазские проблемы, желания и нужды абхазов, не нейтрализовало напряженности между абхазами и грузинами. Самой большой ошибкой правительства было введение войск перед началом конфликта ("не войска, а банды"). Этим оно спровоцировало войну. Также виновато сепаратистское правительство Абхазии, которое толкнуло свой народ к агрессии. "Наша ошибка и показатель низкой культуры - то, что этническое происхождение приравнивается к государственности. Определенная группа абхазов решила построить государство для абхазов, а не Абхазию, грузины строят государство для грузин, а не Грузию. Такой подход, естественно, вызовет этническую чистку. Это политический национализм, который осуществляют отдельные группы с обеих сторон, не учитывая мнения народа".

Близкая к предыдущей позиция заключается в том, что виновны и народ, и правительства с обеих сторон. Ни правительства, ни народ не пытались остановить друг друга. Масмедиа также способствовала разжиганию антигрузинской и антиабхазской истерии, созданию образа врага.

Особенно важной причиной, или фоном, являлся взаимонастрой абхазского и грузинского народов. По мнению большинства, может, эти настроения и не были явно выраженными, но чувствовалось некоторое напряжение. Грузины, как бы чувствуя превосходство, высокомерно взирали на абхазов, те, со своей стороны, также отрицательно относились к грузинам. В основном эти настроения касались приехавших в Абха-

зию отдыхающих из Тбилиси. Проявлялось это, в основном, в том, что абхазы на обращенную к ним грузинскую речь, отвечали подчеркнуто по-русски, тем самым как бы игнорируя грузин и грузинский язык. Большинство участников считает, что, может быть, частично это и было игнорированием, но объективно в Абхазии, особенно в курортной зоне, где проживало много разных национальностей, основным контактным языком был русский. Абхазы между собой тоже говорили по-русски, а часто и местные грузины. Также в Тбилиси лет 10-15 назад, в элитарных кругах считалось модным говорить на русском языке, и вероятно, это было результатом работы русской идеологии. Также было подчеркнуто, что в Абхазии существовал отрицательный стереотип грузина. "С обеих сторон было какое-то шизофреническое отношение друг к другу, в определенной ситуации абхаз мог сказать: сыграй, спой что-нибудь абхазское, не знаешь? ну, тогда грузинское, и это было естественно, а в другой ситуации у того же абхаза, при упоминании грузина, сыпались искры из глаз. Такая же шизофрения была и с грузинской стороны, но более опасная, так как была скрыта и не проявлялась, в отличие от абхазской." Такой фон для своих целей прекрасно использовала "третья сила".

Рядом с такой напряженной картиной, значительная часть респондентов (в основном те, кто имеет родственников в Абхазии, кто годами жил там, кто имеет опыт народной дипломатии) считает, что их отношения с абхазами были отношениями равенства и доброжелательности.

В общем, большинство, независимо от позиции, приводит много примеров и фактов, в которых выступает вперед положительный образ абхаза (как он помог во время войны грузинскому соседу, как спас незнакомого грузина, как бережет и сегодня дом грузинского друга, примеры непрерывных контактов и т.д.). Среди участников чувствуется потребность в положительной информации.

ЧТО МЫ НАЗЫВАЕМ РЕШЕНИЕМ КОНФЛИКТА

В связи с понятием "решение конфликта" возник вопрос о том, что важнее - территория или человек? Какое понятие более значимо - Грузия или грузин? Абхазия или абхаз?

Исходя из этих вопросов, варианты решения конфликта можно обозначить таким образом (расположены по убывающей частоте):

- возврат территории Абхазии в состав Грузии;
- возвращение беженцев в Абхазию при гарантированной безопасности;
- независимое абхазское государство.

Для большинства решение конфликта это - целостная Грузия с входящими в нее абхазской землей и абхазами, а также с возвратившимися в свои дома беженцами. Но тут встает вопрос, какой статус будет иметь Абхазия, что мы ей предлагаем, какие даем гарантии. По мнению меньшинства, никакой автономии ни у Абхазии, ни у других уже существующих автономий быть не должно, так как это только создает почву для конфликта.

Но для большинства сторонников возврата Абхазии важно, чтобы в Грузии была такая государственная структура - например, какое-нибудь федеральное устройство - где будут защищены права человека и права этнических групп. Так как абхазы не пожелали оставаться в границах Грузии в качестве автономии, то нужно предложить им какую-нибудь приемлемую для них форму федерального устройства, обе стороны должны пойти на компромисс.

Сторонники позиции, для которой исходной точкой является человек, считают, что главное вернуть беженцев на их земли, гарантировать защиту их прав, и не важно, каково будет распределение территории. "Главное, чтобы создалась государственная модель, где будут нормальные, здоровые, цивилизованные отношения между народами; как распределяется территория не имеет значения." (представители молодежного крыла интеллигенции).

Меньшинство, имеющее твердую позицию, считает, что идея создания независимого абхазского государства должна быть рассмотрена вместе с другими возможными вариантами, должна "произойти артикуляция и продумывание этой точки зрения" (представители НПО, студенты, молодые представители интеллигенции).

ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА

Основными путями разрешения конфликта были названы:

- дипломатия на уровне правительства;
- народная дипломатия;
- силовой подход.

Но эти пути должны рассматриваться в соотношении с целью (возвращение беженцев, возврат территории, независимость Абхазии и т. д.) и другими важными факторами; В соответствии с целью меняются и пути, приводящие к ней.

В вопросе урегулирования конфликта самым значительным фактором считается политика России, она видится самым большим препятствием

для достижения вышеизложенных целей. "Никакая правительственная и народная дипломатия не имеет никакого смысла, так как все решает Россия". Также не имеет никакого смысла использовать в Абхазии военные силы, так как это вновь будет войной с Россией. "Пока не снимется фактор России, пока Россия не выйдет из Абхазии, этот конфликт не урегулируется ни на уровне народной дипломатии, ни силовым путем", - таково мнение большей части респондентов почти во всех группах.

Тут же приводили внешне похожую на предыдущую, но отличающуюся по сути, позицию: конфликт не уладится ни на уровне правительственной дипломатии, ни на уровне народной дипломатии не из-за России, а из-за неимения у правительства и народа четко обозначенных целей. "Мы ничего не добьемся, так как государственная политика совершенно неопределена" (интеллигенция).

Сторонники возврата территории, хотя и высказываются за силовой метод, но в настоящее время отвергают применение силы за неимением сегодня у Грузии соответствующих сил и подготовки. Но под силовым методом они подразумевают не введение танков в Абхазию, а некую силу, с которой будут считаться абхазы, так же, как сейчас считаются с Россией. Есть еще несколько вариации силового подхода. Один из них подразумевает не военные действия в Абхазии, а действия некоего вооруженного отряда наделенного функциями контроля и миротворчества, который по принципу силы и закона наведет порядок в Абхазии. Только такой контролирующей силой не должна быть Россия, скорее, тут более уместна ООН. По мнению одного участника, этот отряд должен состоять из грузин и абхазов. Этот силовой подход не исключает народной дипломатии - она будет выполнять свою работу, но решать все будет сила.

Также было высказано мнение, что конфликт урегулируется, если появится сила, которая сможет противостоять России и защитит интересы Грузии. Этой силой мог бы быть Запад, но Запад в настоящее время Грузией не интересуется.

Идея "регулирующей" третьей силы фигурирует не только как "силовая" идея, но и как "идея фасилитатора", который будет решать спорные вопросы и решения его будут иметь статус закона. Эта третья сила должна быть нейтральной и состоять из компетентных, профессиональных, опытных лиц представителей разных стран, только не России.

В общей выборке большинство вообще отрицает войну; сторонники этой позиции, в основном, студенты. Нет войне! Не потому, что у Грузии нет сил, а потому, что война недопустима вообще. Они признают роль народной дипломатии в урегулировании конфликта, в создании фона

и в упорядочивании взаимоотношений после официального решения. Прежде чем правительства подпишут договор, народная дипломатия должна подготовить народ, создать положительное общественное мнение, найти воссоединяющий стимул. Над этими вопросами должны работать психологи, социологи, конфликтологи, НПО. Должно существовать сотрудничество как на уровне народной дипломатии, так и на уровне правительственной дипломатии.

Есть и более четко выраженная позиция (в основном, у тех, кто имеет опыт работы в народной дипломатии). Она заключается в том, что народ сам должен принять решение ("почему кто-то наверху должен решать за меня"), так как на уровне правительства сегодня ничего не делается. Эта активность должна идти снизу, чтобы дать толчок политическому решению вопроса.

Есть и более радикальная точка зрения, она заключается в том, что правительство сегодня не только бездействует, но и мешает деятельности народной дипломатии, которая стремится наладить взаимоотношения между абхазами и грузинами. "В настоящее время, если что-то и действует в Абхазии, то это - народная дипломатия" (опыт жизни в Абхазии, абхазские родственники).

Значительная часть респондентов основную роль в урегулировании конфликта приписывает переговорам на государственном уровне, а не народной дипломатии. Народная дипломатия рассматривается как вспомогательное средство, которое самостоятельно не оказывает никакого влияния.

В качестве своеобразного фактора было рассмотрено понятие времени. Не нужно никакой активности - пройдет время, мировые политические силы перераспределятся в нашу пользу, и абхазская проблема уладится. Для устранения того же российского фактора нужно время, время требуется и для того, чтобы пришли в согласие позиции народа и правительства. Должно пройти время, чтобы выросло новое поколение, которое другими глазами взглянет на эту проблему. "Для формирования такого государства и развития экономики до такой степени, чтобы абхазы захотели жить с нами, требуется Время".

Близки к "идеи времени" и те, которые надеются на механизм саморегуляции. Они считают, что во всех системах заложена потенция самообновления, саморегуляции, и эти процессы, если не полностью, то частично решают проблему.

Как мы видим, из трех методов урегулирования конфликта, народная дипломатия, как однозначный метод, признана меньшинством. Боль-

шая часть признает за ней роль вспомогательного механизма, а значительная часть респондентов вообще отрицает ее эффективность в деле урегулирования конфликта.

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЛИКТА

Несмотря на то, что часть респондентов вообще не признает народную дипломатию, а большинство участников видит в ней только вспомогательное или малоэффективное средство, почти все группы активно включились в процесс планирования трансформации конфликта и определения роли народной дипломатии в этом процессе. Роль народной дипломатии в трансформации конфликта была определена как участие в формировании общественного мнения, разрушении образа врага, замене старых стереотипов новыми, формировании новых ценностей.

Препятствиями этому процессу опять-таки названы Россия, правительство Абхазии и неопределенность позиций правительства Грузии.

Сторонники народной дипломатии отмечали, что значительную роль в процессе трансформации конфликта играет народ. Правда, сегодня эти два народа не могут полностью уладить конфликт, но они могут создать определенную почву для принятия официального решения. "Если предпосылка конфликта был в народе, то и предпосылку к его разрешению надо искать в народе". "Человек всегда стремится к миру, народ хочет мира, война его не устраивает". В то же время не следует забывать, что обе стороны могут проявить большую агрессию, так как и у той, и у другой были потери.

Кто должен осуществлять народную дипломатию?

Народную дипломатию должны осуществлять грузинский и абхазский народы, начиная с отдельных личностных контактов и малых групп. Отметили особую роль НПО в осуществлении этого процесса. Правда, небольшая часть участников оценила НПО, как псевдоэлиту или единицу подчиненную правительству, но для большинства активность НПО имеет существенное значение, так как они уже "выразили в Грузии свои позиции четко и эффективно". Для большинства это независимый от правительства сектор, независимый в финансовом смысле и незапятнанный "черными" деньгами. Такая цивилизованная форма народной дипломатии вполне приемлема, в отличие от митингов и террора.

Существенную роль в осуществлении народной дипломатии могут играть и международные институты, иностранные общественные организации.

Во всех группах особый акцент был сделан на молодежь. Молодое поколение может сыграть важную роль в трансформации конфликта. Нужно помочь ему освободиться от стереотипов родителей, от агрессии. Нужно посылать молодежь обеих сторон учиться за границу, они там освоят западный образ мышления и другими глазами извне взглянут на ситуацию, это поможет им наладить взаимоотношения между народами.

Как должна осуществляться народная дипломатия, в каком направлении должна идти работа?

Главная задача - уменьшить агрессию двух народов, разрушить образ врага. Для этого активно должна работать масмедиа. Масмедиа сыграла большую роль в разжигании конфликта, она же должна поработать для его трансформации. Сегодня масмедиа вроде опять работает на создание отрицательного образа - никакой положительной информации в связи с взаимоотношениями двух народов, никакой информации о работе народной дипломатии, по телевидению опять военные кадры. Масмедиа должна подавать информацию народу квалифицировано и миролюбиво. Надо рассказать ему о том, как абхазы помогали грузинам во время войны, спасали их от смерти, как сегодня они сторожат дома грузинских соседей и друзей, рассказать о том, что часть грузин и абхазов общаются между собой и сегодня.

Нужно заполнить информационный вакуум, информация должна быть доступна обеим сторонам. Оба народа должны знать о жизни друг друга.

Очень важно постоянные взаимобвинения заменить признаниями. Обе стороны на уровне народа и правительства должны признать свою вину в развязывании конфликта. "Перестанем винить друг друга и займемся жизнью".

Трансформацию конфликта задерживает расплывчатость позиции Грузии: "чего мы хотим, что мы собираемся делать?" Не сформулировано также и общественное мнение. "Наши действия должны быть понятны абхазам, они не должны бояться, что мы, вооружившись, ворвемся к ним, наше правительство и общество должны быть понятными для абхазского народа". Нужно ясно сформулировать для обеих сторон, что предлагает Абхазии Грузия. Своими предложениями она должна заинтересовать абхазов в совместной жизни. На первый план должна выйти гражданственность, граждане должны быть равноправными, их права должны быть защищены. Нужно предложить приемлемый для абхазов цивилизованный государственный строй и сильную экономику, должно определиться владение на землю. Абхазы объединились как нация, и это должно быть признано грузинской стороной.

Народная дипломатия должна работать над восстановлением контактов. Все участники группы с удовольствием приняли идею встречи с абхазами, почти все выразили желание и готовность (кроме нескольких человек из группы безработных и работающих). Должны устраиваться встречи, некоторые грузины вообще не видели абхазов, "абхазы должны увидеть, что грузины не волки". Чем больше людей познакомится, тем меньше будет недоверия, страха и ненависти с обеих сторон. Особенно активно приняли и рассмотрели идею таких встреч журналисты и представители НПО. По их мнению, вначале должны встретиться гомогенные группы (студенты со студентами, журналисты с журналистами, медики с медиками, НПО с НПО и т.д.), а уже потом неоднородные группы.

Грузия и Абхазия, как части кавказского пространства, имеют много общего в традициях и в интересах. Обе они равно рассматриваются в общем кавказском пространстве, как носители общего менталитета, общих традиций, и все это должно быть использовано.

В сферу интересов как абхазов, так и грузин входят - восстановление мира, возвращение беженцев, а также поднятие экономики, оба народа сегодня в тяжелом экономическом положении, особенно абхазы. В сферу общих интересов входят экология и наука; должны восстановить родственные связи; обе стороны заинтересованы в уменьшении ненависти, а также в наказании виновников войны.

Отдельно можем привести конкретные идеи, осуществление которых, по мнению респондентов, поможет народной дипломатии решить вышеуказанные вопросы:

- телемост;
- совместные научные конференции, контакты между учеными;
- плакаты, брошюры миротворческого характера;
- обмен студентами;
- совместный отдых подростков и молодежи;
- совместные психологические и социологические исследования;
- радио- и телепередачи на абхазском языке;
- открытие абхазского центра в Тбилиси;
- выпуск газеты на двух языках;
- создание информационного канала, обмен информацией;
- совместные проекты НПО;
- планирование встреч бывших соседей, молодежи, ученых и т.д.
- совместные концерты, фестивали и т.д.

XXX

Малый объем проведенного нами социологического исследования, не дает нам право отнести его результаты ко всему населению Грузии и говорить о четких различиях в позициях исследуемых групп. Но думаем, отмеченные в анализе тенденции заслуживают внимания и учета в процессе планирования народной дипломатии.

На основе данных общей выборки можно отметить, что наше население занимает пассивную гражданскую позицию, но чувствуется, что большинство готово в определенной ситуации - при наличии внешнего толчка - включиться в процесс народной дипломатии.

Высокую готовность проявляют студенты и те, кто уже участвовал в народной дипломатии, имеет родственников абхазов или жил до конфликта в Абхазии (не беженцы).

На последнем этапе встречи почти все, кто "верит" и кто "не верит", активно включились в обсуждение идей, связанных с осуществлением народной дипломатии. Это свидетельствует о том, что участие в таких дискуссионных группах и в самом процессе народной дипломатии увеличивает положительную установку по отношению к народной дипломатии. Почти все высказывают готовность участвовать во встрече с абхазами, приводят конкретные примеры, как во время войны абхазы помогали грузинам, как сегодня абхазы и грузины общаются; вспоминают абхазских друзей и знакомых и т.д. Все однозначно отрицательно оценили конфликт и чувствовалось желание признания своих ошибок и ожидание того же со стороны абхазов.

Думаем, что надо использовать и активизировать этот положительный потенциал. Поскольку внутренняя готовность граждан не проявляется в определенных действиях, импульс к их началу должен быть подан извне организованными группами народной дипломатии.

Надо изучить общественное мнение и осуществить целенаправленную работу с целью разрушения образа врага, с учетом аттитюдов разных социальных групп.

Особое внимание надо обратить на молодое поколение, оно может сыграть важную роль в трансформации конфликта.

Населению Грузии и Абхазии надо дать больше информации о сущности и возможностях народной дипломатии и об ее успешной деятельности. Для этого надо активизировать работу масмедии.

Нужно заполнить информационный вакуум, информация должна быть доступна обеим конфликтующим сторонам.